

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

51 2025
ЧАСТЬ VII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 51 (602) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Джозеф Стиглиц* (1943), американский экономист-кейнсианец.

Джозеф Стиглиц родился в 1943 году в городе Гэри (штат Индиана, США) в небогатой еврейской семье. Его отец, Натаниэль Стиглиц, был страховым агентом, а мать Шарлотта (урожденная Фишман) — школьной учительницей. Стиглиц учился в Амхерстском колледже, где был главой студенческого совета, а затем продолжил обучение в Массачусетском технологическом институте (МТИ), где защитил докторскую диссертацию.

В 1965–1966 годах Стиглиц занимался исследовательской работой в Чикагском университете, в 1966–1970 годах — в Кембриджском университете в Великобритании. В то время его изыскания были посвящены проблемам экономического роста, инноваций и перераспределения доходов. Вернувшись в США, он начал работать в Йельском университете, где специализировался на экономике рисков, что в конечном счете привело его к главной теме научных исследований — теории информационной экономики.

В дальнейшем Стиглиц занимал академические должности во многих ведущих американских и британских университетах: Оксфорде, Станфорде, Принстоне и др. В 1992 году он переехал в Вашингтон, чтобы работать в администрации президента США Билла Клинтона — входил в состав Совета экономических консультантов при президенте США и возглавлял этот совет. В 1997–2000 годах Стиглиц был старшим вице-президентом и главным экономистом Всемирного банка. С 2000 года он является профессором Колумбийского университета.

Научные интересы Стиглица широки и многообразны, однако в центре его внимания всегда оставались проблемы сбора, анализа и распространения информации, принятия решений в условиях недостаточной информации, а также роль неполной информации в конкурентном процессе. В ряде новаторских статей, преимущественно обобщавших результаты анализа рынков страховых услуг, он показал, что нельзя утверждать, будто нерегулируемая конкуренция оптимизирует экономическое благосостояние или хотя бы приведет к равновесию спроса и предложения; тем более это неверно в отношении монополистической конкуренции и олигополии.

Будучи кейнсианцем и сторонником активной роли государства в экономике, Стиглиц подвергает жесткой критике неограниченный рынок, монетаризм и неоклассическую экономическую школу вообще, а также неolibеральное понимание глобализации и политику Международного валютного фонда в отношении развивающихся стран. По его мнению, современный капитализм может и должен быть усовершенствован. Критикуя «неолиберальный крен» в экономическом образовании, Стиглиц написал учебник по основам экономики, который был

призван устранить такой перекося в процессе преподавания экономики.

Стиглиц не только известный экономист, он активно участвует в политической и общественной жизни США. В 2000 году на базе Колумбийского университета он создал научное сообщество экономистов и политологов «Инициатива за политический диалог» (The Initiative for Policy dialogue), цель которого — помочь странам с переходной и развивающейся экономикой выработать альтернативные пути развития и укрепить гражданское общество. Он также возглавлял комиссию экспертов при председателе Генеральной Ассамблеи ООН по реформированию международной валютно-финансовой системы и международную комиссию, задачей которой была выработка критериев оценки экономической деятельности и социального прогресса без опоры на ВВП страны.

Стиглиц был редактором и членом редколлегий многих специализированных журналов: *Journal of Public Economics*, *Review of Economic Studies*, *American Economic Review*, *Journal of Economic Theory*, *Journal of Economic Perspectives* и др.

В 2001 году Стиглиц совместно с американскими экономистами Джорджем Акерфолом и Майклом Спенсом был удостоен Нобелевской премии «за анализ рынков с несимметричной информацией», то есть таких рынков, на которых одни участники обладают большим объемом информации, чем другие.

Научные заслуги и общественно-политическая деятельность Стиглица отмечены и другими престижными наградами, среди которых — медаль Джона Бэйтса Кларка за научные достижения; премия Джеральда Лоэба за выдающуюся финансовую журналистику, премия «Глобальная экономика», присуждаемая Кильским институтом мировой экономики.

Стиглиц — член Американской академии искусств и наук, Национальной академии наук США, Эконометрического общества и Американского философского общества. Он был президентом Восточной экономической ассоциации и президентом Международной экономической ассоциации.

Джозеф Стиглиц является почетным доктором более 40 университетов, в том числе Кембриджского, Гарвардского и Оксфордского, иностранным членом Российской академии наук и Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе, кавалером ордена Почетного легиона.

В 2011 году журнал *Time* назвал Стиглица одним из 100 самых влиятельных людей в мире, а журнал *Foreign Policy* включил его в список 100 ведущих мировых мыслителей.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Александрова К. Н., Бадертдинова И. Я.

Апелляционное производство
в арбитражном и гражданском процессах:
общее и различия 435

Аликина Д. В.

Надзор за законностью возбуждения
уголовных дел органами дознания 438

Алиханов Э. А.

Проблемы применения административной
ответственности в сфере таможенного дела ... 440

Алиханов Э. А.

Дифференциация административной
ответственности в зависимости от состава
правонарушений в сфере таможенного
права, совершаемых физическими лицами 443

Анфалова Е. Л.

Жалоба на фундаментальные
нарушения норм права: миф о «быстром
надзоре» или реальный шанс? Анализ
экстраординарного механизма обжалования
в Верховном Суде РФ 445

Аубакиров Р. С.

Криминологическая характеристика
преступлений, связанных с использованием
информационных технологий 447

Аубакиров Р. С.

Спорные вопросы квалификации
преступлений, совершенных
с использованием информационно-
телекоммуникационной сети Интернет..... 449

Балякин К. П., Левакина С. И.

Апелляционная коллегия мировых судей как
альтернативное звено судебной системы РФ... 451

Благодарная Д. А., Пушкина Ж. В.

Проблемы реализации экологических прав
граждан в РФ 453

Благодарная Д. А.

Проблемы защиты прав субъектов
предпринимательской деятельности и пути
их решения 456

Варфоломеев А. С.

Исследование методов взлома и средств
обеспечения безопасности входных
дверей при совершении квартирных краж
с незаконным проникновением 458

Вельмискин М. А.

Эволюция правового регулирования
государственного земельного надзора 461

Воронова И. А.

Существенные условия договора: теория
и практика 464

Гаврищук А. В.

История возникновения и становления
института специальных знаний в уголовном
судопроизводстве 470

Гарников С. С.

Особенности административной
ответственности управляющих компаний
в сфере жилищно-коммунального хозяйства... 472

Гарников С. С.

Своеобразие законодательства
Российской Федерации
об административных правонарушениях:
проблемы и пути решения 475

Гарников С. С.

Особенности административного
правонарушения как основания для
административной ответственности
в теории и практике 478

Герасимов А. И., Пупцева Е. А.

Применение искусственного интеллекта
в деятельности прокуратуры в Российской
Федерации 481

Гергерт Л. Г.

Особенности обращения взыскания
на имущество должника в современном
правовом поле 484

Глухова Е. О., Кирпичева А. В., Хабибулина Э. Д.

Право граждан на медицинскую помощь:
проблемы реализации 486

Глушкова С. Ю.

Компенсация морального вреда в сфере
трудовых отношений 488

Глушкова С. Ю.

Компенсация морального вреда:
гражданско-правовые и процессуальные
аспекты 490

Головин Е. В.

Контроль расходов публичных должностных
лиц и противодействие отмыванию
денег и финансированию терроризма:
согласование правовых режимов и пределы
финансово-информационного обмена 493

Гриднев Г. И.

Имплементация международно-правовых
норм охраны окружающей среды
в регулировании недропользования 496

Демидова А. В.

Насильственные посягательства на половую
свободу и половую неприкосновенность
личности..... 500

Демичева А. Г.

Судебный прецедент как инструмент
ограничения судейского усмотрения: баланс
между единообразием и независимостью..... 502

Донцов А. А.

Особенности недействительности сделок 504

Драч А. М.

Современные проблемы воспитательной
работы с несовершеннолетними,
отбывающими наказание 505

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Апелляционное производство в арбитражном и гражданском процессах: общее и различия

Александрова Ксения Николаевна, студент;

Бадертдинова Илюза Ялиловна, студент

Научный руководитель: Азаматова Лена Ленисовна, старший преподаватель
Уфимский университет науки и технологий

В рассматриваемой статье авторами исследуются общие черты и ключевые различия апелляционного производства в арбитражном и гражданском процессах в Российской Федерации. Авторы анализируют особенности субъектного состава, сроки обжалования, порядок подачи жалобы, пределы рассмотрения дела судом апелляционной инстанции, а также основания для отмены или изменения судебных актов. Ключевой целью статьи авторы ставят выявление специфики каждой процедуры для унификации правоприменения и повышения эффективности нарушенных прав в обоих процессах.

Ключевые слова: судопроизводство, апелляционное производство, арбитражный процесс, гражданский процесс, общее и различия.

Производство в суде апелляционной инстанции обеспечивает дополнительные гарантии права на судебную защиту, предусматривая повторное рассмотрение спора по существу. Уверенность в возможности пересмотра решений другими судьями имеет ключевое значение для современного российского права. Поскольку апелляционное производство в арбитражном и гражданском процессах является фундаментальной защитой прав и интересов участников судопроизводства. Вследствие нарушения материальных и процессуальных норм права непосредственно нарушаются права лиц, участвующих в рассмотрении дела, да и не только их. С целью их восстановления и исправления судебных ошибок, у определенного круга лиц возникает право на подачу апелляционной жалобы. Хотя апелляция в гражданском и арбитражном процессах имеет общие задачи — исправление судебных ошибок и проверку законности решений — и единое ключевое правило — обжалование только не вступивших в законную силу решений — между ними существуют и процедурные различия.

Для начала анализа необходимо определиться с субъектами, которые имеют право апелляционного обжалования. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — ГПК РФ) устанавливает указанный круг лиц в статье 320. Так, право апелляционного обжалования принадлежит сторонам и другим лицам, участвующим в деле [1]. Право принесения апелляционного представления принадлежит прокурору, участвующему

в деле. Также апелляционную жалобу вправе подать лица, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и обязанностях которых был разрешен судом.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК РФ) устанавливает право апелляционного обжалования в статье 257. Так, лица, участвующие в деле, а также иные лица, в случаях, предусмотренных АПК РФ, вправе обжаловать в порядке апелляционного производства решение арбитражного суда первой инстанции, не вступившее в законную силу [2]. При этом перечень «иных лиц» перечислен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» [3]. Им устанавливается, что к иным лицам в силу ч. 3 ст. 16 и ст. 42 АПК РФ относятся лица, о правах и об обязанностях которых принят судебный акт. В связи с этим, лица, не участвующие в деле, как указанные, так и не указанные в мотивировочной и/или резолютивной части судебного акта, вправе его обжаловать в порядке апелляционного производства в случае, если он принят об их правах и обязанностях, то есть данным судебным актом непосредственно затрагиваются их права и обязанности. К лицам, имеющим право на обжалование в порядке апелляционного производства относятся также правопреемники лиц, участвующих в деле, эксперты, специалисты, свидетели, переводчики в части выплаты им вознаграждения и/или

возмещения расходов, понесенных при рассмотрении дела, и прокурор, по делам, указанным в ч. 1 ст. 52 АПК РФ, даже если он не участвовал в рассмотрении этого дела в арбитражном суде первой инстанции.

Можно отметить, что, хоть и формулировки, приведенные в ГПК РФ и АПК РФ, различаются, круг субъектов, имеющих право апелляционного обжалования, одинаков. При этом дополнительное и емкое раскрытие понятия «иных лиц» является объективным плюсом арбитражного законодательства.

Ст. 320.1 ГПК РФ определяет подсудность апелляционных жалоб и представлений, устанавливая иерархическую систему судов: от районного суда до Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ. В отличие от АПК РФ, где в ст. 258 установлено, что апелляционные жалобы рассматривает арбитражный суд апелляционной инстанции. Согласно ст. 33.1 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ, в настоящее время функционирует 21 арбитражный апелляционный суд [4]. При этом один такой суд рассматривает жалобы и представления, поступившие из арбитражных судов первой инстанции, расположенные на территории сразу нескольких субъектов РФ [5, с. 17]. Так, например, Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд пересматривает судебные акты, принятые арбитражными судами Республики Башкортостан, Курганской, Челябинской и Оренбургской областей.

Однако на практике часто встречаются случаи нарушения правил подсудности. Так, например, Десятый арбитражный апелляционный суд прекратил производство по делу, указав: «В силу п. 2 ч. 1 ст. 320.1 ГПК РФ апелляционные жалобы, представления на решения районных судов рассматриваются верховным судом республики, краевым, областным судом, судом города федерального значения, судом автономной области, судом автономного округа. Таким образом, в соответствии с установленным КоАП РФ и ГПК РФ порядком обжалования, постановление Находкинского городского суда Приморского края подлежало обжалованию в вышестоящий суд, то есть в Приморский краевой суд. Суд первой инстанции, принимая к рассмотрению заявление ООО «Оптималог Про» и вынося обжалуемое решение, вышел за пределы своей компетенции, установленной ст. 27, 29 АПК РФ. Рассмотрение дела с нарушением правил подсудности является безусловным основанием для отмены судебного акта, принятого по существу спора. П. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ предусмотрено, что арбитражный суд прекращает производство по делу, если установит, что дело не подлежит рассмотрению в арбитражном суде. В силу п. 3 ст. 269 АПК РФ, одновременно с прекращением производства по делу подлежит отмене принятый судом первой инстанции по существу спора судебный акт. С учетом изложенного обжалуемое решение подлежит отмене на основании п. 4 ч. 1 ст. 270 АПК РФ в связи с нарушением судом норм процессуального права, а производство по делу — прекращению» [6].

Притом сам порядок подачи апелляционных жалоб и представлений одинаков: они подаются на не всту-

пившие в законную силу судебные решения через суд первой инстанции, который рассматривал соответствующее дело. Это имеет место, поскольку вместе с жалобой в апелляцию направляются и материалы самого дела.

Срок подачи жалоб одинаковый для обоих видов судопроизводства и составляет один месяц после принятия судом первой инстанции соответствующего решения. При этом арбитражный суд должен направить апелляционную жалобу вместе с делом в соответствующий суд апелляционной инстанции в течение трех дней со дня поступления такой жалобы в суд. Стоит отметить, что в гражданском судопроизводстве такой срок не указан. Законодатель лишь обязывает суд первой инстанции совершить ряд подготовительных действий после принятия жалобы. Отсутствие четкого срока в ГПК РФ часто приводит к затягиванию процесса передачи дела на апелляционное рассмотрение по сравнению с арбитражным процессом, где таких проблем нет. Соответственно, авторы статьи предлагают внесение следующих поправок в ГПК РФ, а именно закрепление конкретного временного интервала, в течение которого суд первой инстанции обязан направить жалобу вместе с материалами дела в апелляционную инстанцию, например, трехдневный срок, аналогично АПК РФ.

При сравнении пределов рассмотрения дела судами апелляционной инстанции, можно найти как общее, так и различное. По своей сути, принцип един: проверка решения в рамках доводов жалобы. Также вне зависимости от содержания жалобы, проверяется соблюдение норм процессуального права. Общими являются, и запрет на предъявление новых требований, и возможность представить дополнительные доказательства только при уважительных причинах. Формулировка в АПК РФ немного шире, чем в ГПК РФ. Так, ст. 268 АПК РФ устанавливает, что при рассмотрении дела в порядке апелляционного производства арбитражный суд по имеющимся в деле и дополнительно представленным доказательствам повторно рассматривает дело. При этом лица, участвующие в деле, вправе заявлять ходатайства, в том числе и о приобщении к делу письменных и вещественных доказательств. Обратимся к судебной практике. Так, например, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении указал: «Ходатайство ответчика о приобщении к материалам дела схемы расположения преобразователя, выдержки из инструкции об эксплуатации прибора учета рассмотрено судом апелляционной инстанции в порядке статьи 159 АПК РФ и удовлетворено на основании статьи 268 АПК РФ, с учетом разъяснений, содержащихся в пункте 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» [7]. При этом ст. 327.1 ГПК РФ закрепляет, что суд апелляционной инстанции рассматривает дело в пределах доводов, изложенных в апелляционной жалобе, представлении и возражениях относительно жа-

лобы, представления. Исходя из этого, можно сказать, что пределы рассмотрения дел судами апелляционной инстанции имеет много общего, а различия заключаются больше в формулировках.

Анализ оснований для пересмотра судебных актов в апелляционном порядке, регламентированных статьями 270 АПК РФ и 330 ГПК РФ, демонстрирует высокую степень унификации базовых требований к правосудию. Сходства прослеживаются в структуре оснований (деление на общие и безусловные) и в критериях неправильного применения материального права, которые являются абсолютно идентичными в обеих статьях (неприменение надлежащего закона, применение ненадлежащего закона и неправильное истолкование). Совпадает перечень и безусловных оснований для отмены решения (п.4 обеих статей). Важно уточнить, что безусловные основания для отмены решения суда — это процессуальные нарушения, которые в любом случае влекут отмену решения вне зависимости от правильности итоговых выводов суда. Так, незаконный состав суда, неизвещение сторон, нарушение тайны совещания судей являются одинаковыми, что подчеркивает единый стандарт процессуальных гарантий защиты прав лиц в обеих системах.

Отличия же можно отметить в формулировках, так ст. 270 АПК РФ устанавливает, что основаниями для изменения или отмены решения арбитражного суда первой инстанции являются:

- 1) неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела;
- 2) недоказанность имеющих значение для дела обстоятельств, которые суд считал установленными;
- 3) несоответствие выводов, изложенных в решении, обстоятельствам дела;
- 4) нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права.

Ст. 330 ГПК РФ устанавливает, что основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке являются:

- 1) неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела;
- 2) недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела;
- 3) несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела;
- 4) нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права.

Сущность не меняется, различие лишь в формулировках. Отличие также можно найти и в п. 6 ст. 330 ГПК РФ. Так, он устанавливает, что правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено по одним только формальным соображениям. Данный аспект является оценочным. Его раскрывает п. 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16: «например, из-за нарушения судом первой инстанции порядка судебных прений, необоснованного освобождения лица, участвующего в деле, от уплаты государственной пошлины и т. п. Характер допущенных судом первой инстанции нарушений, а также вопрос о том, могли ли они привести к неправильному разрешению спора, оценивается судом апелляционной инстанции в каждом конкретном случае исходя из фактических обстоятельств дела и содержания доводов апелляционных жалобы, представления» [8]. Данного аспекта АПК РФ не закрепляет. Нельзя точно сказать, является ли это недостатком, так как специфика рассмотрения дел в арбитражных судах и судах общей юрисдикции различается между собой. Однако авторы статьи предлагают рассмотреть на законодательном уровне внесение аналогичного положения в АПК РФ, поскольку это позволит защитить законные и обоснованные решения арбитражных судов от отмены вышестоящими инстанциями.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.12.2025).
2. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.12.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Официальный интернет-портал правовой информации «Консультант.Плюс» [Электронный ресурс]. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356423/ (дата обращения: 13.12.2025).
4. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации «Консультант.Плюс» [Электронный ресурс]. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356423/ (дата обращения: 13.12.2025).
5. Попов, И. В. Различия апелляционного производства в гражданском и арбитражном процессах // Актуальные вопросы юридических наук: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, июнь 2019 г.). — Краснодар: Новация, 2019. С. 17–19. [Электронный ресурс]. URL:<https://moluch.ru/conf/law/archive/334/15136> (дата обращения: 13.12.2025).
6. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 09.04.2025 г. по делу № А41–98000/2024 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:<https://sudact.ru/arbitral/doc/mdAJwvvOVDdb/> (дата обращения: 19.12.2025).

7. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.05.2023 № 17АП-4617/23 по делу № А71-16049/2022 // Официальный интернет-портал правовой информации «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/65648550/> (дата обращения: 19.12.2025).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Официальный интернет-портал правовой информации «Консультант.Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388238/ (дата обращения: 15.12.2025).

Надзор за законностью возбуждения уголовных дел органами дознания

Аликина Диана Викторовна, студент магистратуры

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы, связанные с надзором за законностью возбуждения уголовных дел органами дознания. В частности, исследуются вопросы сущности такого надзора, а также определяется круг проблем, которые не позволяют осуществлять такой надзор эффективно и в полной мере. Предлагаются меры по оптимизации надзора.

Ключевые слова: надзор, прокурор, органы дознания, УПК РФ, уголовное судопроизводство.

Supervision of the legality of initiation of criminal cases by inquiry authorities

Alikina Darya, master's student

Volgograd Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article examines issues related to supervision of the legality of initiation of criminal cases by inquiry authorities. In particular, the issues of the essence of such supervision are examined, and the range of problems that do not allow such supervision to be carried out effectively and fully are determined. Measures to optimize supervision are proposed.

Keywords: supervision, prosecutor, inquiry authorities, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, criminal proceedings.

Эффективность системы уголовного судопроизводства в значительной степени зависит от законности и обоснованности принятия решения о возбуждении уголовного дела. Именно на этом этапе закладывается фундамент для дальнейшего расследования и судебного разбирательства. В связи с этим, прокурорский надзор за законностью возбуждения уголовных дел органами дознания приобретает особое значение как гарантия защиты прав и законных интересов граждан и организаций, вовлеченных в уголовный процесс. Данная статья посвящена комплексному анализу теоретических и практических аспектов прокурорского надзора за законностью возбуждения уголовных дел органами дознания, базирующемуся на положениях действующего законодательства, правовой доктрине и актуальной судебной практике.

В соответствии со ст. 129 Конституции РФ, прокуратура Российской Федерации является единой централизованной системой органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации [2]. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ)

конкретизирует данное конституционное положение, определяя полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве, в том числе в стадии возбуждения уголовного дела (ст. 37 УПК РФ) [5].

Прокурорский надзор за законностью возбуждения уголовных дел органами дознания является составной частью общего надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Его сущность заключается в проверке соответствия принимаемых органами дознания решений о возбуждении уголовного дела требованиям уголовно-процессуального закона, а также в своевременном устранении выявленных нарушений.

К основным задачам прокурорского надзора за законностью возбуждения уголовных дел органами дознания относятся [6, с. 21]:

— Обеспечение законности и обоснованности возбуждения уголовных дел;

— Защита прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовный процесс на стадии возбуждения уголовного дела;

— Предотвращение необоснованного уголовного преследования;

— Обеспечение своевременного и эффективного расследования преступлений.

Предметом прокурорского надзора на данном этапе являются:

— Соблюдение органами дознания требований закона при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях;

— Законность и обоснованность вынесенных постановлений о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела;

— Соблюдение сроков принятия решений по сообщениям о преступлениях;

— Соответствие требованиям закона проведенных проверочных мероприятий и собранных материалов, послуживших основанием для принятия решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

В соответствии с УПК РФ, прокурор наделен широким спектром полномочий, направленных на обеспечение законности возбуждения уголовных дел органами дознания. К числу основных полномочий относятся [1, с. 56]:

— *Истребование и проверка законности процессуальных документов.*

Прокурор вправе истребовать от органов дознания материалы проверки сообщения о преступлении, постановления о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, а также иные документы, необходимые для осуществления надзора.

— *Отмена незаконных или необоснованных постановлений.*

В случае выявления нарушений закона, прокурор вправе отменить постановление о возбуждении уголовного дела или постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

— *Дача письменных указаний.*

Прокурор вправе давать органам дознания письменные указания о проведении дополнительных проверочных мероприятий, направлении расследования, применении мер процессуального принуждения и т. д. Указания прокурора, данные в пределах его компетенции, обязательны для исполнения органами дознания.

— *Участие в проведении проверочных мероприятий.*

Прокурор вправе участвовать в проведении проверочных мероприятий, осуществляемых органами дознания, с целью обеспечения законности и обоснованности их проведения.

— *Принесение протестов и представлений.*

В случае выявления нарушений закона, требующих принятия мер по их устранению, прокурор вносит протесты и представления в адрес руководителей органов дознания.

Несмотря на значительную роль прокурорского надзора в обеспечении законности возбуждения уголовных дел, на практике возникают определенные проблемы, снижающие его эффективность. К числу основных проблем относятся, во-первых, чрезмерная загруженность проку-

ров. Значительная нагрузка на прокуроров, связанная с выполнением других функций, может приводить к формальному подходу к проверке материалов проверки сообщений о преступлениях и постановлений о возбуждении уголовных дел [4, с. 18].

В-вторых, ограниченность времени на проверку. Сжатые сроки, установленные УПК РФ для принятия решения по сообщению о преступлении, не всегда позволяют прокурору провести полноценную проверку законности и обоснованности принятого органом дознания решения.

В-третьих, недостаточная квалификация сотрудников органов дознания. Низкий уровень квалификации сотрудников органов дознания может приводить к ошибкам и нарушениям закона при принятии решений о возбуждении уголовных дел.

И, наконец, в-четвертых, недостаточная оперативность взаимодействия между прокуратурой и органами дознания. Задержки в предоставлении необходимых материалов и информации могут затруднять осуществление прокурорского надзора.

Для повышения эффективности прокурорского надзора за законностью возбуждения уголовных дел органами дознания необходимо принятие определенных мер. К их числу можно отнести перераспределение нагрузки на прокуроров, освободив их от выполнения несвойственных функций и сосредоточив на осуществлении надзорной деятельности.

Также необходимо предусмотреть возможность увеличения сроков проверки прокурором материалов проверки сообщения о преступлении в сложных и объемных случаях [3, с. 12]. Более того, следует систематически проводить обучение и повышение квалификации сотрудников органов дознания, обращая особое внимание на вопросы соблюдения законности при принятии решений о возбуждении уголовных дел.

Также в качестве меры по оптимизации можно предложить установление более строгой ответственности должностных лиц органов дознания за принятие незаконных и необоснованных решений о возбуждении уголовных дел.

Прокурорский надзор за законностью возбуждения уголовных дел органами дознания является важнейшей гарантией защиты прав и законных интересов граждан и организаций, вовлеченных в уголовный процесс. Эффективность данного надзора во многом определяет качество и результативность всего уголовного судопроизводства. Решение проблем, связанных с осуществлением прокурорского надзора на данном этапе, требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и внедрение современных информационных технологий. Дальнейшие научные исследования и практические разработки в данной области будут способствовать укреплению законности и правопорядка в Российской Федерации.

Литература:

1. Григорьева, М. А. Прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном производстве: учебное пособие / М. А. Григорьева, Н. А. Данилова, В. С. Шадрин. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 108 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
3. Котова, Д. А. Прокурорский надзор в стадии возбуждения и отказа в возбуждении уголовного дела / Д. А. Котова // Юридический факт. — 2021. — № 142. — С. 10–13.
4. Позолотин, В. Г. Процессуальные полномочия прокурора на стадии дознания в Российской Федерации / В. Г. Позолотин // Перо науки. — 2022. — № 46. — С. 17–20.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4921.
6. Францифоров, Ю. В. Вопросы совершенствования деятельности прокуратуры в уголовном судопроизводстве / Ю. В. Францифоров, В. В. Шинкарук, Ю. В. Третьяков // Правовая парадигма. — 2022. — Т. 21, № 2. — С. 21–27.

Проблемы применения административной ответственности в сфере таможенного дела

Алиханов Эльшан Ахмедович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена вопросам совершенствования законодательства об административной ответственности должностных лиц за нарушения таможенного законодательства. Автором обобщены результаты теоретических исследований и правотворческой деятельности ФТС России, а также Евразийского экономического союза, посвященные вопросам совершенствования законодательства об административной ответственности юридических лиц за нарушения таможенного законодательства.

Ключевые слова: административное правонарушение, юридическое лицо, должностные лица, таможенные правила, таможенное законодательство.

Деятельность таможенных органов по обеспечению соблюдения интеграционных норм и национального таможенного законодательства является ключевым элементом обеспечения национального экономического суверенитета, формирования единой таможенной территории и достижения стратегических целей таможенной политики Евразийского Экономического союза (далее — ЕАЭС).

Согласно с ч. 1 ст. 2.1 КоАП России административным правонарушением считается «противоправное и виновное действие или бездействие физического или юридического лица, за которое предусмотрена административная ответственность» [1]. Согласно действующему административному законодательству, как граждане, так и организации могут быть привлечены к административной ответственности.

Однако в ст. 2.4 КоАП РФ определены особые субъекты административной ответственности — это должностные лица, которые подлежат административной ответственности. Для них установлены специальные размеры ответственности. Согласно аннотации к ст. 2.4 КоАП РФ, должностные лица можно разделить на две категории:

должностные лица, осуществляющие полномочия представителя власти и выполняющие административно-хозяйственные, организационно-распорядительные и управленческие функции в государственных органах, государственных организациях и муниципальных организациях, а также руководители и работники других организаций, а также частные предприниматели, которые несут ответственность за управление суммами, предусмотренными для должностных лиц.

Однако КоАП РФ не раскрывает правовую природу должностных лиц как объектов административной ответственности, что не позволяет четко определить, какие лица могут быть привлечены к административной ответственности в связи с выполнением административно-хозяйственных или организационно-распорядительных функций.

В действующем КоАП РФ (ч. 3 ст. 2.1) четко закреплён принцип двойного субъектного состава административной ответственности. Назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает виновное физическое лицо от административной ответственности за данное правонарушение, а привлечение физического

лица к административной или уголовной ответственности не освобождает юридическое лицо от административной ответственности за данное правонарушение.

В отношении производства по делам об административных правонарушениях, совершенных в различных сферах экономической деятельности, данный принцип означает, что ответственность за совершение административного правонарушения несет юридическое лицо, а также руководитель или иной работник организации, управленческие решения которого привели к совершению данного правонарушения.

Однако на сегодняшний день отсутствует единая практика толкования положений ч. 1 ст. 2 КоАП РФ. В некоторых регионах России сложилась практика, согласно которой административной ответственности подлежат только работники юридических лиц (например, таможенные специалисты декларационных организаций или водители транспортных организаций), которые непосредственно совершили нарушения требований таможенного кодекса [3]. Такая практика не соответствует положениям Кодекса об административных правонарушениях, поскольку предполагает отсутствие наказания для юридических лиц, но всё же поддерживается должностными лицами таможенных органов и представителями судебной власти.

Примером неправильной правовой квалификации субъекта по ч. 2 ст. 16 КоАП РФ является смешение понятий таможенного эксперта и должностного лица. В данном случае эксперт не обладает правовым статусом должностного лица в контексте административного права. Согласно толкованию положений ст. 2.4 КоАП РФ, «должностным лицом негосударственной организации является лицо, выполняющее административно-хозяйственные, организационно-распорядительные и управленческие функции» [3].

Полагаем, что в данном случае речь идет об административных функциях субъекта, которыми обладают либо исполнительный орган юридического лица (например, члены совета директоров), либо его участники (акционеры, участники общества с ограниченной ответственностью). Обычные обязанности работника, целью которых является достижение цели, ради которой было создано юридическое лицо, не считаются управленческими функциями. Таким образом, ссылка таможенных органов на то, что специалисты таможенных представителей выполняют административно-хозяйственные, организационные и управленческие функции, является необоснованной [3].

Следует также отметить, что если публичное должностное лицо действует вне рамок своих полномочий, это не является административным правонарушением, поскольку отсутствует публичное должностное лицо, являющееся субъектом правонарушения. Если лицо совершает деяние, выходящее за рамки его публичных полномочий, оно лишается своего правового статуса, который определяется его должностью. Это связано с тем, что основное отличие должностного лица, являющегося субъектом ответственности, от обычного физического лица заключается

в наличии определенных прав и обязанностей, которые строго определены порядком назначения на должность и характером выполняемых обязанностей. В этой связи можно привести примеры из судебной практики.

Решение Санкт-Петербургского городского суда № 12–1185/20 от 3 ноября 2020 года, в котором судья Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга в соответствии с частью 1 статьи 16.2 КоАП РФ принял решение о прекращении производства по делу об административном правонарушении в отношении должностного лица С. в связи с отсутствием состава правонарушения. Решение о прекращении производства по делу было подтверждено [5]. Из материалов дела следует, что при вывозе товаров по специальной таможенной процедуре ФГБУ ««... 2 устройство не было задекларировано. Таможня Операцию по декларированию товаров проводил эксперт по таможенному оформлению ФГБУ ««... Е.Е., на него был возложен контроль за проведением данных операций. Согласно должностной инструкции, Е. являлся непосредственным подчиненным своего руководителя С., в обязанности которого входило руководство деятельностью подразделения на основе исключительно лидерских качеств. Согласно должностной инструкции, С. также планировал, организовывал, руководил и координировал экспедиционную деятельность ФГБУ ««... в Арктике. Объясняя правонарушения этого должностного лица, таможенные органы заявили, что Е. Е., задекларировавший товары, был назначен на должность ведущего специалиста по таможенному оформлению и являлся подчиненным С., его непосредственного начальника. Однако суд не согласился с доводами таможенных органов и обосновал свою позицию следующим аргументом: обязанности С не порождали обязанности по таможенному оформлению и таможенному сопровождению. Ответственность должностного лица возникает только в случае неисполнения им определенных обязанностей [5]. Таким образом, суд разъяснил, что публичное должностное лицо может быть субъектом уголовного преступления только в том случае, если оно необоснованно не выполняет свои служебные обязанности. Это подтверждает предыдущий аргумент о том, что действия, выходящие за рамки публичных полномочий, не являются посягательством на публичную власть.

В другом примере необходимость назначения ответственного лица с определенными полномочиями и назначения его публичной должностью подтверждена решением № 16–218/2019 от 11 декабря 2019 года по делу о привлечении директора ЧОП «Варяг» к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.8 КоАП РФ за нарушение правил хранения и учета оружия и боеприпасов подтверждено постановлением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2019 по делу № 16-218/2019 [4].

Анализ правоприменительной практики, показывает, что в большинстве случаев вопрос о виновности должностных лиц в совершении таможенных нарушений фор-

мулируется следующим образом: лицо, в отношении которого ведется административное производство по делу, имело возможность исполнить свои обязанности и не встречало препятствий, но не приняло необходимых мер. Поэтому оно виновно в совершении административного правонарушения.

Однако приговор не обязательно однозначно доказывает вину должностного лица и не описывает всех обстоятельств. Не выясняется, была ли реальная возможность исполнить свои обязанности при совершении правонарушения, не исследуется, имелись ли препятствия к исполнению обязанностей, не анализируется, было ли преступление совершено в рамках привычной рабочей ротации, насколько тщательно были приняты меры при исполнении обязанностей и т. д. [6] По сути, это применение так называемой объективной атрибуции, что не соответствует принципу презумпции невиновности, согласно которому «лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина» (ст. 1.5 КоАП РФ).

Также встречаются ситуации, когда к уголовной ответственности привлекаются работники декларанта, в то время как административную ответственность по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ несет таможенный представитель. Оценка вины каждого субъекта административной и уголовной ответственности различается. Если в отношении физического лица вина декларанта определяется в форме умысла, то в отношении таможенного представителя (юридического лица), как уже говорилось, на практике применяется объективная сторона. Таможенный представитель изначально рассматривается как «виновное лицо» во всех конфликтных ситуациях, поскольку является специали-

стом в области таможенных правоотношений, обладает теми же правами, что и декларант, и несет солидарную ответственность (следует, однако, отметить, что при этом не предусмотрено обстоятельств, исключающих солидарную ответственность таможенного представителя). Недобросовестные декларанты пользуются этим. Пока таможенный представитель ведет судебные разбирательства и защищает свои права, декларант успевает ликвидировать компанию, и все проблемы ложатся на таможенного представителя (ему приходится платить дополнительные пошлины, штрафы и т. д.).

Поэтому, по мнению многих ученых [6, 7], необходимо изменить текущую конструкцию юридической ответственности, заключенную в КоАП РФ. Для этого требуется комплексный подход, учитывающий определения, содержащиеся в Налоговом кодексе РФ. Такое изменение заставит судебные органы не только ссылаться на КоАП РФ в своих решениях, но и тщательно анализировать нарушения, совершаемые юридическими лицами, привлекаемыми к ответственности. Только благодаря этому соответствующие вопросы будут решаться справедливо, и ответственности будут подвергаться лишь действительно виновные должностные лица.

Таким образом, в условиях ЕАЭС развитие ответственности должностных лиц за нарушение таможенных правил требует разработки научно обоснованной концепции и дальнейшего совершенствования законодательного регулирования в современной таможенной сфере.

Прежде всего, требует изменений концепция вины должностных лиц, определенная в статье 2.1 КоАП РФ. Это позволит более объективно рассмотреть вопрос о юридической ответственности и решить связанные с ней проблемы.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Ч.1). Ст.1
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/71652992/>.
3. Наумова, Е. Н. Актуальные проблемы правовой квалификации административных правонарушений, отнесенных к компетенции таможенных органов Российской Федерации / Е. Н. Наумова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 1 (239). — С. 112–115. — URL: <https://moluch.ru/archive/239/55357/> (дата обращения: 05.03.2024).
4. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2019 по делу № 16- 218/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 03.11.2020 № 12–1185/2020 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»
6. Рудакова В. В. Особенности привлечения к административной ответственности за нарушение таможенных правил / В. В. Рудакова, П. А. Паулов // Modern Science. — 2021. — № 2–1. — С. 188–190.
7. Салаев Е. В. Некоторые проблемы реализации мер административной ответственности в области таможенного дела // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 9 (37). С. 143–146

Дифференциация административной ответственности в зависимости от состава правонарушений в сфере таможенного права, совершаемых физическими лицами

Алиханов Эльшан Ахмедович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются особенности дифференциации административной ответственности физических лиц за нарушения таможенных правил. Современное российское законодательство предусматривает три типа административных наказаний за таможенные правонарушения: предупреждение, денежный штраф и конфискацию имущества. Сегодня продолжается работа над совершенствованием правового регулирования административной ответственности в указанной сфере, направленная на модернизацию действующего законодательства. Среди изменений важное место занимает расширение перечня ситуаций, при которых возможно назначение предупреждения вместо назначения штрафа.

Ключевые слова: административная ответственности, таможенные правила, кодекс об административной ответственности, либерализация, предупреждение, штраф.

Дифференциация административной ответственности физических субъектов в области таможенного права выступает как процессуально-правовая процедура выявления разнообразия форм юридической ответственности, которое обусловлено индивидуальными особенностями состава правонарушения. Этот подход позволяет учитывать конкретные характеристики каждого конкретного дела, обеспечивая справедливость применяемых санкций и увеличивая эффективность достижения целей административного воздействия.

При классификации нарушений учитываются степень общественной опасности совершаемого деяния и конкретный вид противоправного поведения:

- Недекларирование товаров или транспортных средств — непредставление необходимой документации при пересечении таможенной границы.

- Предоставление недостоверных сведений о свойствах перевозимого товара, включая указание неверных характеристик, стоимости или количества.

- Незаконное перемещение товаров вне специальных пунктов пропуска, предназначенных для осуществления процедур таможенного контроля.

- Нарушение установленных таможенных режимов, выражающееся в несоблюдении предусмотренных законом условий перемещения товаров и ограничений на ввоз-вывоз определенных категорий продукции.

Каждое из указанных видов правонарушений регулируется отдельной статьей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ [1]), устанавливающей конкретные виды наказаний и размеры штрафных санкций.

Общий объем совершенного нарушения и размер нанесенного ущерба влияют на суровость назначаемых санкций. Чем больше объем нелегальных операций или сумма финансовых потерь государства, тем жестче наказание. Например, крупный масштаб контрабанды ведет к значительным штрафам или даже аресту активов нарушителя.

Регулярное совершение аналогичного вида правонарушений свидетельствует о систематическом пренебре-

жении нормами закона и требует усиления наказательной реакции. Повторные нарушения становятся поводом для назначения строгих санкций вплоть до лишения возможности заниматься предпринимательской деятельностью.

Существуют условия, которые могут уменьшить тяжесть наказания, например:

- Признание вины и добровольное сообщение о факте нарушения.

- Оказание содействия следствию и контрольным органам.

- Полное возмещение вреда пострадавшим лицам.

Эти факторы позволяют снижать размер штрафа или вовсе избежать наказания.

Система административной ответственности реализуется посредством КоАП РФ, который устанавливает широкий диапазон мер правового принуждения, начиная от предупреждения и заканчивая крупными денежными штрафами, конфискацией имущества и приостановлением деятельности.

Таможенное законодательство предусматривает несколько видов административных наказаний за нарушение таможенного режима и порядка перемещения через границу товаров и транспортных средств. Эти меры наказания зависят от характера совершенного проступка, личности правонарушителя и обстоятельств дела. Рассмотрим основные виды санкций подробно.

1. Предупреждение — это наименее строгий вид административного взыскания (КоАП РФ: Статья 2.9 («Малозначительность административного правонарушения»), статья 3.4 («Предупреждение»)). Оно представляет собой официальное письменное предупреждение физического лица или организации о недопустимости повторения аналогичных правонарушений в будущем. Чаще всего применяется в случаях незначительных либо малозначимых нарушений, особенно когда нарушение совершается впервые и не несет серьезных последствий для государства или третьих лиц.

Например, предупреждение может последовать за ошибку маркировки товара или небольшую задержку подачи таможенной декларации. Цель предупреждения за-

ключается в воспитании добросовестного поведения участников внешнеэкономической деятельности и предупреждении будущих противоправных действий.

2. Административный штраф — наиболее распространённая мера ответственности за таможенные нарушения. Регулируется Главой 16 КоАП («Административные правонарушения в области таможенного дела»), ст. 80 («Применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях») Федерального закона № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» и другими положениями.

Размер штрафа устанавливается индивидуально и зависит от ряда факторов:

- Степени серьёзности нарушения.
- Статуса нарушителя (физическое лицо, ИП, юридическое лицо).
- Количества ранее совершенных нарушений.

За серьёзные нарушения предусмотрены крупные штрафы, компенсирующие ущерб государству и предотвращающие дальнейшие нарушения. Примеры включают случаи недостоверного декларирования стоимости товара, отсутствие необходимых документов или попытки нелегальной транспортировки запрещённых веществ.

Размер штрафов варьирует от минимальных сумм до крупных финансовых взысканий, установленных законом.

3. Конфискация является одной из наиболее жёстких мер административной ответственности (статья 3.7 КоАП РФ («Конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения»)). Она подразумевает принудительное изъятие имущества в пользу государства. Применяется, когда товары, транспортные средства или другое имущество использовались для совершения преступления или были средством его осуществления.

Эта санкция часто сопровождается административным штрафом и преследует цель пресечения незаконного оборота товаров, устранения возможности повторного нарушения и восстановления справедливого правопорядка.

Пример случая конфискации — выявление попыток провоза контрафакта, наркотических веществ или оружия. Важно подчеркнуть, что решение о конфискации принимает суд после детального анализа обстоятельств дела.

Помимо перечисленных основных форм санкций существуют также дополнительные меры воздействия на нарушителей:

- **Изъятие предметов**, используемых в ходе нарушения закона. Такое временное ограничение прав вла-

дения материальными объектами возможно вплоть до решения суда о дальнейшей судьбе данного имущества.

Действующий КоАП РФ предполагает внедрение механизма замены административного штрафа предупреждением в случаях, когда (1) административное правонарушение совершается в первый раз, (2) не является грубым, (3) при его совершении отсутствуют отягчающие обстоятельства; (4) если правонарушение не повлекло за собой причинение вреда, имущественного ущерба либо не угрожало возникновением вреда или ущерба [4, с. 120].

Гл. 16 КоАП РФ, помимо прочего, внедряет положения о минимальном штрафе по отдельным частям и статьям и положения об административной ответственности граждан за невыполнение требований о декларировании алкоголя и табачной продукции (лимитными порогами недеклалируемой продукции должны стать 250 сигарет и 10 литров алкогольных напитков). В ситуации, если перевозимый товар классифицируется как стратегически важный, примечание 2 к Ст. 16.2 об освобождении от административной ответственности в случае сообщения о недеклаировании, не применяется [5].

Таким образом, на основании сказанного выше можно сделать следующие выводы.

Процедура дифференцированного подхода к привлечению физических лиц к административной ответственности направлена на обеспечение индивидуального рассмотрения каждого конкретного случая нарушения таможенного законодательства. Такой подход помогает достичь оптимальности сочетания охраны общественного порядка и защиты законных интересов всех сторон, участвующих в отношениях в сфере таможенного администрирования.

Вместе с тем, российское законодательство в области регулирования таможенных правоотношений находится на этапе трансформационных преобразований. Существующее административное законодательство, регулирующее таможенные отношения, имеет ряд проблем, для решения которых приняты изменения в Кодексе об административных правонарушениях. Одной из важных изменений в действующей версии Кодекса является увеличение количества случаев назначения предупреждения вместо штрафа. Действующий Кодекс исходит из принципов справедливости и гуманизма при назначении наказания и призван снизить финансовое бремя юридических лиц и способствовать более сбалансированной практике в области административных правонарушений.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.11.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Ч.1). Ст.1
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/71652992/> — Дата доступа: 17.12.2025.
3. Нарушение таможенных правил в новом КоАП РФ / Транс-бизнес. — 2019. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://trans-business.com/novosti/narushenie_tamozhennyh_pravil_v_novom_koap_rf/. — Дата доступа: 17.12.2025.

4. Ороева, О. Д. Сущность административной ответственности в сфере таможенных правонарушений в правовой науке сегодня / О. Д. Ороева, Г. Л. Константинов // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2023. — № 1 (85). — С. 119–127.
5. Тренд на смягчение ответственности // Общественный совет при ФТС России. — 2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.osfts.ru/dlya-uchastnikov-ved/2022/2539-trend-na-smyagchenie-otvetstvennosti>. — Дата доступа: 17.12.2025.

Жалоба на фундаментальные нарушения норм права: миф о «быстром надзоре» или реальный шанс? Анализ экстраординарного механизма обжалования в Верховном Суде РФ

Анфалова Екатерина Леонидовна, студент магистратуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье исследуется институт обжалования судебных актов вынесенных с фундаментальными нарушениями норм права (ст. 308.10 АПК РФ и ст. 391.11 ГПК РФ). Выявляются особенности процедуры, её правовая природа, практические проблемы применения и существующие пробелы в законодательстве. Особое внимание уделяется противоречивости критериев «фундаментального нарушения», ограниченной результативности института и его несогласованности с принципами административного судопроизводства. Анализ проблематики и практики позволяет оценить реальные перспективы и риски использования исключительного механизма обжалования судебных актов.

Ключевые слова: фундаментальные нарушения норм права, жалоба в Верховный Суд РФ, технологии обжалования, право на судебную защиту.

Институт обжалования судебных актов в связи с фундаментальными нарушениями норм права, закреплённый в ст. 308.10 АПК РФ и ст. 391.11 ГПК РФ, представляет собой экстраординарный механизм пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений. Его цель — устранение нарушений, которые не только повлияли на законность актов, но и лишили участников процесса возможности реализовать гарантированные права, такие как доступ к правосудию и справедливое судебное разбирательство. Данная процедура не является рядовой стадией процесса и существует для рассмотрения дел, выводы по которым могут существенно повлиять на формирование единообразной судебной практики.

Отличительная черта института — возможность обращения в Верховный Суд РФ минуя последовательное прохождение всех нижестоящих инстанций, что подтверждено Конституционным Судом РФ в Определении от 06.06.2016 № 1155-О [1]. Это создаёт механизм «прямого доступа» к высшему судебному органу при наличии грубых нарушений в действиях суда. На практике обжалование в таком порядке сопряжено с рядом неопределённостей, преодоление которых требует глубокого понимания закона, особенностей обжалования, анализа практики и тенденций, которые задает Верховный Суд РФ.

Процедура, регулируемая ст. 308.10 АПК РФ и ст. 391.11 ГПК РФ, имеет схожую структуру, но различается сроками: 4 месяца по АПК РФ и 6 месяцев по ГПК РФ с момента вступления актов в силу. Жалоба подаётся непосредственно Председателю Верховного Суда РФ или Заместителю Пред-

седателя Верховного Суда РФ, которые вправе внести представление в Президиум Верховного Суда РФ для пересмотра. Важно, что обращение нужно назвать «жалоба», а не «надзорная жалоба», что подчёркивает особый характер этой процедуры обжалования. При этом от Заявителя требуется оплата госпошлины как за надзорное обжалование, что создаёт формальное противоречие.

Примечательно, что аналогичный механизм отсутствует в Кодексе административного судопроизводства РФ, как справедливо отмечается в статье Р. О. Опалева [2]. Это создаёт правовой пробел в сфере публично-правовых споров, где защита прав граждан и организаций в отношениях с государством часто требует повышенных гарантий. Автор обоснованно указывает, что в административных делах, особенно с участием уязвимых категорий лиц, необходимость в таком инструменте может быть даже выше, чем в гражданском или арбитражном процессе.

Одной из ключевых проблем института является размытость и неопределённость критериев, позволяющих квалифицировать нарушение как «фундаментальное». Законодатель ограничивается отсылкой к нарушениям, которые:

1. затрагивают права и свободы, гарантированные Конституцией и международными нормами;
2. нарушают интересы неопределённого круга лиц или публичные интересы;
3. подрывают единообразие в применении норм права.

Однако, как показывает практика, применение этих критериев зависит от усмотрения судьи Верховного Суда РФ. Немногочисленные примеры из практики (дела по

представлениям Лебедева В. М. [3], Нечаева В. И. [4], Петровой Т. А. [5]) демонстрируют, что к фундаментальным могут быть отнесены:

- нарушения принципов состязательности и равноправия сторон (отказ в экспертизе, необоснованное отклонение доказательств);
- неправильное применение презумпций и норм материального права;
- грубые нарушения правил подсудности.

При этом часто жалобы отклоняются с формулировкой «фундаментальных нарушений не выявлено», что свидетельствует о субъективном и строгом подходе к оценке доводов заявителя.

Размытость критериев порождает существенные риски для непрофессионального заявителя такой жалобы. Высокий порог «фундаментальности» приводит к тому, что даже серьезные, по мнению граждан, нарушения не получают движения, а жалоба отклоняется на этапе предварительного изучения без развернутой мотивировки. Это влечет потерю времени, средств на госпошлину и возможности использовать этот способ защиты, при том, что потенциально действенный механизм мог быть задействован некорректно. Таким образом, институт, созданный для борьбы с вопиющей несправедливостью, в силу своей сложности и недостаточной квалификации Заявителя в сфере обжалования, может парадоксальным образом способствовать ее консервации.

С момента введения исследуемых норм (2014 г.) было вынесено всего 5 постановлений Президиума ВС РФ по представлениям, внесённым в рамках ст. 308.10 АПК РФ / 391.11 ГПК РФ. Это указывает на крайне низкую реальную востребованность института. Причины этого могут заключаться в:

- высокой планке для признания нарушений фундаментальными;
- отсутствию чётких ориентиров для заявителей;
- опасении «размывания» инстанционной системы.

Низкий процент удовлетворения жалоб косвенно свидетельствует о том, что ключевым фактором успеха является не столько формальное наличие нарушения, сколько его презентация в строго определенном, отвечающем практике ВС РФ ключе. Повторить успех удовлетворенных жалоб без профессионального анализа как самого

дела, так и текущей кадровой и практической политики Верховного Суда — задача, близкая к пассивной лотерее.

Сам институт создаёт процедурный диссонанс. С одной стороны, он позволяет обойти последовательность инстанций, что оправдано в исключительных случаях. С другой — отсутствие чётких критериев порождает риски произвольного применения или, наоборот, необоснованного отказа.

Особую озабоченность вызывает отсутствие аналогичного механизма в КАС РФ. В административном судопроизводстве, где активно действует принцип сочетания состязательности и равноправия сторон при активной роли суда, наличие инструмента для исправления фундаментальных ошибок могло бы усилить защиту прав, особенно в делах с участием уязвимых лиц. Предложение о введении подобного права для Председателя ВС РФ в административных делах представляется логичным.

Институт обжалования фундаментальных нарушений норм права, закреплённый в ГПК РФ и АПК РФ, является важным, но недостаточно эффективным инструментом обеспечения верховенства права и единообразия судебной практики. Его основные проблемы:

1. Неопределённость критериев фундаментальности нарушений.
2. Низкая практическая результативность и ограниченное применение.
3. Пробел в регулировании в сфере административного судопроизводства (КАС РФ).

Только при условии большей определённости и доступности данный институт сможет реализовать свой потенциал как действенный механизм исправления судебных ошибок, пошатнувших фундамент правосудия.

Эффективное использование механизма ст. 308.10 АПК РФ и 391.11 ГПК РФ сегодня возможно лишь при условии тщательного предварительного анализа дела не только на предмет формальных нарушений, но и на их соответствие высокому стандарту «фундаментальности», сформированному в единичных прецедентах; умения преподнести конкретные судебные ошибки как системные нарушения конституционных принципов или публичных интересов; безупречного соблюдения специфических требований к форме, содержанию и наименованию документа, которые отличаются от стандартной надзорной жалобы.

Литература:

1. Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2016 № 1155-О // Консультант Плюс.
2. Опалев Р. О. Производство по пересмотру судебных актов в порядке надзора в праве административного судопроизводства: текущее состояние и перспективы развития // Вестник гражданского процесса. 2024. № 4. С. 129–137.
3. Представление Председателя Верховного Суда РФ Лебедева В. М. по делу № А40–127011/2018 // Консультант Плюс.
4. Представление заместителя Председателя Верховного Суда РФ Нечаева В. И. по делу № А40–232020/2015 // Консультант Плюс.
5. Представление заместителя Председателя Верховного Суда РФ Петровой Т. А. по делу № 14-ПВ19 // Консультант Плюс.

Криминологическая характеристика преступлений, связанных с использованием информационных технологий

Аубакиров Руслан Салимжанович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассмотрена криминологическая характеристика преступлений, связанных с использованием информационных технологий, приведены актуальные статистические данные по указанным преступлениям на примере Челябинской области, а также обозначены проблемные вопросы в сфере профилактики и предупреждения таких преступлений.

Ключевые слова: криминология, информационные технологии, информационная безопасность, компьютерные преступления, предупреждение, профилактика, дистанционное мошенничество.

В современном мире приобретают актуальность новые формы отношений между людьми: общение, работа, иные виды взаимодействия переходят в онлайн-формат, все чаще используются современные технологии, которые воспринимаются нами как нечто обыденное. Так, большая часть персональных данных, личных документов доступна в сервисах «Госуслуг»; создаются новые приложения для облегчения взаимодействия государства и граждан, что влечет за собой не только позитивные, но и негативные последствия.

По данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России», за период с января по октябрь 2025 года в Челябинской области зарегистрировано 581 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Отмечается, что количество случаев дистанционного мошенничества снизилось на 7,4 %, хотя общее количество ИТ-преступлений остается на высоком уровне. Кроме того, четыре преступления из пяти совершаются с использованием сети Интернет [1].

На основе приведенных данных можно сделать вывод о том, что показатели рассматриваемого вида преступлений нестабильны, а цифры их общего прироста высоки. Следовательно, проблема распространенности преступлений, связанных с применением информационных технологий, остается актуальной, несмотря на усилия правоохранительных органов.

Преступления в сфере информационных технологий в значительной степени снижают качество жизни граждан; чаще всего преступники покушаются на их собственность, а именно — безналичные денежные средства. Не стоит забывать и о том, что преступления, связанные с созданием и последующим использованием различных вредоносных компьютерных программ, в определенной степени влияют на национальную безопасность, поскольку могут подорвать нормальное функционирование государственных систем.

Рост количества и анализ состава преступлений, связанных с использованием информационных технологий, позволяет сделать следующий вывод: все они совершаются лицами, которые обладают специальными знаниями, имеют опыт работы с компьютерными программами, по-

нимают, как устроена сфера ИТ, то есть представителями высокоинтеллектуальной сферы с техническим образованием, которые готовы идти на риск, подвергать себя опасности ради извлечения выгоды, что подталкивает таких преступников развиваться, искать новые пути осуществления своей деятельности и способов избежать наказания [2, с. 145].

При расследовании данного типа преступлений возникают трудности на этапе применения уголовно-правовых диспозиций судебными и следственными органами; эти трудности вызваны казуистичной формулировкой норм, регулирующих преступления в области компьютерных технологий. Кроме того, основной причиной усугубления ситуации в данной сфере является наличие многочисленных правовых лакун и недоработка норм, характеризующих виды киберпреступлений, а также регулярно возникающая необходимость совершенствования института ответственности за преступления рассматриваемой направленности с использованием опыта зарубежных стран [3, с. 18].

Стоит упомянуть и о такой важной характеристике преступлений в сфере информационных технологий, как высокая степень латентности. Прежде всего она обусловлена недостаточностью знаний в сфере информационных технологий у большинства граждан. Зачастую потерпевший длительное время не догадывается о совершаемом в его отношении преступлении — вплоть до того момента, когда ему приходится нести материальный ущерб. К примеру, в последнее время участились случаи совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 272 УК РФ. Преступник звонит на мобильный телефон потерпевшего, представляется сотрудником компании — оператора сотовой связи, сообщает об истечении срока договора на обслуживание сим-карты и просит с целью продления договора продиктовать код, пришедший в СМС. Не подозревающий о намерениях мошенников потерпевший называет код, не обращая внимания, что СМС пришло от абонента «Госуслуги». Таким образом злоумышленники получают доступ к личному кабинету потерпевшего на портале «Госуслуги», где скачивают паспортные данные, запрашивают сведения из налоговой инспекции и иных инстанций с целью дальнейшего оформления микрозаймов. Потерпевший не подозревает о совершенном

в его отношении преступлении до того момента, пока в его адрес не поступает исполнительный документ из суда, в котором указано, что он оформил микрозаем и не исполняет обязательства, то есть не выплачивает микрофинансовой организации денежные средства.

Криминологическая характеристика личности преступников, действующих в подобных случаях, свидетельствует об искажении их системы ценностей и нравственных приоритетов; ведущие качества такой личности — ярко выраженный эгоизм и стремление к материальному благополучию.

1) Основными причинами противоправного поведения и совершения преступлений в сфере информационных технологий являются:

2) корыстные мотивы;

3) цели политического характера, связанные со шпионажем, направленные на подрыв финансово-экономической и денежно-кредитной политики государства как внутри страны, так на международной арене;

4) исследовательская мотивация (при совершении рассматриваемых противоправных деяний студентами и профессиональными программистами с использованием различных современных технологий и программ);

5) хулиганство и озорство;

6) а также личная вражда и месть [4, с. 90].

С целью обеспечения безопасности граждан в информационном пространстве следует применять меры правового, социального и организационно-технического характера.

В правовой сфере необходимо пересмотреть основы законодательства, регулирующего вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступ-

ления, связанные с информационными технологиями. Для этого необходимо выработать четкий алгоритм отнесения того или иного преступления непосредственно к рассматриваемой сфере, дать более точную характеристику этих преступлений, подробно рассмотреть все их отличительные черты, чтобы у правоприменителей не возникало сложностей при квалификации действий преступника [5, с. 109].

В социальном плане следует принять меры, направленные на снижение роли и значения информационной среды в жизни современного человека, а также на повышение уровня компьютерной грамотности населения, освещение случаев и способов совершения преступлений в сфере ИТ.

Среди организационно-технических мер обозначим необходимость разработки специальных программ, направленных на защиту и исключение возможности доступа мошенников к персональным данным граждан, а также к информации, составляющей государственную тайну. Распространение таких программ позволит сократить количество преступлений, связанных с неправомерным доступом злоумышленников к персональной информации.

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод о необходимости постоянного совершенствования законодательной базы и криминологических знаний о преступлениях, связанных с применением информационных технологий, поскольку злоумышленники каждый день изобретают новые способы, формы и пути совершения подобных преступлений. Это требует адекватного ответа со стороны исследователей, законодательных и правоохранительных органов государства.

Литература:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — октябрь 2025 года. — Текст: электронный // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/73314953/> (дата обращения: 12.12.2025).
2. Ахмедханова, С. Т. Криминологическая характеристика преступлений в сфере информационных технологий / С. Т. Ахмедханова, Э. К. Кахбулаева. — Текст: непосредственный // Московский юридический журнал. — 2018. — № 4. — С. 144–152.
3. Малышенко, Д. Г. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации: специальность 12.00.08: автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Малышенко Дмитрий Геннадьевич; Юридический ин-т МВД РФ. — М., 2002. — 24 с. — Текст: непосредственный.
4. Алавердов, О. С. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий / О. С. Алавердов. — Текст: непосредственный // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. — 2009. — № 2. — С. 89–91.
5. Уварова, Е. С. Совершенствование уголовно-правовых и криминологических основ противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационных, коммуникационных технологий / Е. С. Уварова, В. М. Смирнов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 30 (477). — С. 108–110.

Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет

Аубакиров Руслан Салимжанович, студент магистратуры
 Научный руководитель: Фабрика Тамара Александровна, кандидат юридических наук, доцент
 Челябинский государственный университет

В статье рассмотрены спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, актуальные данные статистики указанных преступлений, а также проблемы их профилактики и предупреждения.

Ключевые слова: криминология, информационные технологии, информационная безопасность, компьютерные преступления, предупреждение, профилактика, дистанционные мошенничества.

Существование современного российского общества нельзя представить без возможностей информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

ИТ-сфера сопряжена с личной жизнью и работой каждого современного человека, государственные услуги реализуются с помощью средств сети Интернет, банковские мобильные приложения, которые призваны облегчить проведение финансовых операций, также работают при помощи Интернета. Сеть Интернет сделала работу и служебную деятельность проще, услуги доступнее, упростила ведение бизнеса, привнесла разнообразие в досуг и отдых. Однако наряду с явными преимуществами сети Интернет есть и недостатки, о которых задумывается далеко не каждый пользователь Интернет-пространства. В первую очередь среди опасностей Интернета следует назвать преступную деятельность, которая особо распространилась в последние пять-десять лет.

Преступления совершались всегда, независимо от этапов развития общества. Всегда существовали лица, желающие получить выгоду любым способом: обманом, введением в заблуждение, открытыми преступными действиями. Распространение возможностей сети Интернет стало подспорьем для преступников в осуществлении их противозаконной деятельности. Лица, которые ранее совершали преступления «офлайн», бросили все силы, чтобы сформировать необходимую базу для преступлений в формате «онлайн», поскольку «онлайн» можно охватить большее количество потенциальных жертв, соответственно, у преступников появилась возможность повысить эффективность противоправной деятельности.

Согласно данным, предоставленным Министерством внутренних дел Российской Федерации, в январе-октябре 2025 года зарегистрировано 581,9 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 9,5 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес уменьшился с 39,8 % в январе — октябре 2024 года до 38,4 % [1]. В январе-октябре 2024 года зарегистрировано 643,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной

информации, что на 14,6 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 33,9 % в январе-октябре 2023 года до 39,8 % [2].

Рассмотренные данные свидетельствуют о том, что состояние преступности, связанной с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, стабильно остается на высоком уровне, что требует адекватного ответа правоохранительных органов и эффективных мер по противодействию данному виду преступлений.

Однако не всегда удается в полной мере выполнить указанные задачи. Зачастую причина кроется в более серьезной технической оснащенности преступников, для которых, к тому же, не существует препятствий, они давно переступили черту закона и продолжают осуществлять свои действия вне правового поля. Тогда как сотрудники правоохранительных органов стремятся собрать доказательственную базу, осуществить процессуальные действия исключительно в соответствии с действующим законодательством, чтобы собранные в ходе расследования преступления сведения могли быть признаны судом в качестве доказательств. Это затрудняет и замедляет расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. К примеру, следователь направляет официальный запрос в банковскую организацию с целью уточнения каких-либо данных, имеющих значение для уголовного дела, но вынужден ожидать ответ длительное время, тогда как полученные сведения могли ускорить процесс расследования либо даже повлиять на квалификацию преступления.

Так, на практике составляет некоторую сложность разграничение схожих составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Частью 1 ст. 159.3 УК РФ предусмотрено следующее преступление: «мошенничество с использованием электронных средств платежа» [3].

Пунктом «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ предусмотрено преступление «кража, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» [3].

На практике нередко возникают спорные вопросы относительно квалификации действий того или иного лица и отнесения их к одной из приведенных выше статей уголовного закона.

Итак, к мошенничеству стоит относить действия лица, направленные на хищение чужого имущества в качестве поддельной, либо принадлежащей иному лицу карты путем обмана работника кредитной, торговой организации. Кража, как правило, осуществляется в отношении физических «не бдительных» лиц, путем сообщения потерпевшим данных о карте, либо переходе на «вирусный сайт, ссылку». То есть квалифицирующими признаками будет являться способ совершения, объект посяательства и возможность противодействия преступнику со стороны потерпевшего [4, С. 131].

Кроме обозначенной проблемы разграничения двух составов преступлений существует также проблема определения способа совершения преступления ввиду возникновения таких явлений, как:

1) фишинг — способ мошенничества в сети Интернет, заключающийся в хищении сведений, содержащих логины, пароли, номера телефонов пользователей сети Интернет;

2) вишинг — манипулирование телефонными сетями для получения персональных данных и финансовой информации жертв;

3) претекстинг — осуществление телефонного звонка предполагаемой жертве и воспроизводство диалога по заранее установленному и отработанному сценарию, результатом которого должно явиться получение персональной информации или же доступа к личному кабинету банковских приложений или портала «Госуслуги».

Чтобы у правоприменителя не возникало трудностей, необходимо отразить в законодательстве и данные способы совершения преступлений, подробно описав их.

Даже установив способ совершения преступления правоприменитель не всегда может верно квалифицировать деяние, в связи с чем в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» даны разъяснения спорных вопросов. В нем представлено толкование компьютерной информации, компьютерных устройств, охраняемой законом компьютерной информации, компьютерной программы, уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации, нейтрализации средств защиты компьютерной информации, неправомерного доступа компьютерной информации, информационно-телекоммуникационной сети, сайта в сети «Интернет»; обозначен момент окончания преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации, и преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»; указаны правила квалификации этих деяний и т. д. Но это не устранило всех возникающих на практике вопросов [5, С. 127].

Итак, рассмотрев в настоящей статье спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, можно сделать вывод, что для верной квалификации рассматриваемых преступлений необходимо усовершенствовать законодательство, повышать уровень грамотности сотрудников правоохранительных органов, а также стремиться к повышению качества технической оснащённости правоохранительных органов с целью своевременного реагирования на совершенные преступления.

Литература:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — октябрь 2025 года. — Текст: электронный // Министерство внутренних: [сайт]. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/73314953/> (дата обращения: 08.12.2025).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — октябрь 2024 года. — Текст: электронный // Министерство внутренних: [сайт]. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/57279296/> (дата обращения: 08.12.2025).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — 17 июня. — № 25. — Ст. 2954.
4. Теппеев, А. А. Способы совершения и проблемы квалификации преступлений, совершаемых с использованием сети интернет / А. А. Теппеев. — Текст: непосредственный // Право и управление. — 2023. — № 3. — С. 130–133.
5. Ефремова, И. А. Особенности квалификации преступлений в сфере компьютерной информации и противодействия им / И. А. Ефремова. — Текст: электронный // Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского: [сайт]. — URL: https://enforcement.omsu.ru/jour/article/view/1054?locale=ru_RU (дата обращения: 08.12.2025).

Апелляционная коллегия мировых судей как альтернативное звено судебной системы РФ

Балякин Кирилл Павлович, студент;

Левакина Софья Игоревна, студент

Научный руководитель: Баканов Владислав Владимирович, старший преподаватель
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена исследованию возможности введения апелляционной коллегии мировых судей как самостоятельного звена судебной системы при обжаловании судебных актов мировых судей в гражданском, уголовном и административном процессах.

Ключевые слова: апелляционная коллегия, мировые судьи, судебная реформа, апелляционное производство.

Актуальность темы обусловлена реформой судебной системы Российской Федерации 2018 года, которая создала апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, но оставила рассмотрение апелляционных жалоб на решения мировых судей в компетенции районных судов, что приводит к их большой нагрузке: так например, в 2024 году было подано 444 742 жалобы на судебные акты судов первой инстанции в рамках гражданского судопроизводства, из них по результатам рассмотрения решение суда первой инстанции было отменено либо изменено в 94 796 случаях [4].

Апелляционные коллегии мировых судей в современной России не существуют, но их введение могло бы существенным образом разгрузить районные суды. Актуальность вопроса также связана с тем, что современное правовое регулирование обжалования судебных актов мировых судей, по нашему мнению, не соответствует принципу коллегиальности рассмотрения дела в апелляционном порядке.

В Российской империи существовал съезд мировых судей, выступавший в качестве апелляционного органа для пересмотра их решений, что может служить историческим прототипом.

Исторически мировые суды, введенные в Российской империи в рамках судебной реформы 1864 года (судебной реформы Александра II), имели собственный апелляционный орган — съезд мировых судей, который выступал в качестве апелляционной инстанции. Этот коллегиальный орган, состоявший из нескольких мировых судей, рассматривал жалобы на решения, обеспечивая оперативность и специализацию пересмотра дел небольшой сложности. Съезды мировых судей позволяли сохранять единообразие практики и разгружать вышестоящие суды, что подтверждается историческими данными о сокращении сроков рассмотрения дел на 30 % по сравнению с окружными судами [7].

В советский период истории мировая юстиция была упразднена. Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 года «О суде» приостановил действие института мировых судей и заменил его местными народными судами [1].

Это изменение было связано с трансформацией судебной системы страны: мировые суды, введенные су-

дебной реформой 1864 года, не соответствовали новым принципам судостроительства.

С принятием Федерального закона № 188-ФЗ от 17.12.1998 «О мировых судьях в Российской Федерации» апелляция на решения мировых судей поступает в районный суд и рассматривается единолично судьей районного суда, который, как и мировой судья, является судьей первой инстанции, что порождает определённый парадокс: указанные судьи имеют одинаковые квалификационные требования для назначения на должность (возраст не менее 25 лет, высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция» и пятилетний стаж по юридической специальности). При этом, согласно части 3 статьи 7 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации дела по жалобам на судебные постановления мировых судей, не вступившие в законную силу, рассматриваются в апелляционном порядке единолично судьями соответствующих районных судов. Аналогичным образом, единолично производится рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке (часть 3 статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), а также на постановления мирового судьи по делу об административном правонарушении (часть 1 статьи 30.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) [2,3,5,8,9,10,11].

Это создаёт ситуацию, когда апелляция на судебные акты мирового судьи первой инстанции рассматривается единолично судьей районного суда, что, по нашему мнению, не соответствует одному из принципов апелляционного пересмотра дела — проверке обжалуемого судебного акта в коллегиальном составе суда. Принцип коллегиальности при рассмотрении апелляционных жалоб означает, что дела в судах апелляционной инстанции, за исключением районных судов, рассматриваются коллегиально.

Предлагается формирование апелляционной коллегии мировых судей при районном суде в качестве самостоятельной судебной инстанции.

Возможен следующий порядок рассмотрения жалоб:

1) жалобы на промежуточные судебные акты (определения) мировых судей рассматриваются единолично судьей из состава апелляционной коллегии — для сохранения оперативности их рассмотрения;

2) обжалование итоговых судебных актов (решений, приговоров, постановлений) мировых судей осуществляется в апелляционной коллегии мировых судей — для обеспечения принципа коллегиальности и качества проверки законности и обоснованности принятых судебных актов.

По организационной структуре:

1) состав из трёх мировых судей одного судебного района либо мировые судьи из разных судебных районов;

2) основные критерии отбора: помимо общего юридического стажа необходимо требование стажа работы в должности судьи не менее 5 лет, специализация по категориям дел и прохождение методической подготовки;

3) обязательное условие формирования коллегии — запрет на участие при рассмотрении дела в апелляционном порядке судьи, принявшего обжалуемый судебный акт в первой инстанции.

Компетенция коллегии должна быть чётко ограничена — апелляции на решения мировых судей в любых случаях и делах по гражданским, уголовным и административным делам.

Предполагаемый процессуальный механизм работы коллегии включает подачу апелляционной жалобы через мирового судью или непосредственно в апелляционную коллегию, применение автоматизированной системы распределения дел (выбор судьи-докладчика), вынесение определения о принятии апелляционной жалобы к про-

изводству и последующее коллегиальное рассмотрение с правом повторного исследования доказательств и вынесением мотивированного постановления.

Стоит указать и организационно-нормативные шаги для внедрения, такие, как подготовка поправок в процессуальное законодательство, которые определяют правовой статус коллегии, её состав и процедуру рассмотрения дел; разработка методических рекомендаций Пленума Верховного Суда и учебных программ для судей, например в «профильном» учебном заведении судов — Российском государственном университете правосудия им. В. М. Лебедева; интеграция автоматизированного модуля распределения дел системы ГАС «Правосудие»

Преимущества очевидны: повышение качества постановленных судебных актов, внедрение в процесс апелляционного пересмотра дел принципа коллегиальности дел без увеличения сроков их рассмотрения.

Однако такое предложение имеет и определённые издержки. Появляется необходимость дополнительных кадров и финансирования, возможны сложности реализации в малонаселённых районах вследствие дефицита судей. Эти риски минимизируются за счёт чётких критериев отбора дел, а также за счёт автоматизации процесса судопроизводства и методической поддержки.

В заключение стоит отметить, что апелляционная коллегия мировых судей может выступить эффективным звеном судебной системы, позволяющим сочетать оперативность и коллективный контроль, если её внедрение будет сопровождаться критериями компетенции, прозрачной процедурой формирования судебного состава, системным мониторингом результатов.

Литература:

1. Гаряева В. С., Булуктаева К. Ю. Мировая юстиция в России. История и перспективы / В. С. Гаряева, К. Ю. Булуктаева // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 7 (223). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovaya-yustitsiya-v-rossii-istoriya-i-perspektivy> (дата обращения: 20.10.2025).
2. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник / отв. ред. А. А. Мохов. — Москва: ООО «Юридическая фирма КОНТРАКТ», 2017. — 495 с.
3. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 31321 (ред. от 23.07.2025) «О статусе судей в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 26. — Ст. 2399.
4. Количество поступающих в суды гражданских и административных дел растёт // Адвокатская газета: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/kolichestvo-postupayushchikh-v-sudy-grazhdanskikh-i-administrativnykh-del-rastet/> (дата обращения: 15.10.2025).
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.
6. Обеспечение деятельности мировых судей [Электронный ресурс]: История мировой юстиции // Министерство юстиции Республики Татарстан. — Режим доступа: URL: <https://minjust.tatarstan.ru/istoriamir.html?ysclid=mgyz4xi2p620211489> (дата обращения: 10.10.2025).
7. Свод законов Российской империи: в 15 т. / [сост. М. М. Сперанский]. — СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1832. — Т. 1–15.
8. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 7. — Ст. 898.
9. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 1. — Ст. 1.

10. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О мировых судьях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 51. — Ст. 6270.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2021. — № 9.
12. Уголовнопроцессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

Проблемы реализации экологических прав граждан в РФ

Благодарная Дарья Александровна, студент;

Пушкина Жанна Владиславовна, студент

Научный руководитель: Митякина Надежда Михайловна, кандидат юридических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Данная научная статья посвящена проблемам реализации экологических прав граждан в современной России. Предметом исследования выступает острый и устойчивый диссонанс между прогрессивным конституционным закреплением этих прав и их ограниченным, зачастую декларативным воплощением в правоприменительной практике.

Ключевые слова: экология, окружающая среда, права

Problems of implementing citizens' environmental rights in the Russian Federation

Blagodarnaya Daria Aleksandrovna, student;

Pushkina Zhanna Vladislavovna, student

Scientific advisor: Mityakina Nadezhda Mikhaylovna, phd in law, associate professor

Belgorod State National Research University

This scientific article is devoted of the problems of implementing citizens' environmental rights in modern Russia. The subject of the study is the acute and persistent dissonance between the progressive constitutional enshrinement of these rights and their limited, often declarative, implementation in law enforcement practice.

Keywords: ecology, environment, rights

Природно-ресурсный потенциал исторически является фундаментом экономики Российской Федерации, определяя как ее сырьевую ориентацию, так и стратегические перспективы развития.

Эта объективная реальность порождает сложный комплекс общественных отношений в сфере природопользования, которые, будучи урегулированными правом, формируют специфические правоотношения. Их юридическое содержание, включающее взаимные права и обязанности субъектов (государства, хозяйствующих субъектов, граждан), всецело определяется законодательными и подзаконными нормативными актами.

Таким образом, правовой режим использования каждого природного объекта — от недр до водных ресурсов — представляет собой плотную ткань взаимосвязанных предписаний, где хозяйственная выгода неизбежно сталкивается с необходимостью правовых ограничений.

Именно в разрешении этого базового противоречия между эксплуатацией и сохранением заключается ключевая роль государства как гаранта экологического статуса личности.

Принятая в 1993 году Конституция РФ, закрепившая широкий спектр прав и свобод, в статье 42 выделила экологические права в самостоятельную, основополагающую ценность [1]. Эта норма устанавливает триаду правомочий: право на благоприятную окружающую среду, право на достоверную информацию о ее состоянии и право на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением.

Право на благоприятную окружающую среду, закреплённое в Конституции, является фундаментальным и всеобъемлющим субъективным правом человека. Оно носит естественный характер и затрагивает основы жизнедеятельности, обеспечивая нормальные экологические, экономические и эстетические условия жизни. Это право неразрывно связано с правами на жизнь и охрану здоровья. Оно подразумевает такое состояние среды обитания, при котором качество жизни, труда и отдыха соответствует установленным экологическим, санитарно-гигиеническим и эпидемиологическим стандартам. Это включает доступ к чистой питьевой воде, надлежащему атмосферному воздуху, качественным продуктам питания и ре-

креационным ресурсам. Важной составляющей является также наличие земель надлежащего качества, которые служат основой, для всех остальных природных ресурсов и компонентов окружающей среды соответствующего качества.

Несмотря, на прогрессивное конституционное закрепление экологических прав, их реальная реализация сталкивается с многочисленными системными затруднениями.

Проблемы носят как нормативно-содержательный характеры (внутренние противоречия и пробелы в отраслевом законодательстве, нечеткие критерии «благоприятности» среду, сложности доказывания причинно-следственных связей пре возмещении вреда), так и институционально-исполнительный.

Зачастую, декларируемые права не обеспечены эффективными процедурами их защиты, а контрольные функции государственных органов рассредоточены и иногда дублируются, что снижает их действенность. В результате между высоким уровнем конституционной декларации и повседневной правоприменительной практикой сохраняется значительный разрыв, преодоление которого остается одной из актуальных задач в развития российского экологического права.

Затруднение в судебной защите права на благоприятную окружающую среду, связаны с его сложной правовой природой. Нормы, составляющие это право, рассредоточены между Конституцией РФ и многочисленными актами природоохранного и природоресурсного законодательства, что осложняет точное определение его содержания и пределов. Также, возникают практические проблемы, такие как расчёт причинённого вреда: существующие механизмы (основанные либо на реальных восстановительных затратах, либо на утверждённых таксах) часто не позволяют адекватно оценить ущерб, нанесённый здоровью и имуществу конкретных граждан. Дополнительную сложность создают вопросы определения надлежащей подсудности и подведомственности по таким делам.

Конституционное право граждан на возмещение вреда, причинённого их здоровью или имуществу экологическим правонарушением, непосредственно закреплено в статье 42 Конституции Российской Федерации. Реализация этого права происходит через механизм гражданско-правовой ответственности в рамках искового производства. Возмещение экологического вреда может осуществляться в двух основных формах: восстановление повреждённого природного объекта в натуре или компенсация причинённых убытков в денежном выражении.

Расчёт размера подлежащего возмещению ущерба производится в соответствии с гражданским законодательством, при этом применяются два принципиально разных подхода. Нормативный способ — используется преимущественно в случаях нарушения законодательства об охране животного мира и лесов; он основан на утверждённых таксах — фиксированных суммах за каждый не-

законно добытый экземпляр животного или растения, которые учитывают их экологическую ценность и особые условия охраны. Более распространённым является калькуляционный способ, при котором размер вреда определяется путём индивидуального экономического расчёта, суммирующего стоимость утраченного или повреждённого природного имущества.

Ключевое значение для привлечения к ответственности имеет установление причинно-следственной связи между противоправными действиями (бездействием) и наступившими негативными последствиями, для окружающей сред. При этом сложность часто заключается в идентификации конкретного ответчика, поскольку в пределах одной территории может находиться несколько потенциальных источников вредного воздействия.

Практическая реализация права на возмещение экологического вреда сопряжена с рядом системных проблем. Прежде всего, отсутствует единый федеральный закон, который бы комплексно регулировал эти правоотношения, что приводит к правовой разрозненности и неопределённости. Существенной сложностью, является отсутствие чётких и единообразных критериев для определения размера компенсации морального вреда, причинённого экологическим правонарушением, что ведёт к судебному усмотрению и нестабильности практики. Наконец, действующий механизм денежного возмещения зачастую носит фискальный, а не восстановительный характер: взысканные средства пополняют государственный бюджет, не обособляются в нём и, как правило, не направляются целевым образом на ликвидацию последствий правонарушения или улучшение экологической обстановки.

Как показывает правоприменительная практика, прямое участие граждан в законотворческой деятельности экологической направленности остается крайне редким явлением [2, 498 с.]. Это свидетельствует о дисфункции каналов обратной связи между обществом и законодателем, в результате чего принимаемые нормативные акты могут не в полной мере отражать реальные экологические проблемы и потребности населения.

Проблема правовой пассивности и низкой эффективности санкций. Несмотря, на установленный в законодательстве разветвленный механизм ответственности от дисциплинарной до уголовной реальное применение этих норм носит единичный характер. Граждане, зачастую не обращаются за защитой своих прав в судебные и правоохранительные органы. Причина этого многообразна: от правовой неграмотность, до недоверия к результативности таких обращений.

Крайне ограниченно используются и инструменты непосредственной демократии, прямо предусмотренные статьей 3 Конституции РФ. Референдумы по экологическим вопросам и решения свободно избранных органов местного самоуправления как методы реализации экологических прав относятся к наименее распространенным. Их потенциал блокируется сложной процедурной регла-

ментацией, политической невостребованностью экологического контроля.

Разрыв между формально-юридическим признанием прав и их материально-процедурным обеспечением становится ключевым вызовом для всей системы экологического правопорядка в России. Этот разрыв подрывает не только авторитет экологического законодательства, но и доверие граждан к государству как к гаранту их конституционных прав на благоприятную среду обитания.

Такая проблема, как конкретизация конституционного права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды осуществляется в рамках общего информационного законодательства, прежде всего Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3]. Данный акт, формулируя общий принцип открытости и доступности информации, закрепляет право граждан на получение любых необходимых сведений, за исключением составляющих охраняемую законом тайну.

Закон не устанавливает специальных процедур, сроков, форматов или перечней экологически значимых данных, подлежащих обязательному распространению, что оставляет широкий простор для усмотрения владельцев информации — чаще всего, государственных органов и хозяйствующих субъектов.

Гарантией соблюдения этого права выступает административная ответственность, предусмотренная статьей 5.39 Кодекса об административных правонарушениях РФ, которая налагает штраф на должностных лиц за неправомерный отказ в предоставлении информации [4]. Однако, данная норма носит карательный, а не обеспечительный характер и вступает в действие лишь постфактум, после возникновения конфликта. Ее практическая реализация сталкивается с рядом непреодолимых препятствий: сложностью доказывания факта именно «неправомерного» от-

каза (поскольку, закон часто позволяет трактовать запрос как некорректно составленный или относящийся к информации ограниченного доступа), а также общей правовой пассивностью граждан, не готовых к длительным бюрократическим и судебным разбирательствам из-за непредоставления справки.

В результате складывается ситуация глубокого нормативно-практического разрыва. Провозглашенные гарантии остаются формальными, не создавая работающего механизма оперативного и полного информирования населения о реальных экологических рисках, результатах мониторинга, планов хозяйственной деятельности и др.

Подводя итог анализу системных противоречий в сфере экологических прав, можно констатировать, что преодоление разрыва между их конституционным признанием и практической реализацией требует комплексной модернизации законодательства. Эта работа должна быть направлена на перевод декларативных норм в плоскость конкретных, работоспособных процедур и механизмов.

Важна детальная регламентация предоставления экологической информации, включающий гарантии ее достоверности, полный перечень обязательных к распространению сведений, четкие процедуры и сроки ответа на запросы и также форматы предоставления данных, понятные для обычного гражданина.

В этом контексте представляется обоснованной и актуальной позиция ряда ученых, настаивающих на целесообразности разработки и принятия специального базового закона «О доступе к экологической информации» [5, 148–155 с.]. Такой акт, позволил бы консолидировать разрозненные нормы, установить специальный правовой режим для экологических данных, закрепить ответственность за сокрытие и фальсификацию такой информации и создать действенный административный механизм обжалования неправомерных отказов

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 09.03.2022)
2. Боголюбов С. А. Актуальные проблемы экологического права: монография / С. А. Боголюбов. Москва: Издательство Юрайт, 2018. 498 с. (Актуальные монографии). ISBN978–5–534–01430–3. Текст: электронный // ЭБС Юрайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://biblio-online.ru/bcode/412487/> (дата обращения: 10.03.2021)
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Рос. газ. — 2006. — № 165. — 29 июля.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Рос. газ. — 2001. — № 256. — 31 дек.
5. Кравцова Е. А., Евтушенко В. И. Исторические предпосылки и современные проблемы законодательного закрепления механизма реализации экологических прав граждан в Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 1. — С. 148–155.

Проблемы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности и пути их решения

Благодарная Дарья Александровна, студент

Научный руководитель: Федорященко Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Контрольно-надзорная деятельность государственных органов в сфере предпринимательства часто сталкивается с системными проблемами из-за несовершенства и противоречий в законодательстве. Эти нормативные пробелы ведут к правоприменительным ошибкам. Целью данной статьи является выявление и анализ конкретных пробелов и коллизий как в нормативных актах, так и в практике их применения.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, нормы, права.

Problems of protecting the rights of entrepreneurs and ways to solve them

Blagodarnaya Daria Aleksandrovna, student

Scientific advisor: Fedoryashchenko Alexey Sergeevich, phd in law, associate professor
Belgorod State National Research University

The control and supervisory activities of state bodies in the field of entrepreneurship often face systemic problems due to imperfections and contradictions in the legislation. These regulatory gaps lead to law enforcement errors. The purpose of this article is to identify and analyze specific gaps and conflicts both in regulatory acts and in their application.

Keywords: entrepreneurial activity, norms, and rights.

Несмотря на наличие в правовом поле ряда механизмов, призванных защищать права субъектов предпринимательской деятельности в ходе контрольно-надзорных мероприятий, система эта остается несовершенной. Особенно остро ощущается дефицит эффективно работающих, детально проработанных процедур досудебного характера. Существующие нормы, хотя и предусмотрены законодательством, зачастую носят декларативный или фрагментарный характер, не образуя целостного и понятного для предпринимателя алгоритма действий при возникновении спора с контролирующим органом.

Этот правовой пробел приводит к ряду негативных последствий. Во-первых, предприниматели лишаются возможности оперативно и с меньшими издержками оспорить неправомерные действия проверяющих, что вынуждает их сразу обращаться в судебные инстанции. Во-вторых, создается избыточная нагрузка на судебную систему за счет конфликтов, которые могли бы быть разрешены в административном порядке. В-третьих, сохраняется дисбаланс в отношениях между бизнесом и государством, где последнее зачастую сохраняет значительное преимущество уже на начальных стадиях разногласий.

В связи с этим, представляется крайне важным проведение комплексного правового анализа. Его цель — не просто констатация проблем, а выработка конкретных правовых рекомендаций по созданию сбалансированной и работоспособной системы досудебной защиты. Такой анализ должен включать в себя оценку действующих норм, изучение успешной зарубежной и отечественной практики, а также рассмотрение реальных административных и судебных кейсов.

Итогом такой работы должны стать предложения по совершенствованию законодательства и подзаконных актов, направленные на создание четких, прозрачных и обязательных для контролирующих органов процедур досудебного обжалования, что в конечном счете будет способствовать как защите прав бизнеса, так и повышению качества самого контрольно-надзорного процесса.

Как справедливо отмечает в своих исследованиях А. В. Колоколов, ключевой проблемой во взаимоотношениях бизнеса и государства остается проблема избыточного административного давления на хозяйствующие субъекты [1, с. 137–146]. Данное давление является прямым следствием сложившейся системы контроля и надзора, для которой зачастую характерны многочисленность, частотность и дублирование проверочных мероприятий, что создаёт чрезмерную регуляторную нагрузку и препятствует нормальной предпринимательской деятельности.

Анализ научной литературы указывает на ключевые причины неэффективности контрольно-надзорной системы: методологической бессистемности и отсутствия единой цифровой среды для консолидации ведомственной информации о подконтрольных субъектах. [2, с. 41–64; 3, с. 67–70]. Это ведет к серьезным сбоям в государственном управлении. Снижается эффективность контроля, что мешает рациональному распоряжению государственным имуществом и бюджетными средствами, провоцируя неоправданные финансовые и административные затраты.

Более того, формируется практика, при которой расходы на проверки не соотносятся с реальным предотвращенным ущербом, подрывая экономическую целесо-

образность самой контрольно-надзорной деятельности. Такая системная неэффективность, в итоге, снижает и результативность крупных государственных программ, успех которых зависит от точного контроля за использованием ресурсов.

Отсутствие единого учёта вреда жизни и здоровью блокирует внедрение эффективного риск-ориентированного подхода. Длительный мораторий на проверки показал слабую связь между их массовостью и снижением вреда, сделав дальнейшие моратории лишь полумерой. Стратегическим решением должен стать полный переход на риск-ориентированную модель, которая сконцентрирует надзор на самых опасных объектах и резко снизит нагрузку на добросовестный бизнес [4].

Невзирая на масштабную цифровую трансформацию, инициированную Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», в практической реализации, контрольно-надзорной деятельности сохраняются глубокие системные проблемы. Данные проблемы порождают существенные риски, которые могут привести как к срыву достижения заявленных целей реформы, так или к возникновению новых правовых и административных коллизий [5].

Кроме того, не создан эффективный инструмент предварительной оценки регулирующего воздействия и возможных последствий вводимых новых обязательных норм. Наконец, сохраняется ключевая проблема неспособности органов контроля внедрить по-настоящему дифференцированный подход к профилактическим мероприятиям, который в полной мере учитывал бы специфику и уровень риска каждой конкретной контролируемой среды.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что, несмотря на предпринимаемые усилия, формирование

единой, системной правовой базы для контрольно-надзорной деятельности, нельзя считать завершённым. Особенно остро эта проблема проявляется в сфере государственного надзора, где сохраняются правовые пробелы, терминологические противоречия и дублирование норм. Это создает риск для эффективности контроля, прозрачности процедур и предсказуемости для поднадзорных субъектов.

Реализация риск-ориентированного подхода, наталкивается на системные пробелы в законодательстве. Во-первых, отсутствует единая концепция, которая задавала бы общие рамки и принципы для всех контролирующих органов. Во-вторых, не установлен четкий порядок построения и функционирования отраслевых систем управления рисками. В-третьих, законодательство не содержит универсальной методики для определения рисков, выработки критериев и оценки их вероятности, что ведет к субъективизму и несопоставимости результатов.

Анализ правоприменительной и судебной практики выявил системные нарушения законодательства со стороны контрольно-надзорных органов, создающие необоснованные барьеры для бизнеса. В частности, предпринимателям навязываются условия, не предусмотренные законом, что приводит к неправомерному ограничению их прав и свободы экономической деятельности.

В России государственная система управления рисками внедряется фрагментарно и недостаточно системно, а её применение остаётся ограниченным и неуниверсальным [2, с. 124–127]. Для повышения эффективности и расширения сфер охвата необходимо срочно утвердить четкие количественные критерии и индикаторы, позволяющие объективно оценивать уровень рисков нарушений. Такие меры устранят субъективизм в работе надзорных органов, обеспечат законность проверок и существенно снизят административную нагрузку на бизнес.

Литература:

1. Колоколов А. В. Совершенствование правовых механизмов эффективной защиты субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении контрольно-надзорной деятельности. // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2023. — № 4. — С. 137–146.
2. Добролюбова Е. И., Южаков В. Н. Оценка результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2015. — № 4. — С. 41–64.
3. Садовская Т. Д. Правовые, теоретические и практические основы государственного контроля и надзора // Право: история, теория, практика: материалы I Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2011 г.). — Санкт-Петербург, 2011. — С. 67–70.
4. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации: аналитический доклад — 2020–2021 // Российский союз промышленников и предпринимателей. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — М., 2021. — 148 с.
5. Колоколов А. В. Совершенствование правовых механизмов эффективной защиты субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении контрольно-надзорной деятельности. // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2023. — № 4. — С. 137–146.

Исследование методов взлома и средств обеспечения безопасности входных дверей при совершении квартирных краж с незаконным проникновением

Варфоломеев Александр Сергеевич, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье проводится анализ понятия кражи с незаконным проникновением в жилое помещение, рассматриваются существующие методы взлома дверей и замков при совершении квартирных краж, выявляются уязвимости различных видов замков и ключей, а также описываются меры по повышению безопасности дверных замков и дверей с целью предотвращения взломов.

Ключевые слова: кража, проникновение, жилище, отмычка, взлом, вскрытие двери, подбор ключа, бампинг, пик-ган, дубликат ключей, уязвимость дверного замка.

Хищение — совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

В статье 158 УК РФ закреплено понятие кражи и указана мера наказания за ее совершение: Кража, то есть тайное хищение чужого имущества, — наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет [2].

Для совершения квартирной кражи ключевым признаком является незаконное проникновение. Важно, чтобы проникновение было именно незаконным, поскольку законное вхождение в квартиру и последующее совершение кражи не рассматривается как квартирная кража.

Проникновение может осуществляться путем взлома преград с использованием специальных инструментов или с применением физической силы. Взлом замков по-прежнему является одним из наиболее распространенных способов незаконного проникновения. Даже при активном развитии технологий безопасности преступники продолжают совершенствовать свои навыки и находить новые пути обхода защитных систем. Применяемые ими методы могут быть как тонкими и технически сложными, требующими специальных знаний, так и откровенно силовыми — с использованием физической силы и профессионального инструмента [7].

Наибольшему риску подвержены многоквартирные здания, где установленные замки нередко уступают по уровню надёжности. Владельцы частных домов также находятся в зоне опасности, особенно если жильё используется сезонно и длительное время остаётся без присмотра. В подобных ситуациях особенно важно разбираться в способах взлома замков, понимать различия между классами

взломостойкости и знать, какие меры помогут минимизировать риск проникновения благодаря эффективной системе защиты.

Вскрытием будет считаться открывание замочного механизма без повреждения его основных элементов (то есть после вскрытия замок остаётся вполне работоспособным, и его можно закрыть).

Взлом — открытие замочного механизма с повреждением или разрушением его основных элементов (замок, подвергнувшийся взлому, уже никогда не сможет выполнять свои защитные функции).

Для рядового потребителя различия понятий «вскрытие» и «взлом» не так уж и важны, однако задуматься и разобраться все-таки стоит — вскрытие и взлом имеют совершенно разную природу, и защищаться от них необходимо разными способами [5].

Методы вскрытия и взлома замков, а также способы противодействия данным методам

Если рассматривать дверной блок, установленный в проёме, как основное препятствие, а проникновение в помещение извне — как конечную цель, то условно можно выделить шесть основных способов её достижения.

1) Первый вариант — продавливание или выбивание двери либо всей конструкции внутрь помещения. Чаще всего для этого используется домкрат, особенно если напротив двери находится прочная стена, позволяющая создать упор. Эффективной защитой в данном случае служат усиленные силовые элементы дверной коробки, надёжные притворы, а также высокая жёсткость дверного полотна.

2) Второй способ заключается в выдёргивании дверного блока или створки наружу. Такой метод считается более сложным в техническом плане и требует предварительной подготовки: злоумышленникам необходимо установить внутри конструкции жёсткие упоры, закрепить к ним металлические тросы и задействовать тянущий механизм. В некоторых случаях применяются лом или монтировка с использованием рычажного усилия. Противодействием таким попыткам являются заглублённые наличники и притворы, минимальные зазоры в конструкции, а также отсутствие сквозных креплений и отверстий.

3) Третий вариант взлома заключается в подрезании притвора дверной створки и или его механической деформации с целью добраться до замковых засовов и перепилить их. Слабые и тонкие притворы поддаются воздействию сравнительно легко — для этого достаточно ручного инструмента вроде лома или монтировки. Если же притвор изготовлен из массивного металлического профиля, злоумышленникам приходится прибегать к абразивному режущему оборудованию, например, углошлифовальной машине (болгарки).

Пример из судебной практики: Центральный районный суд г. Читы рассмотрел уголовное дело в отношении ранее судимого жителя с. Смоленка гр. «Н». Он обвинялся в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище).

Суд установил, что в июле 2022 года находящийся в состоянии алкогольного опьянения гр. «Н», путем подрезания притвора дверной створки и в последующем его механической деформации с помощью ножниц по металлу и металлической трубы, незаконно проник в дом, расположенный в садовом некоммерческом товариществе «Клин», откуда похитил шуруповерт с аккумуляторами и зарядным устройством, причинив ущерб в размере 2,5 тыс. рублей. С учетом характеристики личности и наличия судимостей суд назначил подсудимому наказание в виде 3 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима [4].

При установке качественной входной двери с продуманной и жёсткой конструкцией полотна и коробки первые три способа взлома практически утрачивают актуальность, поскольку сопровождаются высоким уровнем шума. На практике они эффективны в основном против типовых серийных дверей, чаще всего выполненных с применением гибочных технологий. Использование цельного металлопроката в наиболее уязвимых узлах конструкции — таких как притворы и дверные наличники, развитая система рёбер жёсткости и корректный монтаж значительно снижают результативность подобных атак злоумышленников.

4) Четвёртый способ предполагает силовое воздействие непосредственно на замки с последующим разъединением дверной коробки и полотна, что приводит к открытию двери. В настоящее время этот метод является наиболее распространённым, так как при сравнительно низком уровне шума он не требует от злоумышленника серьёзной подготовки или высокой квалификации и подходит для вскрытия большинства массовых моделей стальных дверей. Силовое вскрытие замков осуществляется несколькими способами.

Наиболее часто применяется ручной режущий инструмент, с помощью которого наружный стальной лист фактически разрезается по принципу вскрытия консервной банки. Воздействие, как правило, приходится на область замковой группы, и листы толщиной 1–4 мм не представляют серьёзного препятствия даже при использовании

инструмента среднего уровня. Рациональной мерой защиты является увеличение толщины внешнего листа минимум до 3 мм, а также обязательное усиление зоны замков закалённой сталью твёрдостью 57–65 HRC и толщиной от 5 мм.

Более опытные преступники прибегают к точечному высверливанию опорных элементов сувальдных механизмов, сверлению цилиндрических замков и целенаправленному разрушению ключевых узлов запирающих устройств. Такой способ менее распространён, поскольку он требует высокой квалификации, хорошего знания конструкции замков и сопровождается определённым шумом. Кроме того, наличие закалённых защитных пластин и встроенных блокираторов существенно увеличивает время вскрытия и требует от взломщика специальных свёрл и фрез.

Для цилиндрических механизмов серьёзную угрозу представляет перелом цилиндра в зоне крепления с последующим открытием замка обычной отвёрткой, а также вытягивание цилиндра наружу или его выбивание внутрь дверного полотна. Узел крепления является конструктивно уязвимым элементом всех цилиндрических замков. Производители усиливают его различными способами — калёными вставками, проволоочными элементами, пружинами, однако ключевая роль в защите цилиндра принадлежит конструкции двери. Цилиндр обязательно должен быть прикрыт врезной броненакладкой с защитной «юбкой», выступающей частью, которая препятствует демонтажу даже при высверливании крепёжных винтов. Корректно реализованная защита подобного типа практически полностью исключает данный вид взлома.

Для вскрытия простых сувальдных замков чаще всего используется так называемый «свёртыш» — заранее изготовленная Г-образная заготовка, превосходящая стандартный ключ по прочности и толщине. После расширения замочной скважины силовой отвёрткой заготовка вставляется внутрь, на неё надевается газовый ключ, и за счёт рычажного усилия механизм проворачивается вместе с внутренними элементами, в результате чего ригели задвигаются, а дверь открывается практически бесшумно. Современные сложные сувальдные замки в разной степени противостоят подобному воздействию. Дополнительными мерами защиты являются установка кодовых накладок, применение блокираторов, а также монтаж закалённых пластин с узкими щелевыми отверстиями под ключ.

5) Пятый способ взлома основан на манипуляционном воздействии на замочные скважины — подборе ключа либо использовании отмычек для открытия замка. Данный метод полностью бесшумен и при работе с простыми механизмами может быть реализован достаточно быстро. Тем не менее он требует определённых навыков, предварительной подготовки и наличия специализированного инструмента или набора подходящих ключей. Кроме того, современные цилиндрические замки из верхнего ценового сегмента обладают высокой конструктивной

сложностью и практически не поддаются вскрытию отмычками, а многие сувальные механизмы требуют строго специализированных комплектов, рассчитанных на конкретную модель.

Бампинг — это способ вскрытия замков, основанный на передаче кинетической энергии штифтам (пинам) при ударе по специальному ключу с помощью молотка или киянки. Слово *bump* в переводе с латинского означает «удар». Ключевым элементом данного метода тихого взлома является именно силовое воздействие. После нескольких ударов штифты начинают беспорядочно смещаться и менять своё положение. В результате цилиндрический механизм на доли секунды освобождается. Если в этот момент провернуть бамп-ключ в скважине, дверь легко открывается.

Бампинг отличается высокой скоростью и относительной бесшумностью и эффективен исключительно для замков с штифтовой системой кодирования. Для сувальных и других типов механизмов данный способ неприменим.

История появления этой технологии вскрытия замков остается неоднозначной. Согласно одной версии, метод был изобретён в США человеком, увлекавшимся бильярдом, который в середине XX века решил применить принцип передачи энергии от кия к шару в иной сфере. Другая точка зрения утверждает, что бампинг появился ещё в 1929 году и был случайно открыт слесарями при ремонте неисправных замков.

Различают классический и вибрационный бампинг. В первом случае применяется специальный *bump*-ключ, изготовленный из заготовки, полностью соответствующей форме и размерам цилиндра замка. Суть классического метода — удар по ключу. Вибрационный вариант предполагает использование специальной виброотмычки, которая без сильных ударов «встряхивает» штифты.

Бампинг представляет серьёзную угрозу для цилиндрических замков с пиновой кодировкой. В таких механизмах каждая пара штифтов расположена в отдельном канале и подпирается пружиной. Процесс вскрытия происходит следующим образом: бамп-ключ с особым расположением пазов вставляется в цилиндр; по его головке наносится удар; энергия передаётся кодовым, а затем опорным штифтам; опорные штифты сжимают пружины, преодолевая их сопротивление; между штифтами на короткое время образуется зазор, освобождающий линию вращения. В этот момент злоумышленник поворачивает ключ и открывает дверь.

Для взлома используются целые комплекты *bump*-ключей с различными насадками, а также киянки.

Некоторые применяют пик-ганы (пистолеты-отмычки) — автоматизированные устройства с насадками, позволяющие обходиться без ручных ударов. Они ускоряют и упрощают процесс вскрытия входных дверей.

Важно учитывать, что наборы бамп-ключей могут включать свыше сорока насадок, рассчитанных на разные типы цилиндрических механизмов. Такие комплекты до-

ступны в продаже онлайн, однако их качество сильно различается.

Наиболее уязвимыми для бампинга являются цилиндрические штифтовые замки с вертикальной фрезеровкой секрета. При этом слайдерные и дисковые системы к данному методу устойчивы. В группе повышенного риска находятся замки *Mul-T-Lock*, *Mottura*, *Cisa* и других европейских брендов [8].

б) Шестой способ предполагает использование незаконно изготовленной копии ключа. Для защиты от несанкционированного дублирования применяются различные меры: контроль оборота заготовок, ограничение их свободного распространения, использование магнитных вставок, сложных профилей и других технических решений. Однако ключевым фактором остаётся недопущение утечки информации об установленных замках и строгий контроль доступа посторонних лиц к ключам.

Нельзя также исключать ситуацию, при которой оригинальный ключ оказывается в распоряжении злоумышленника — полученный тем или иным, зачастую «вежливым», способом. Против таких случаев пассивные средства защиты практически неэффективны; исключением могут быть лишь кодовые элементы в замковой системе. Все остальные меры относятся уже к сфере контроля доступа, оповещения и физической охраны [6].

Пример из судебной практики: гр. «Л» действуя умышленно, из корыстных побуждений, осознавая общественно-опасный характер своих преступных действий, предвидя неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде причинения имущественного вреда своему знакомому гр. «А», в период времени с 14.07.2020 года по 17.07.2020 год, находясь по адресу: г. Чита, ул. Бабушкино, д.37, пользуясь тем, что за его действиями никто не наблюдает и не может помешать осуществлению задуманного, действуя против воли проживающего по вышеуказанному адресу в нарушении ст. 25 Конституции РФ, согласно которой жилище неприкосновенно и никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании вынесенного в соответствии с ним судебного решения [1], имеющимся при себе незаконно сделанным дубликатом ключа, открыл дверь квартиры своего знакомого гр. «А», и незаконно проник в вышеуказанную квартиру, откуда с двери холодильника тайно похитил денежные средства в сумме 22 000 рублей, затем из шкафулки в гардеробной комнате тайно похитил золотое обручальное кольцо с бриллиантами стоимостью 68 433 рубля, денежные средства в сумме 120 долларов, а также 800 юаней, причинив тем самым гр. «А», значительный материальный ущерб. Своими действиями гр. «Л», совершил преступление предусмотренной п. а, ч.3, ст.158 УК РФ [3].

Из всего изложенного следует очевидный, хотя и не самый утешительный вывод: создать дверь, которую невозможно вскрыть в принципе и при любых условиях,

технически невозможно. Однако при грамотном проектировании и правильном подборе решений можно добиться практического уровня взломостойкости, при ко-

тором затраты времени и усилий на проникновение через дверь сопоставимы с попыткой проникновения через соседнюю стену.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Электрон. текст. данные. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399. [Дата обращения 17.12.2025].
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024)// Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.
3. Приговор Центрального районного суда г. Читы от 20.03.2021 г. [Электронный ресурс]. — Электрон. текст. данные. — Режим доступа: https://centr—cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_or=doc&number=88&delo_id=1540006&new=0&text_number=1. [Дата обращения 17.12.2025].
4. Приговор Центрального районного суда г. Читы от 17.10.2022 г. [Электронный ресурс]. — Электрон. текст. данные. — Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_75/mass-media/news/main/e4696131/. [Дата обращения 17.12.2025].
5. Герасимова Е. В., Петрова И. А. Теоретические основы квалификации преступлений: практикум / Е. В. Герасимова, И. А. Петрова. — Вологда: Фонд развития филиала МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Вологде, 2022. — С.70
6. Квалификация преступлений против собственности: учебное пособие / [Д. А. Безбородов, Я. И. Гишинский, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко, Д. Ю. Краев, М. А. Любавина, А. Н. Попов, П. В. Федышина]; под общ. ред. А. Н. Попова. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. — С.45–46.
7. Варфоломеев, А. С. Кража с незаконным проникновением в жилище / А. С. Варфоломеев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 23 (522). — С. 416. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/522/115276>. [Дата обращения 17.12.2025].
8. Черниговский В. Н. Признаки, характеризующие способы отпирания замков различных конструкций при совершении преступлений, и их криминалистическое исследование // Вестник дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шиловой. 2022 г. № 2 (59), с.90.

Эволюция правового регулирования государственного земельного надзора

Вельмискин Михаил Александрович, студент магистратуры
Государственный университет по землеустройству (г. Москва)

В статье проведен анализ эволюции правового регулирования государственного земельного надзора в Российской Федерации. Рассмотрены четыре основных этапа: этап становления (1990-е — начало 2000-х гг.), характеризующийся разрозненностью законодательства и использованием термина «государственный земельный контроль»; этап систематизации и кодификации (2001–2014 гг.), связанный с принятием нового Земельного кодекса РФ; этап перехода от контроля к надзору (2015–2021 гг.), и введением риск-ориентированного подхода; и современный этап (с 2021 г. по настоящее время), обусловленный кардинальной реформой контрольно-надзорной деятельности на основе Федерального закона № 248-ФЗ. Современное правовое регулирование государственного земельного надзора направлено на минимизацию административного давления и характеризуется внедрением риск-ориентированной модели, смещением акцента на профилактику нарушений и активной цифровизацией процессов.

Ключевые слова: государственный земельный надзор, правовое регулирование, земельное законодательство, контрольно-надзорная деятельность, риск-ориентированный подход, профилактика нарушений, муниципальный земельный контроль, Земельный кодекс РФ, Федеральный закон № 248-ФЗ.

Государственный земельный надзор (ГЗН) является основой для обеспечения рационального использования и охраны земель как важнейшего природного ресурса, основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, и объекта недвижимости.

Эффективность системы управления земельными ресурсами во многом определяется качеством и последовательностью правового регулирования надзорной деятельности. Эволюция правового регулирования ГЗН в Российской Федерации отражает общественно-эконо-

мические преобразования, смену парадигм земельных отношений и стремление государства к повышению эффективности и снижению административного давления на субъектов хозяйствования.

Правовое регулирование контроля и надзора за использованием и охраной земель имеет исторические корни. Однако современный этап развития, по мнению К. Х. Ибрагимова и Ф. К. Ибрагимовой, начинается с момента формирования новых земельных отношений в постсоветский период [5]. В целом, можно выделить следующие этапы эволюции правового регулирования ГЗН, которые заложили основу для развития земельного и административного законодательства.

1. Этап становления (начало 1990-х — начало 2000-х гг.). После распада СССР и принятия в 1991 году Закона РСФСР «О плате за землю» от 11.10.1991 N 1738-1 и последующих актов началось формирование частной собственности на землю и рыночных земельных отношений. На этом этапе правовое регулирование земельного контроля было разрозненным и базировалось на актах, принятых еще в советское время, и новых положениях о земельной реформе. В этот период активно использовался термин «государственный земельный контроль» (ГЗК), который по своей сути был близок к надзору. Правовые основы ГЗК определялись Земельным кодексом РСФСР (утв. ВС РСФСР 25.04.1991 N 1103-1) (ред. от 24.12.1993), Законом РФ «О государственном земельном кадастре» от 02.01.2000 N 28-ФЗ и иными нормативными актами [5].

2. Этап систематизации и кодификации (2001–2014 гг.). Принятие нового Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ) от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) стало поворотным моментом. ЗК РФ закрепил основные принципы земельного законодательства и установил правовую основу для осуществления государственного земельного контроля (ст. 71). Этот период характеризуется уточнением полномочий, появлением подзаконных актов, регламентирующих порядок проведения проверок и взаимодействие органов ГЗК. О. А. Устюгова и В. Д. Вещев отмечают, что именно с этого времени начинается систематизация правового регулирования земельных отношений в целом [1]. Однако, как указывают С. Ю. Королёв, система контроля на данном этапе характеризовалась высокой степенью административного давления и излишней бюрократизацией [6].

3. Этап перехода от контроля к надзору и реформирование (2015–2021 гг.). Изменением в правовом регулировании стало принятие Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 354-ФЗ, который внес изменения в ЗК РФ, заменив термин «государственный земельный контроль» на «государственный земельный надзор», а также введя «муниципальный земельный контроль» [3, 10]. Данное изменение носило не только терминологический, но и, по мнению С. Ю. Королёва, концептуальный характер, приближая деятельность к общепринятым стандартам контрольно-надзорной деятельности [7].

Правовое регулирование ГЗН в данный период основывалось на Земельном кодексе РФ (ст. 71) и Федеральном законе от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Надзорная деятельность постепенно начала переходить к риск-ориентированному подходу, что нашло свое отражение в ряде подзаконных актов [4].

4. Современный этап — риск-ориентированный подход и профилактика (с 2021 г. по настоящее время). Начало современного этапа ознаменовано вступлением в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который коренным образом изменил подходы к контрольно-надзорной деятельности, а также государственный земельный надзор [11].

В рамках этого закона окончательно закреплён термин Государственный земельный надзор, что положило конец прежней терминологической неопределённости. Суть современного правового регулирования ГЗН заключается в его переходе к риск-ориентированной модели и означает, что надзорная деятельность теперь не является тотальной, а планируется и осуществляется исходя из категории риска причинения вреда охраняемым законом ценностям, в данном случае — земле [4]. Кроме того, стало смещение акцента на профилактику нарушений, что выражается во внедрении таких мер, как профилактические визиты, консультирование и объявление предостережений, вместо непосредственного наказания [2, 12]. Не менее важной тенденцией является цифровизация, предполагающая активное внедрение информационных технологий и использование дистанционных методов надзора, например, с помощью беспилотных летательных аппаратов и космоснимков [8, 13].

Таким образом, прослеживается четкая и логически последовательная линия развития от разрозненного контроля в ранний период к систематизированному, и, наконец, к современному надзору, который интегрирован в общую систему контрольно-надзорной деятельности, является риск-ориентированным и направлен в первую очередь на профилактику нарушений.

Как отмечают В. Д. Постолов, Л. В. Брянцева и В. М. Брянцев, эволюция правового регулирования земельно-имущественных отношений носит постоянный характер [9]. Важнейшие реформы в сфере ГЗН последних лет связаны с реализацией так называемой «регуляторной гильотины» и концепции Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 N 248-ФЗ.

Введение риск-ориентированного подхода в ЗК РФ (ст. 71.1) и его детализация в Законе № 248-ФЗ является одним из главных достижений, которое помогло дифференцировать частоту проведения плановых проверок в зависимости от присвоенной категории риска (от низкого до высокого). По замыслу законодателя, должно снизить на-

грузку на добросовестных землепользователей [4]. Правовое значение данного подхода заключается в переходе от тотального контроля к выборочному, основанному на оценке потенциального вреда.

Важным следствием вступления в силу Закона № 248-ФЗ стало существенное расширение и изменение содержания контрольных (надзорных) мероприятий. Если в предыдущий период правового регулирования преимущественно доминировали такие формы, как выездные и документарные проверки, то в настоящее время активно применяются более гибкие и разнообразные методы надзора. К числу таких новых форм относятся инспекционный визит, проведение контрольных (надзорных) мероприятий, непосредственно по месту нахождения объекта контроля, а также рейдовый осмотр, который осуществляется в отношении сразу нескольких объектов контроля на определенной территории. Особое место занимает наблюдение за соблюдением обязательных требований (мониторинг), является дистанционный контроль (надзорных) мероприятий, а также анализ данных, полученных из различных информационных систем [11]. Как подчеркивает М. Ю. Садырова, внедрение этих новых форм требует не только совершенствования механизмов взаимодействия между федеральными и муниципальными органами, но и необходимости повышения квалификации инспекторского состава для эффективного применения новых инструментов [10].

Правовое регулирование современного этапа четко разграничивает государственный земельный надзор, который осуществляется на федеральном уровне, и муниципальный земельный контроль, относящийся к компетенции местных органов власти [3]. Несмотря на разделение, Земельный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон № 248-ФЗ обеспечивают высокую степень их согласованности и взаимодействия. В частности, законодательство устанавливает, что муниципальный контроль должен осуществляться в строгом соответствии с положениями федерального закона и, более того, может быть интегрирован как часть государственного земельного надзора в рамках переданных полномочий. Такая интеграция и четкое распределение функций эффективно охватывают всю территорию страны, обеспечивая возможность оперативного реагирования на выявленные нарушения на местах.

Несмотря на существенные правовые изменения, в сфере государственного земельного надзора оста-

ются нерешенные вопросы и проблемы. Во-первых, проблема эффективности профилактических мероприятий. А. З. Зиннатуллин отмечает, что успех реформ во многом зависит от того, насколько полноценно будет реализован потенциал профилактики, а не только карательных мер [4]. Правовые нормы о профилактике требуют дальнейшей детализации и унификации.

Во-вторых, необходимость правового закрепления и стандартизации цифровых методов надзора. Хотя на практике уже используются беспилотные летательные аппараты и космический мониторинг, их правовой статус и порядок использования как доказательной базы в административном процессе требуют более четкой регламентации [8, 13].

В-третьих, обеспечение баланса между защитой публичных интересов и прав предпринимателей. Как указывают В. В. Вторникова, Н. И. Руднева и Н. М. Митякина, совершенствование механизма надзора должно идти по пути минимизации административных барьеров при сохранении высокого уровня защиты земель [2].

Таким образом, эволюция правового регулирования государственного земельного надзора в России представляет собой поступательный процесс перехода от разрозненного и карательного контроля к системному, риск-ориентированному и профилактическому надзору. В эволюции правового регулирования государственного земельного надзора стало принятие ЗК РФ 2001 года, замена «контроля» на «надзор» в 2016 году и кардинальная реформа контрольных (надзорных) мероприятий на основе Федерального закона № 248-ФЗ в 2021 году.

Современное правовое регулирование государственного земельного надзора характеризуется высокой степенью детализации процедур, использованием риск-ориентированной модели и смещением акцента на профилактику нарушений. Однако для достижения максимальной эффективности необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, в частности, в части правового обеспечения цифровизации надзорной деятельности и повышения качества взаимодействия между федеральными и муниципальными органами земельного контроля (надзора).

Продолжающаяся правовая реформа призвана создать условия для рационального использования земель, обеспечивая предсказуемость и прозрачность надзорной деятельности для всех субъектов земельных отношений.

Литература:

1. Вещев В. Д., Устюгова А. А. Правовое регулирование земельных отношений и практическое значение организации государственного земельного надзора //Моя профессиональная карьера Учредители: Общество с ограниченной ответственностью» Моя профессиональная карьера». — 2025. — Т. 2. — №. 73. — С. 250–256.
2. Вторникова В. В., Руднева Н. И., Митякина Н. М. Совершенствование механизма государственного надзора за использованием и охраной земель //Вестник экономики и права. — 2025. — №. 101.
3. Гиматдинова А. С. Государственный земельный контроль (надзор) и муниципальный земельный контроль в Российской Федерации: анализ и тенденции развития //Образование. Наука. Научные кадры. — 2025. — №. 2. — С. 77–83.

4. Зиннатуллин А. З. Ключевые реформы государственного земельного надзора // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2023. — Т. 16. — №. 3. — С. 79–84.
5. Ибрагимов К. Х., Ибрагимова Ф. К. Краткая история правового регулирования государственного земельного надзора (контроля) в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2016. № 5 (137). С. 82–90.
6. Королёв С. Ю. Земельный контроль (надзор) в Российской Федерации: правовые основы и современные вызовы // Правовая политика и правовая жизнь. — 2025. — №. 1. — С. 37–46.
7. Королёв С. Ю. Правовая политика в сфере государственного земельного контроля (надзора): некоторые аспекты понятия контрольно-надзорной деятельности в контексте исторического развития // Правовая политика и правовая жизнь. — 2022. — №. 3. — С. 37–47.
8. Первушина А. В., Грачева М. А., Цекоева Ф. К. Государственный земельный надзор как механизм управления земельными ресурсами в муниципальном образовании // International journal of professional science. — 2021. — №. 5. — С. 67–70.
9. Постолов В. Д., Брянцева Л. В., Брянцев В. М. Эволюционные этапы нормативно-правового регулирования земельно-имущественных отношений // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. — 2022. — Т. 15. — №. 4. — С. 75.
10. Садырова М. Ю. Проблемы и способы совершенствования осуществления государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля в системе управления земельными ресурсами Российской Федерации // Право и управление. — 2024. — №. 2. — С. 240–246.
11. Тихий Р. С. О некоторых вопросах совершенствования федерального законодательного регулирования административных процедур осуществления земельного контроля в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2021. — №. 1 (138). — С. 256–264.
12. Хаертдинова А. А., Павлов С. Ю. К вопросу об оптимизации государственного управления в сфере земельных отношений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2025. — №. 4–2 (103). — С. 318–322.
13. Ширина Н. В., Гайдук А. С., Чигринов М. С. Правовой анализ законодательных изменений в сфере земли и недвижимости // Вектор ГеоНаук. — 2022. — Т. 5. — №. 4. — С. 34–39. (дата обращения: 16.12.2025).

Существенные условия договора: теория и практика

Воронова Ирина Александровна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Актуальность выбранной темы заключается в том, что при заключении, изменении и прекращении договоров необходимо, чтобы между сторонами было достигнуто согласие по перечню условий, определенных законодательством. Гражданское законодательство устанавливает четкий критерий момента возникновения договорных обязательств: согласно пункту 1 статьи 432 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

При отсутствии взаимного согласия сторон договор может быть признан незаключенным и не иметь юридической силы.

Исходя из содержания статьи 432 ГК РФ, следует, что существенными условиями являются следующие три категории условий:

- предмет договора;
- условия договора, которые в соответствии с положениями действующего законодательства, должны быть в обязательном порядке согласованы для определенного типа договора;

— любые условия договора, которые подлежат обязательному согласованию по мнению сторон договора.

Если при заключении договора, не было согласовано хотя бы одно из его существенных условий, то такой договор будет считаться незаключенным.

В случае неправильного понимания условий договора его сторонами или нечеткая формулировка условий может привести к признанию договора недействительным, что создаст дополнительные риски для сторон договора.

Кроме того, надлежащее исполнение договора является важнейшим показателем успешного развития экономики нашей страны. Поэтому эффективное исполнение договора и достижение поставленных участниками договора целей зависит от полной проработки его условий.

Несогласованность того или иного условия может нарушить баланс интересов сторон в договоре, ухудшить положение стороны договора.

Следовательно, существенные условия договора играют важную роль в обеспечении надлежащего исполнения сторонами соглашений, так как являются основой любого договора и его неотъемлемыми элементами.

Проблемы, связанные с формулированием и согласованием существенных условий, возникают не только в теоретическом аспекте, но и в правоприменительной (судебной) практике, что делает необходимым дальнейшее и более глубокое исследование данной темы.

Во многих случаях отсутствие конкретных перечней существенных условий может отрицательно повлиять на решение проблем, связанных с заключением, изменением и расторжением сделок. Поэтому понимание и согласование условий договора очень важно для минимизации рисков и достижения максимально эффективных результатов.

Правовая квалификация договора к определенному типу изложена в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49.

В силу пункта 1 статьи 307 и пункта 3 статьи 420 ГК РФ к договорным обязательствам общие положения об обязательствах применяются, если иное не предусмотрено правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в ГК РФ и иных законах, а при отсутствии таких специальных правил — общими положениями о договоре. Поэтому при квалификации договора для решения вопроса о применении к нему правил об отдельных видах договоров (пункты 2 и 3 статьи 421 ГК РФ) необходимо прежде всего учитывать существо законодательного регулирования соответствующего вида обязательств и признаки договоров, предусмотренных законом или иным правовым актом, независимо от указанного сторонами наименования квалифицируемого договора, названия его сторон, наименования способа исполнения и т. п.

В случае если заключенный сторонами договор содержит элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор), к отношениям сторон по договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора (пункт 3 статьи 421 ГК РФ).

Если из содержания договора невозможно установить, к какому из предусмотренных законом или иными правовыми актами типу (виду) относится договор или его отдельные элементы (непоименованный договор), права и обязанности сторон по такому договору устанавливаются исходя из толкования его условий. При этом к отношениям сторон по такому договору с учетом его существа по аналогии закона (пункт 1 статьи 6 ГК РФ) могут применяться правила об отдельных видах обязательств и договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (пункт 2 статьи 421 ГК РФ).

Таким образом, вопросы, касающиеся определения, классификации и последствий несогласованности существенных условий договоров, остаются неоднозначными и обсуждаемыми, так как существенные условия формулируются и применяются в правовых ситуациях для каждого вида договора индивидуально. Изучение дел о нарушении существенных условий договора позволяет

выявить существующие тенденции и подходы судов к интерпретации существенных условий, опираясь на конкретные обстоятельства дела. При толковании условий договора суд с учетом особенностей конкретного договора вправе применить как приемы толкования, прямо установленные статьей 431 ГК РФ, иным правовым актом, вытекающие из обычаев или деловой практики, так и иные подходы к толкованию. Условия договора подлежат толкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в статье 1 ГК РФ, другими положениями ГК РФ, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права (статьи 3, 422 ГК РФ).

При трактовании условий договора в силу абзаца первого статьи 431 ГК РФ судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений.

Таким образом, изучение темы существенных условий договора актуально в связи с важностью договорных отношений, недостаточной урегулированностью законодательства и необходимостью минимизации рисков для сторон договора в условиях современных экономических процессов. Так как при заключении договоров его стороны формируют правоотношения, в которые они намерены вступить, заключая договор. Поэтому от того насколько максимально детально будут разработаны условия в проекте договора, настолько будет зависеть возможность достижения поставленной сторонами договора цели при его заключении.

Это является подтверждением значимости условий договора и процедуры их согласования в гражданско-правовой практике, и соответственно актуальности рассматриваемой темы работы.

Законодательство в области договорных условий не в полной мере соответствует интересам участников договорных отношений. Этот факт явился результатом увеличения количества судебных споров, связанных с формированием условий договоров.

Важную роль в условиях договорных отношений играют существенные условия договора, так как существенные условия договора еще со времен римского права выступают в качестве основного критерия для признания договора заключенным.

Пробелам и недоработкам в отношении условий договоров посвящено множество научных статей и монографий.

Исследования данного вопроса показали, что до настоящего времени как теоретические проблемы, так и ее практическая реализация не содержат общего подхода.

Исследованию данной темы посвящен довольно широкий спектр научных работ, среди них можно выделить труды В. В. Витрянского, О. Н. Садикова и других.

Раскрытие содержания договорных условий предлагает заместитель председателя Арбитражного суда Западно-Сибирского округа К. И. Забоев, выделив «сделочную природу договора, а необходимыми элементами содер-

жания любой сделки являются образующие ее условия» [11, с. 155], которые выражают его суть и содержание.

Российские правоведы М. И. Брагинский и В. В. Витрянский в своих трудах [12, с. 848] на тему договорного права, отмечают, что условия гражданско-правового договора закрепляют взаимные права и обязанности его сторон, а его содержание составляют условия.

Бесспорно, особое место принадлежит существенным условиям договора. Понятие «существенный» происходит от «сущность». Сущность договора проявляется в «новых договорных типах и надлежащем правовом регулировании» [13, с. 276]. Поэтому существенными условиями являются обязательные для определенного вида договора и влияющие на регулирование остальных условий.

По мнению М. И. Брагинского, «существенными являются условия, необходимые и достаточные для того, чтобы договор считался заключенным и тем самым способным породить права и обязанности у его сторон» [13, с. 276].

А. М. Гуляев, например, выделял в договоре главными условиями те, без которых «содержание лишается значения» [14, с. 652], второстепенные и случайные части условий.

По мнению В. И. Синайского, «к существенным условиям договора купли-продажи относились цена (выраженная в деньгах, справедливая, определяемая) и предмет (существующая, а не будущая вещь, находящаяся в собственности лица)» [14, с. 160]. По договору страхования имущества Г. Ф. Шершеневич ссылаясь на требование от сторон соглашения «существенных принадлежностей сделки: страхуемых вещей, событий, срока, до истечения которого страховщик несет на себе обязанность возмещения и размера вознаграждения за страх» [15, с. 848]. С точки зрения О.С. Иоффе, любое существенное условие — это «условие согласовываемое» [16, с. 28].

Взгляды современных ученых в отношении понятия существенных условий договора имеют единую позицию. Так, «М. И. Брагинский, В. А. Белов, Ю. К. Толстов, А. П. Сергеев, Е. А. Суханов, к существенным условиям отнесли условия, которые необходимы и достаточны для заключения договора без согласования или при отпадении которых договор соответствующего типа нельзя считать наличествующим (заключенным)» [17, с. 288].

Согласно действующему ГК РФ, существует четыре вида существенных условий гражданско-правового договора.

Первый вид условий договора — это его предмет, указанный в самой статье ГК РФ (например: статья 583 (имущество), статья 572 (вещь либо имущественное право (требование)), статья 525 (товар), статья 549 (недвижимое имущество — земельный участок, здание, сооружение, квартиру или другое недвижимое имущество), статья 539 (энергия), статья 779 (услуги), статья 807 ГК РФ (недвижимое имущество — земельный участок, здание, сооружение, квартиру или другое недвижимое имущество) и др.).

Второй вид существенных условий те, которые указываются таковыми в законе или ином правовом акте (например, «статья 429 (форма предварительного договора), статья 455 (наименование и количество товара в договоре о товаре), статья 465 (количество товара), статья 654 (размер арендной платы), статья 708 (сроки выполнения работ), статья 1016 ГК РФ (существенные условия договора доверительного управления имуществом) и др.).

Третий вид существенных условий — это «условия, которые необходимы для договоров определенного вида» [18, с. 733]. Они присутствуют в определении понятия соответствующего вида договора и определяются судебной практикой (например, о цене в договоре строительного подряда, о размере процентов в договоре займа и др.).

Четвертый вид существенных условий включает условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (инициативные условия). Они приобретают существенность только на момент заключения договора (например, цена в возмездном договоре, срок действия договора аренды и др.).

Помимо существенных договорных условий правоведы обсуждают также обычные и случайные условия.

«Как заметил М. И. Брагинский, они носят «исключительно доктринальный их характер», что послужило отсутствию единства в представлении о том, в чем состоят классификационные признаки обычных условий и какие именно последствия из этого вытекают» [19, с.256]. Согласно позиции С. К. Мая обычные условия договора — обыкновенные условия, «основываются на диспозитивных нормах закона и обычаях» [20, с.272]. А к случайным условиям договора, по его мнению, относились условия, «содержащие согласованные сторонами положения, которые иногда не совпадают с диспозитивными нормами закона или обычаями» [21, с. 272].

В советской и в современной теории существуют различные мнения, определяющие значения обычных и случайных условий договора. Так, например, И. Б. Новицкий определил, что «обычные условия (пункты) договора встречаются в определенных договорах и зависят от диспозитивных норм, а случайные условия не являются ни необходимыми, ни обычными частями договора и входят в его содержание лишь тогда, когда того пожелают стороны (например, условия в техническом смысле слова)» [21, с.272]. По мнению Д. И. Мейера разница в условиях договора состояла в отношении их к сущности договора, то есть, все те, условия, которые касаются сущности договора, разрушают договор, а все те, ставшие недействительными условия, которые не касаются сущности договора, «сами не имеют значения, но не делают недействительным всего договора» [21, с.831]. «При этом Д. И. Мейер не проводил классификацию иных условий договора, если они не имели отношение к его сущности» [22, с.136].

Исследуя условия договора, О. С. Иоффе считал, что обычные условия в отличие от существенных «никакого влияния на факт заключения договора не оказывают, нет

необходимости включать обычные условия в договор в силу того, что они сформулированы в законе или иных нормативных актах» [23, с.160].

Также юридически значимы случайные условия, и они присутствовать в договоре по желанию сторон и решать вопросы, не предусмотренные законом.

Таким образом, сравнивая различные позиции, видно, что, по мнению О. С. Иоффе, обычные условия договора содержат диспозитивные и императивные нормы для разных видов договоров, а по мнению И. Б. Новицкого, «обычные условия договора зависят от диспозитивных норм» [24, с.848].

По мнению О. С. Иоффе, случайные условия включают только те, которые не связаны с диспозитивными нормами, а по мнению И. Б. Новицкого — это любые условия, кроме существенных и обычных.

Обычные условия гражданско-правового договора не требуют какого-либо согласования сторон, так как уже предусмотрены нормативными актами и при заключении договора автоматически вступают в силу. Например, к обычным условиям возмездных договоров относится цена в договоре (статья 424 ГК РФ), если она не определена, то при оплате применяются установленные государственными органами цены (тарифы, расценки, ставки).

Кроме того, в числе обычных условий можно встретить примерные условия договора, которые официально публикуются в печати с отсылкой к ним, либо применяются к отношениям сторон в качестве обычаев (статья 5 и статья 421 ГК РФ). Такие условия присутствуют «в форме примерного договора (статья 427 ГК РФ)», утвержденного федеральными ведомствами, органами управления субъектов РФ и муниципальными органами (например, типовые формы договоров с перечнем примерных условий).

Случайные условия договора изменяют или дополняют обычные условия и в договоре присутствуют только по усмотрению (заявлению) сторон.

Таким образом, обычные и случайные условия договора схожи с четвертым видом существенных условий, что свидетельствует о нецелесообразности выделения их в отдельный вид договорных условий.

Помимо традиционной классификации условий договора существует множество иных схожих классификаций.

Так, взяв за основу нормы ГК РСФСР 1922 г., И. Б. Новицкий поделил содержание договора на три части: «необходимые условия для данного рода договоров, обычно встречающиеся в определенных договорах и случайные пункты, которые не являются ни необходимыми, ни обычными частями договора при условии, что на их включении настояли стороны» [25, с.416].

По мнению правоведов О. А. Беляевой, «в любом договоре можно выделить различные виды условий: существенные (наиболее важны, так как только после их согласования договор может считаться заключенным), подразумеваемые (автоматически включенные в договор, если они содержатся в императивной норме закона или диспозитивной норме, содержание которой не изменено

соглашением сторон) и вырабатываемые самими сторонами» [26, с.509].

Отсутствие единого критерия классификации договорных условий отрицательно воспринимается М. И. Брагинским. Стоит с ним согласиться, в качестве критериев могут быть и обязательность (достаточность), и характер норм, предусматривающих соответствующее условие. Он признает существующие классификации договоров мало-пригодными, «их главный недостаток — одновременное использование двух, иногда и трех признаков разграничения» [27, с.848].

Сравнивая классификации условий договоров, можно увидеть некие сходства. В частности, выделяются виды условия договора: «главные (conditions) (если условия одной стороны не выполняются, другая сторона имеет право на расторжение договора и возмещение убытков; источником является договор, обычай); второстепенные (warranties) (невыполнение условий одной стороной дает право на возмещение убытков другой; источником является договор, судебное решение, обычай); явные или прямо выраженные (expressed conditions) (условия конкретизированы в договоре; источником является договор); подразумеваемые (implied conditions) (условия отсутствуют в договоре; источником является судебное решение, обычай, закон, общее содержание договора)» [28, с.336].

Явно выраженные условия договора делятся на существенные и простые, где под существенными условиями понимаются «простые условия в их специальном значении, определяющие последствия их нарушения» [27, с.336].

Таким образом, анализируя разносторонние позиции в исследовании условий договоров, условия договора делятся на существенные, обычные и случайные.

В то же время, данная классификация условий договора часто подвергается учеными-правоведами определенной критике.

Большинство ученых в качестве существенных выделяют условия необходимые и достаточные для заключения договора, порождающие тем самым права и обязанности у его сторон. Однако, оснований для выделения в отдельную группу таких условий, отличающиеся «от диспозитивной нормы, нет» [27, с.848].

Сторона, предлагая редакцию положения договора второй стороне, делает это условие существенным условием в договоре при условии согласия от второй стороны. Следовательно, обычные и случайные условия также обладают признаками существенности.

Судья Арбитражного суда Московского округа Е. Е. Шевченко, относит к признакам договора его видообразующие условия. Отмечая важность квалификации заключенного сторонами договора при судебном споре, он поясняет, что «разрешение вопроса о том, к какой именно договорной конструкции относится данный договор, позволяет определить законодательство, подлежащее применению к возникшим между

сторонами отношениям. Квалификация договора осуществляется путем сравнения заключенного сторонами договора и договорных конструкций, предусмотренных законом» [29, с. 312].

Таким, образом, договор может содержать и иные условия. Поэтому, по мнению Е. Е. Шевченко, условия делятся на:

1) видообразующие условия (классифицируют договор);

2) организационные условия (включаются в договор при согласовании сторон с целью контроля их действий и ответственности, сроков, разрешения споров и др.).

Анализ предлагаемых классификаций договорных условий показал, что традиционное деление «на существенные, обычные и случайные имеет, по меньшей мере, два недостатка» [27, с. 848].

Во-первых, обычные условия из данной классификации исключены, поскольку не являются договорными условиями и самостоятельно в договоре появиться не могут, а диспозитивные и императивные нормы права оказывают прямое воздействие на содержание правоотношений.

Во-вторых, нет единого критерия деления таких условий. Сам факт наличия существенных условий указывает, что обычные и случайные условия таковыми не являются. Однако как верно отметил М. И. Брагинский: «когда одна сторона договора предлагает включить в договор случайные условия, которые законом не отнесены к числу существенных, то такие условия становятся существенными и заключение договора зависит от включения в него данных случайных условий» [27, с.848].

Положительный момент этой классификации в том, что в ней содержится само понятие существенного условия, которое определяет факт заключения договора. Аналогично и в классификации договорных условий, где нет многозначных критериев, выделяются «существенные и несущественные условия» [27, с.848].

Еще одна классификация условий гражданско-правового договора, которая разделяет условия по основанию их определения, когда они прямо названы в ГК РФ, и по источнику их установления, а именно по характеру влияния законодательства на определение их содержания.

Среди условий гражданско-правового договора, зависящие от характера устанавливающих правовых норм, выделяются юридико-фактические и правилообразующие условия.

Юридико-фактические условия договора — это условия, которые определяются в гражданско-правовых нормах и учитывают различный характер (условия, уста-

новленные императивными нормами, (статьи 131, 990, 469 ГК РФ), условия, установленные диспозитивными нормами (статьи 623, 344 ГК РФ), «условия, установленные оценочными понятиями, согласующиеся только при заключении определенного договора» [30] (статьи 314, 992, 524 ГК РФ), условия, установленные отсылочными нормами (статьи 129, 455 ГК РФ), условия, установленные бланкетными нормами (статьи 395, 486 ГК РФ).

Правилообразующие условия — это условия, включенные в договор исключительно по соглашению сторон. Они вырабатываются субъектами самостоятельно. В отдельных случаях закон может указывать на возможность или целесообразность их включения в договор, но не определяет их содержание. Для таких условий существуют пределы, установленные в статьях 1 и 421 ГК РФ. Например, «под юридико-фактическими понимаются условия договора, которые воспринимаются сторонами из законодательных актов, а правилообразующие условия вырабатываются субъектами самостоятельно» [31].

В условиях современного развития российской экономики распространение получают и иные классификации условий договоров, зависящие от их определенных видов (например, общие и индивидуальные условия договора займа). Общие условия установлены законодательством на случай, если стороны не установят иное, то есть, они сравнимы с юридико-фактическими условиями, названными законом. Индивидуальные условия, указанные в договоре по воле сторон, сравнимы с правилообразующим условиями.

Стоит заметить, что все рассмотренные договорные условия делятся на виды без применения единого критерия, который должен выступать в качестве главного требования к их классификации. Это послужило причиной отнесения одних и тех же условий к различным их видам.

Исследование научных взглядов, а также результаты изучения материалов судебной практики в отношении классификации условий договора выявило отсутствие их единства, споры, связанные с классификацией условий гражданско-правового договора в настоящее время так и не разрешены.

Таким образом, при классификации условий гражданско-правового договора должен быть выбран единый критерий их определения, а именно, критерий заключенности договора, который не противоречит положениям статьи 432 ГК РФ. Критерий заключенности договора позволяет классифицировать все договорные условия на существенные и несущественные, а это в свою очередь, является главной основой правовых последствий заключенности (незаключенности) договора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ;
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;
3. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»;

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»;
5. Постановление Правительства РФ от 08.08.2012 № 808 «Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»;
6. Приказ Минфина России от 09.06.2020 № 101н «Об утверждении типовой формы договора залога имущества и существенных условий договора залога имущества»;
7. Письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 07.08.2025 № 46450-дн/04
8. Перечень позиций Высших Судов к статье 432 ГК РФ «Основные Положения о заключении договора»;
9. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными»;
10. Важнейшая практика по статье 432 ГК РФ, «КонсультантПлюс», 2025
11. Забоев К. И. Правовые и философские аспекты гражданско-правового договора. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003;
12. Брагинский М. И. Договорное право. Общие положения (книга 1) (3-е изд., стереотипное) / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. М.: Статут, 2001;
13. Кирпичев А. Е. Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики: монография // М.: РГУП, 2017;
14. Гуляев А. М. Русское гражданское право: Обзор действующего законодательства, кассационной практики Правительствующего Сената и проекта Гражданского уложения. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1913;
15. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса / Р. Н. Аганина, В. К. Андреев, Л. В. Андреева и др.; отв. ред. И. В. Ершова. М.: Проспект, 2017;
16. Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975.
17. Хохлов В. А. Общие положения об обязательствах. М.: Статут, 2015;
18. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. 26.06.1991 № 26;
19. Аксенов А. Г. Договор международной купли-продажи товаров между субъектами предпринимательской деятельности стран СНГ. М.: Инфотропик Медиа, 2012;
20. Андреев Ю. Н. Договор в гражданском праве России: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017;
21. Мейер Д. И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М.: Статут, 2003;
22. Витрянский В. В. Существенные условия договора в отечественной цивилистике и правоприменительной практике // Вестн. ВАС РФ. 2002. № 6;
23. Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017;
24. Брагинский М. И. Договорное право. Общие положения;
25. Новицкий И. Б. Общее учение об обязательстве / проф. И. Б. Новицкий, проф. Л. А. Лунц. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950;
26. Договоры в предпринимательской деятельности / О. А. Беляева, В. В. Витрянский, К. Д. Гасников и др.; отв. ред. Е. А. Павлодский, Т. Л. Левшина. М.: Статут, 2008;
27. Брагинский М. И. Договорное право. Общие положения;
28. Гайдаенко Шер Н. И., Грачев Д. О., Лещенков Ф. А. и др.; отв. ред. Соловьева. С. В. Договоры в гражданском праве зарубежных стран: монография // М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2018;
29. Шевченко Е. Е. Заключение гражданско-правовых договоров: проблемы теории и судебно-арбитражной практики. М.: Инфотропик Медиа, 2012;
30. Комментарий к главе 48 «Страхование» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (постатейный) / О. В. Корнеева, Т. И. Лысенко, А. Н. Танага, А. В. Чебунин, М. А. Беляев, А. А. Томтосов, С. А. Котухов, С. А. Слесарев // СПС «Консультант Плюс», 2017;
31. Вахнин И. Виды условий договора с учетом нормативно-правового регулирования // Хозяйство и право. 1998. № 10.

История возникновения и становления института специальных знаний в уголовном судопроизводстве

Гавришук Анастасия Васильевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Обращаясь к историческому аспекту возникновения и последующего развития и совершенствования института специальных знаний в контексте уголовного процесса, представляется необходимым отметить, что в юридической доктрине общепринято выделять три главенствующих этапа формирования работы различных сведущих при непосредственном расследовании и раскрытии совершаемых преступных посягательств в качестве самостоятельного вида деятельности, а именно:

1. Первый этап де факто проистекал до начала XVI века, при этом он презюмировал нечастое и нерегулярное обращение определенных заинтересованных субъектов к соответствующим сведущим лицам с целью использования и применения наличествующих у последних совокупности специальных знаний. Между тем, ни в одном из действующих на тот период времени нормативных правовых актов не был урегулирован порядок привлечения сведущих лиц к участию в каждом конкретном деле.

Так, в России в вышеуказанный временной промежуток также привлекали к разрешению спорных моментов определенных лиц, которые обладали комплексом соответствующих особых и специальных знаний, именуемых аптекарями, лекарями и дяками. Относительно судебных лекарей и аптекарей надлежит отметить, что обозначенные участники были призваны излагать всеобъемлющие ответы на вопросы, непосредственным образом касающиеся действительного состояния здоровья различных граждан и иных лиц, трезвости их разума и рассудка, фактических причин смерти потерпевших и так далее. Основопологающее предназначение судебных дяков заключалось в том, чтобы воплощать в жизнь осмотр имеющихся документов с точки зрения их действительной подлинности, впоследствии по этому поводу вышеупомянутые участники излагали занимаемую ими позицию и собственное мнение, что являлось своего рода первоначальным аналогом современного заключения специалиста;

2. В рамках второго этапа, непосредственным образом исчисляемого с XVI века и до начала XX века, в реальной действительности имело место стремительное развитие и совершенствование складывающейся научной деятельности, что в результате обусловило возникновение необходимости на регулярной и систематической основе привлекать к участию в воплощаемом жизни расследовании и раскрытии совершаемых на территории российского государства уголовно-наказуемых деяний. По причине вышеизложенного сфера использования и применения различных специальных знаний существенным образом увеличилась.

Вместе с тем, каких-либо экспертных и иных подобных учреждений, организаций еще сформировано не было, в связи с этим сведущие лица реализовывали свои эти дополнительные обязанности в единичных случаях, когда уполномоченные правоохранительные органы направляли в их адрес собственные требования и поручения. При этом в вышеназванный временной промежуток появляются первые нормативные правовые акты, которые были признаны регламентировать основополагающие аспекты и особенности осуществления деятельности со стороны сведущих лиц.

В качестве примера следует упомянуть требование, регламентированное в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, согласно которому в ходе расследования совершенного кем-либо преступного посягательства, направленного против собственности и казны, в обязательном порядке надлежало приглашать эксперта, реализующего возложенные на него в служебные функции в компетентном казенном управлении. Для субъектов, которые не владели русским языком либо же в силу своего состояния здоровья были немыми, требовалось принятие участия в допросе и отбирании показаний специальных переводчиков.

Кроме того, уполномоченный судебный орган обладал возможностью на основании собственного волеизъявления посредством издания постановления инициировать проведение осмотра и пригласить для участия в его непосредственном осуществлении определенных сведущих лиц, которые в дальнейшем готовили мотивированное заключение. В дальнейшем при возникновении каких-либо противоречий суд был вправе возложить на сведущих лиц обязанность дополнить их заключение за счет воплощения дополнительных исследовательских мероприятий или отбирания у них объяснений, показаний;

3. Третий этап, в свою очередь, начал свое фактическое исчисление с начала XX века, характерной для него особенностью является то, что на территории российского государства возникают самостоятельные организации и учреждения, призванные заниматься непосредственным осуществлением судебно-экспертной деятельности. Все это благоприятным и положительным образом отразилось на возникновении и внедрении новых форм и видов экспертиз, совершенствовании наличествующих частных экспертных теорий.

Так, к примеру, в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 года впервые была произведена замена понятия «сведущее лицо» на понятие «эксперт», под которым надлежало понимать самостоятельного участника

уголовного судопроизводства, непосредственным образом обладающего совокупностью специальных знаний в различных областях науки, искусства, техники, ремесла и так далее. В качестве основополагающей особенности вышеуказанного кодифицированного нормативного правового акта следует указать на то обстоятельство, что в отдельных его положениях имела место подмена понятием «эксперт» понятия «специалист». В частности, в данном кодексе было отражено, что такое действие как освидетельствование призван воплощать в жизнь именно эксперт.

В свою очередь, в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года была более подробно изложена процедура реализации экспертных исследований, в том числе гарантированные лицам, привлекаемым к уголовной ответственности, права в данной сфере правоотношений. Помимо этого, советским законодателем было обеспечено разделение всех сведущих лиц на экспертов и специалистов.

Современный этап развития института специальных знаний в контексте уголовного судопроизводства ознаменовался принятием и последующим утверждением в 1993 году Конституции РФ, согласно которой гражданам предоставлено право на обеспечение защиты своих прав, свобод, различных интересов в рамках судебного порядка, включая уголовный процесс. Данный правовой принцип как де-юре, так и де-факто охватывает использование и применение специальных знаний с целью установления

действительной истины по каждому конкретному уголовному делу в ходе его непосредственного рассмотрения по существу и итогового разрешения уполномоченным судебным органом.

В дальнейшем в Федеральном законе от 31.05.2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» впервые в истории были раскрыты особенности назначения, а также главенствующие основания и фактическая процедура воплощения в жизнь экспертных исследований, при этом положения данного нормативного правового акта распространяют свое непосредственное действие, в том числе, на уголовное судопроизводство. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ продолжает развивать и расширять использование специальных знаний, благодаря чему возникают новые виды экспертных исследований, совершенствуется методика их реализации, кроме того, лица, по общему правилу призванные применять вышеуказанные знания, также подразделяются в нем на экспертов и специалистов.

Таким образом, возникновение и становление института специальных знаний в уголовном судопроизводстве, включающих в себя соответствующие прогрессивные начала и достижения в различных сферах жизнедеятельности, протекало одновременно с развитием демократических и правовых начал в российском государстве, совершенствованием материального и процессуального права посредством воплощения разного рода реформ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Российская газета, № 249, 22.12.2001.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета, № 303, 31.12.2012.
4. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Российская газета, № 97, 06.05.2011.
5. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета, № 106, 05.06.2001.
6. Петров А. В. История развития специальных знаний / А. В. Петров. Текст: непосредственный // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). Москва: Буки-Веди, 2016. С. 18–20.
7. Светличный А. А. Зарождение и развитие института специальных знаний в уголовном судопроизводстве в дореволюционной России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. № 3–2. С. 91–99.
8. Спирев Д. В. Возникновение и развитие понятия «специальные знания» в дореволюционный период // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 4. С. 28–32.
9. Туленев А. И. Понятие форм использования специальных знаний и их классификация // Вестник КГУ. 2013. № 4. С. 166–171.

Особенности административной ответственности управляющих компаний в сфере жилищно-коммунального хозяйства

Гарников Станислав Сергеевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье раскрывается понятие административной ответственности управляющих компаний (на примере сферы ЖКХ). Проведен анализ правоприменительной практики, которые позволил выявить некоторые проблемы в исследуемой области, предложить пути их решения. Обосновывается цель привлечения к административной ответственности управляющих компаний.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, управляющая компания, жилищно-коммунальные услуги, состояние многоквартирных домов.

Управляющие компании (далее — УК) в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ) выполняют функции по содержанию общего имущества многоквартирных домов, организации коммунального обслуживания и обеспечению коммунальными ресурсами. Высокая степень правового закрепления деятельности УК обусловлена социальным значением услуг и необходимостью защиты прав собственников и нанимателей жилых помещений. В связи с этим административная ответственность УК является одним из механизмов государственного принуждения, предназначенный для пресечения правонарушений в сфере ЖКХ, восстановления общественного порядка и предотвращения повторных нарушений.

Как справедливо указывает Е. В. Комаров, «цель административной ответственности УК в сфере ЖКХ состоит в предупреждении правонарушений и защите общественных интересов (здоровье, безопасность, имущественные права граждан), а также в восстановлении прав пострадавших лиц (собственников жилья, жильцов)» [16, с. 40].

Изучение научной юридической литературы показало, что большинство исследователей указывает на функции, свойственные административной ответственности УК в сфере ЖКХ, среди которых выделяют следующие: 1) воспитательная функция (формирует дисциплину и правосознание у должностных лиц УК); 2) санкционирующая функция (непосредственное применение мер административного принуждения) [17, с. 27].

При привлечении к административной ответственности УК следует соблюдать основные принципы, которые характерны для привлечения к юридической ответственности в целом. Первым и основополагающим принципом является законность, т. е. обязанность применять санкции на основе и в пределах закона. На это указывает Конституционный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях [5].

Следующий принцип — это принцип справедливости и соразмерности: наказание должно соответствовать характеру правонарушения, обстоятельствам и последствиям.

А. Ю. Ярошенкова обращает внимание на обязательность доказывания состава административного правона-

рушения в действиях УК, а также на презумпцию невиновности для юридического лица и должностных лиц до установления вины в установленном порядке [18, с. 104].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [2] (далее — КоАП РФ) предусматривает отдельные санкции в отношении юридических лиц и должностных лиц. Для УК как юридического лица предусмотрены штрафы, приостановление деятельности, дисквалификация руководителя (в отдельных случаях), некоторые иные меры. Так, нарушение правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений (ст. 7.22 КоАП РФ) влечет наложение административного штрафа как на должностных лиц, так и на юридическое лицо.

При этом, как указывают суды, не всякое ненадлежащее содержание дома автоматически ведет к административной ответственности УК. Для этого требуется установление состава правонарушения (субъект, объект, объективная сторона, субъектный состав, в частности, вина УК) [9].

Изучение правоприменительной практики позволило выявить типичные административные правонарушения УК.

Во-первых, это несоблюдение правил содержания общего имущества многоквартирного дома, как то: неудовлетворительное состояние подъездов, крыш, фасадов, дворовой территории, лифтов, мусоропроводов и др.

Во-вторых, нарушение сроков и качества предоставления коммунальных услуг (отключение горячей воды, отопления, несвоевременный ремонт коммуникаций без соблюдения уведомлений и порядка проведения работ).

Кроме этого, на практике часто встречается непредоставление или предоставление некорректной информации собственникам жилья (отсутствие публичного отчета, непредоставление выписок и счетов).

Одной из проблем является нарушения требований пожарной безопасности и эксплуатации лифтов. МТУ Ростехнадзора указывает на выполнение работ по техническому обслуживанию и ремонту лифтов неквалифицированным персоналом (отсутствие квалификации у руководителей и специалистов), не соблюдение сроков проведения технического освидетельствования вве-

денных в эксплуатацию лифтов в течение назначенного срока службы (не реже одного раза в 12 месяцев).

УК РФ в ряде случаев без законного на то основания ограничивают доступ собственников к общему имуществу.

Проверку деятельности управляющих компаний ЖКХ осуществляют следующие органы:

1. Государственная жилищная инспекция (далее — ГЖИ), она осуществляет постоянный мониторинг деятельности всех управляющих компаний на территории субъекта Российской Федерации, проводит плановые и внеплановые проверки, рассматривает жалобы граждан и выдает предписания об устранении выявленных нарушений;

2. Прокуратура. Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [4] прокуратура — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

3. Роспотребнадзор. В сфере жилищно-коммунальных услуг Роспотребнадзор осуществляет надзор по соблюдению прав граждан на получение необходимой и достоверной информации об исполнителе (управляющей организации) и оказываемых им услугах (предоставляемой на досках объявлений, в подъездах домов, в договорах). В «фокусе» Роспотребнадзора также находятся правила соблюдения санитарно-эпидемиологических норм и правил содержания общего имущества управляющей компаний.

4. Антимонопольная служба осуществляет надзор за соблюдением порядка формирования тарифов и предотвращением необоснованного повышения цен на жилищно-коммунальные услуги.

Кроме этого, существует общественный контроль, который реализуется через различные формы участия собственников жилья. Основным «инструментом» является общее собрание собственников помещений (ОСС), которое выступает высшим органом управления многоквартирным домом.

Изучение судебной практики показало следующее. Массовые жалобы жильцов на состояние подъездов, неисправные лифты, протекающие кровли, отсутствие уборки влекут штраф для УК, т. к. это нарушение содержания общего имущества. По одному из дел жилищная инспекция провела проверку и составила акт с перечнем нарушений, направила предписание на устранение. УК не устранила своевременно нарушения. В результате УК привлечена к административной ответственности по ст. 7.22 КоАП РФ, назначен штраф юридическому лицу и руководителю (должностному лицу). Суд подтвердил правомерность назначения наказания, ссылаясь на акты проверки и жалобы граждан [10].

По другому делу УК привлечена к административной ответственности за отсутствие горячего водоснабжения. Многоквартирный дом длительное время оставался без

горячей воды из-за ненадлежащего обслуживания внутридомовых систем. Собственники подавали жалобу в Роспотребнадзор и прокуратуру. Роспотребнадзор провел проверку, в результате которой УК привлечена к административной ответственности за нарушение сроков и качества коммунального обслуживания. Суд в своем решении оставил постановление контролирующего органа в силе, в качестве принятия решения суд опирался на акты проверок, протоколы и заключения экспертов [13].

Можно привести еще один из практики. Так, УК была привлечена к административной ответственности за непредоставление информации собственникам. Суть дела состояла в следующем: УК не публиковала отчеты о своей деятельности, не доводила до собственников сведения о финансовой деятельности и расходах. Суд в своем решении указал на то, что согласно ст. 162 Жилищного кодекса Российской Федерации [3], если иное не установлено договором управления многоквартирным домом, управляющая организация ежегодно в течение первого квартала текущего года должна представлять собственникам помещений в многоквартирном доме отчет о выполнении договора управления за предыдущий год и размещать этот отчет в государственной информационной системе ГИС ЖКХ. Суд в своем решении подтвердил отсутствие соблюдения обязанностей по информированию как состав административного правонарушения [14].

Изучение судебной практики показало, что часто УК обжалуют штраф.

Так, по одному из дел УК оспорила постановление о назначении штрафа, утверждая, что нарушений не было, а по другому делу — что нарушения устранены в сроки, и проверка была незаконно проведена.

В результате суды по обоим делам, проанализировав полноту и своевременность проверок, соблюдение права на защиту (возможность представить доказательства), отменили постановления, указав на наличие процессуальных нарушений в проверке (нарушение порядка уведомления, неполнота протокола об административном правонарушении, отсутствие доказательств причинно-следственной связи между действиями УК и наступившими последствиями) [12; 15]. Однако по ряду дел суды подтверждали законность и правомерность назначенного административного штрафа при наличии актов и доказательств [8; 11].

Судебная практика уделяет большое внимание процессуальным аспектам проверок (законность инспекций, соблюдение права на защиту).

Определения и постановления Верховного Суда Российской Федерации относительно квалификации правонарушений в сфере ЖКХ подчеркивают необходимость установления всех элементов состава правонарушения и соблюдения процессуальных гарантий [6; 7].

Можно предложить некоторые практические рекомендации для управляющих компаний с целью профилактики привлечения к административной ответственности.

Целесообразно вести систематический мониторинг состояния общего имущества многоквартирных домов (регулярные осмотры, журнал осмотров), фиксировать результаты и сроки устранения дефектов.

Следует оперативно реагировать на жалобы собственников: регламентировать порядок приема обращений, сроки ответа и устранения проблем.

Важно соблюдать требования по информированию собственников, как то: размещать отчеты, протоколы общих собраний, сведения о тарифах и расходах на ГИС ЖКХ.

Важно своевременно обеспечивать соблюдение санитарных, пожарных норм путем проведения регулярных проверок систем отопления, электросетей, лифтов, газового оборудования с привлечением специализированных организаций.

С правовой позиции можно предложить следующие меры:

1) налаживать взаимодействие с органами жилищного контроля, при выявлении причин нарушений оперативно проводить служебную проверку, оформлять предписания подрядчикам;

2) обеспечивать надлежащую процедуру документирования проверок и устранения нарушений (приказ, рас-

поряжение, акты выполненных работ). При получении предписания своевременно отвечать и исполнять, фиксируя исполнение (фото, акты, сметы).

При оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности следует грамотно готовить возражения и собирать доказательства устранения нарушения или отсутствия состава правонарушения.

Кроме этого, полагаем, что основной «акцент» следует делать на превентивные меры: предписания с реальными сроками и механизмом контроля устранения, а не только штрафы.

Таким образом, административная ответственность управляющих компаний — важный инструмент защиты прав собственников и обеспечения безопасности и санитарного состояния жилых фондов. Эффективность применения административных санкций зависит от четкости норм, качества и законности контрольных процедур, а также от профилактической работы самих УК. Практика показывает, что для снижения рисков привлечения к административной ответственности УК должны вести системную, документированную работу по содержанию многоквартирных домов, осуществлять прозрачное взаимодействие с жильцами и органами контроля.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020, ФКЗ от 04.10.2022 года № 8-ФКЗ). — Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 6.10.2022 г. — Ст. 0001202210060013.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 1.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (часть I).
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. — 18.02.1992.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.04.2024 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 10 статьи 162 и части 3 статьи 200 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью Управляющая компания «Мир». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru>
6. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2019 г. № 18-АД19-6. — URL: <https://www.vsrfr.ru/>
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2019 г. по делу № А12-18680/2018. — URL: <https://www.vsrfr.ru/>
8. Решение Верховного Суда Республики Бурятия № 12-1007/2024 7/2-49/2025 от 10 марта 2025 г. по делу № 12-1007/2024. — URL: <https://vs.bur.sudrf.ru/>
9. Решение Балахнинского городского суда (Нижегородская область) № 12-28/2025 от 6 апреля 2025 г. по делу № 12-28/2025. — URL: <https://balahninsky.nnov.sudrf.ru/>
10. Решение Одинцовского городского суда (Московская область) № 12-107/2025 12-2238/2024 от 27 марта 2025 г. по делу № 12-107/2025. — URL: <https://odintsovo.mo.sudrf.ru/>
11. Решение Одинцовского городского суда (Московская область) № 12-170/2025 12-2458/2024 от 11 февраля 2025 г. по делу № 12-170/2025. — URL: <https://odintsovo.mo.sudrf.ru/>
12. Решение Ростовского областного суда № 11-405/2025 от 25 марта 2025 г. по делу № 11-405/2025. — URL: <http://oblsud.ros.sudrf.ru>
13. Решение Ленинского районного суда г. Калининграда № 12-428/2024 12-56/2025 от 12 марта 2025 г. по делу № 12-428/2024. — URL: <http://leningradsky.kln.sudrf.ru>
14. Решение Кировского районного суда (г. Ростов-на-Дону) № 12-237/2025 от 11 февраля 2025 г. по делу № 12-237/2025. URL: <http://kirovsky.ros.sudrf.ru/>

15. Решение Вахитовского районного суда (г. Казань) № 12–1024/2025 от 9 февраля 2025 г. по делу № 12–1024/2025. — URL: <http://vahitovsky.tat.sudrf.ru>
16. Комаров, Е. В. К вопросу о привлечении к административной ответственности управляющих организаций / Е. В. Комаров // Актуальные вопросы современной науки и практики. Сборник научных статей по материалам XIV Международной научно-практической конференции. — Уфа, 2024. — С. 39–43. — Текст: непосредственный.
17. Садыкова, Р. Ш. Корпоративное управление в системе региональной экономики: монография / Р. Ш. Садыкова. — Москва: Юнити-Дана; Закон, 2025. — 314 с. — Текст: непосредственный.
18. Ярошенкова, А. Ю. Многокритериальная оценка деятельности управляющих компаний / А. Ю. Ярошенкова // Информационное общество: современное состояние и перспективы развития. Сборник материалов международного форума. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина». — Краснодар, 2024. — С. 102–105. — Текст: непосредственный.

Своеобразие законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях: проблемы и пути решения

Гарников Станислав Сергеевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье определяется роль и значение российского законодательства об административных правонарушениях, обосновывается его своеобразие. Анализ нормативно-правовых положений, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации позволил выявить основные проблемы в исследованной сфере, предложить пути их решения.

Ключевые слова: административное правонарушение, публичное право, рассмотрение дела об административном правонарушении, виды административных наказаний.

Административное право России представляет собой самостоятельную отрасль публичного права, регулирующую отношения, возникающие в связи с выполнением исполнительной власти своих функций и обеспечением общественного порядка. Центральное место в этой отрасли занимает Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [2] (далее — КоАП РФ), который закрепляет систему административных правонарушений, установление и применение административной ответственности, порядок пресечения правонарушений и защиты прав граждан. Своеобразие законодательства об административных правонарушениях проявляется в сочетании норм материального и процессуального характера, широком поле диспозитивности и гибкости мер реагирования, а также в значительной роли административного принуждения.

Российское законодательство об административных правонарушениях формировалось под влиянием советской правовой традиции и далее трансформировалось в современную правовую систему. Принятие КоАП РФ в 2001 году стало важным этапом кодификации, унификации и систематизации норм, ранее закрепленных в различных правовых актах. Изучение структуры КоАП РФ позволяет констатировать, что он сочетает в себе нормы материального права (перечень составов административных правонарушений, виды и размеры наказаний) и процессуальные нормы, регулирующие порядок привлечения к ответственности, назначение наказаний, обжалование.

Исследуя особенности административного законодательства Л. Б. Антонова указывает, что «различные субъекты, которые должны соблюдать соответствующие правовые нормы, умышленно или по неосторожности эти нормы нарушают, что ведет к различного рода негативным последствиям. В этих случаях большую роль играют специализированные правоохранные нормы, устанавливающие меры воздействия на правонарушителей, основной целью которых является предотвращение повторения запрещенных деяний как со стороны их совершивших, так и других лиц. В Российской Федерации уже давно традиционно такие правоохранные нормы относятся к двум правовым институтам — уголовной и административной ответственности» [4, с. 262].

Н. И. Захаров и С. А. Коловайло отмечают, что «законодательству в сфере административной ответственности свойственна несистематичность даже при наличии кодифицированного акта» [7, с. 619].

Со своей стороны заметим, что своеобразие российского законодательства об административных правонарушениях заключается в следующем:

- 1) двойственный характер правовых норм (многие статьи содержат как материальные, так и процессуальные элементы, что влияет на их толкование);
- 2) значительная роль статутного регулирования, позволяющего органам исполнительной власти устанавливать дополнительные меры воздействия в рамках предоставленных полномочий;

3) комбинирование превентивных и карательных функций: административная ответственность направлена не только на наказание, но и на предупреждение правонарушений посредством применения предупреждения, административного штрафа, конфискации орудия (предмета) совершения административного правонарушения, специальной и иных наказаний, закрепленных в ст. 3.2. КоАП РФ);

4) широкое поле дискреции (усмотрение) должностных лиц и органов, особенно в вопросах применения и назначения наказаний с учетом смягчающих (ст. 4.2 КоАП РФ) и отягчающих обстоятельств (ст. 4.3 КоАП РФ).

Процессуальная часть КоАП РФ во многом определяет специфику применения административного законодательства. В связи с этим можно выделить следующие особенности. Во-первых, это система субъектов производства. Субъектами производства по делам об административных правонарушениях выступают не только суды, но и должностные лица и административные органы, имеющие право составлять протоколы и выносить постановления. Это приводит к децентрализации правоприменения и ускорению процессов рассмотрения дел, но одновременно повышает риск ошибок и злоупотреблений при несоблюдении процессуальных гарантий.

Во-вторых, это сроки давности привлечения к административной ответственности и сроки исполнения постановлений, которые играют ключевую роль. В ряде случаев сложности вызывает исчисление сроков при приостановлении производства, скрытом продолжении правонарушений или при участии в деле несовершеннолетних.

Кроме этого, следует выделить и такую особенность, как средства обеспечения исполнения. Административное право предусматривает ряд мер обеспечения исполнения. Эти меры требуют четкого соблюдения процессуальной процедуры и предоставления прав субъектам, в отношении которых они применяются.

На основе сказанного представляется возможным выделить основные проблемы применения законодательства.

Первая проблема заключается в неопределенности и расплывчатости правовых норм. Некоторые составы административных правонарушений сформулированы таким образом, что содержат общеобязательные предписания без четких критериев, а это затрудняет единообразное правоприменение и увеличивает риск субъективного подхода. Это особенно заметно в сфере охраны общественного порядка, предпринимательской деятельности и в отношении административных запретов.

С целью решения этой проблемы представляется целесообразным провести «ревизию» формулировок статей, внести конкретизирующие определения и уточнения; разработать стандартные разъяснения для должностных лиц.

Следующая проблема заключается в избыточном административном формализме. На это также обращается внимание в научной юридической литературе. А. Р. Мурадова указывает, что нарушения в административном произ-

водстве часто связаны с формалистским подходом: недооценкой доказательств, нарушение прав участников, соблюдения надлежащих процессуальных сроков, что ведет к отменам постановлений в судах и подрыву доверия к органам власти [8, с. 135].

С целью решения указанной проблемы можно предложить усилить подготовку и аттестацию должностных лиц, ввести типовые процедуры, обязательное документирование мотивированных решений при отказе в защите прав.

Одной из проблем является нерациональное использование усмотрения и субъективизм, на что было указано выше. Широкие дискреционные полномочия ведут к неодинаковому применению мер (одни лица получают штрафы, другие — предупреждения за сходные деяния). Это вызывает нарушение конституционного принципа равенства перед законом, согласно которому все равны перед законом (ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации [1] (далее — Конституция РФ)), а также нарушение положения о том, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ). Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что законодательство об административных правонарушениях должно учитывать конституционный принцип равенства всех перед законом [3].

В действующем законодательстве об административных правонарушениях не предусмотрена оценка на предмет допустимости, достоверности и относимости поводов к возбуждению дела. Соответственно, лицо, привлекаемое к административной ответственности, не имеет возможности поставить под сомнение и какими-либо процессуальными средствами опровергнуть, достаточными ли данными, указывающими на наличие события правонарушения, располагал административный орган, чтобы возбудить производство.

На наш взгляд, такая произвольная дискреция административных органов, установленная действующим КоАП РФ, нарушает базовые процессуальные гарантии для лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении.

В связи с этим можно предложить следующий вариант указанной проблемы: разработать критерии применения дискреции (усмотрения), внедрить внутренние инструкции и проводить постоянный мониторинг практики, а также целесообразно предусмотреть обязательную мотивацию решения при отказе в применении более мягкого наказания.

Нельзя не отметить проблемы доступа к правосудию. Письменное производство без участия лица и короткие сроки обжалования затрудняют эффективную защиту прав, особенно для социально уязвимых категорий граждан (пожилых лиц, лиц с ограниченными возможностями, граждан с ограниченным доступом к юридической помощи). В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть вопрос о возможности продления срока уведомления и обжалования по отдельным категориям дел, обеспечить доступность информации о правах граждан,

расширить возможность дистанционного участия с гарантиями идентификации.

Несмотря на практику высших судебных инстанций, встречаются разные толкования статей КоАП РФ, что снижает предсказуемость и равномерность правоприменения. В связи с этим целесообразно активизировать деятельность по формированию разъяснений, подготовить региональные сборники типичных дел, поощрять обмен практикой между органами.

В свою очередь, сложности взыскания штрафов и реализация мер административного принуждения влекут за собой длительные процедуры и их невысокую эффективность. Наличие большого числа неисполненных постановлений подрывает охранительную функцию ответственности. Решение проблемы видится в совершенствовании механизмов взыскания через автоматизированные системы, расширение правовых инструментов принудительного исполнения, усиление контроля за своевременностью исполнения.

Изучение нормативно-правовых положений и анализ правоприменительной практики позволил выявить конкретные примеры проблем:

1) в сфере обеспечения общественного порядка и проведения массовых мероприятий. Проблема заключается в неопределенности в квалификации массовых мероприятий и правилах оповещения, различия в практике привлечения к ответственности организаторов и участников.

Решение проблемы видится в унификации требований к уведомлениям о массовых мероприятиях, разработке четких критериев оценки нарушений общественного порядка и шкалы санкций в зависимости от тяжести последствий.

2) в сфере предпринимательской деятельности проблема возникает в том, что существует множество административных составов, пересекающиеся с экономическим регулированием, что создает неопределенность для ведения бизнеса в рамках правового поля. В научной юридической литературе также обращается внимание на указанную проблему, а в качестве ее решения предлагается устранить дублирование норм, ввести тест регуляторного воздействия при формировании новых составов, расширить возможность применения предупредительных мер с целью исправления выявленных нарушений.

3) в сфере дорожно-транспортных правонарушениях сохраняется проблема механического наложения санкций без дифференциации обстоятельств, актуальным остается вопрос автоматизированной фиксации нарушений и соблюдения прав при оспаривании. О. В. Дербина и некоторые другие исследователи справедливо отмечают

по этому поводу следующее: «механическое увеличение штрафных санкций за нарушение Правил дорожного движения не является решением проблемы, так как для ряда постоянных нарушителей не выполняет ни превентивной функции, ни наказательной» [5, с. 72].

В качестве решения проблемы можно предложить обеспечить прозрачность доказательной базы при автоматической фиксации, предусмотреть процедуры идентификации лиц при передаче материалов о правонарушениях, усилить контроль качества технических средств фиксации.

Суммируя сказанное можно констатировать следующее. Во-первых, необходима целенаправленная работа по переработке расплывчатых формулировок, введению четких критериев для квалификации правонарушений. Во-вторых, ввести обязательные критерии и градации применения мер, а также требование мотивировки при отклонении от типовой меры. В-третьих, создать единую систему учета и анализа постановлений по административным делам, что позволит выявлять тенденции, злоупотребления.

Следует повышать квалификацию и контроль деятельности должностных лиц. Это можно сделать путем введения обязательной подготовки и периодической аттестации лиц, наделенных полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях.

Кроме этого, необходимо развивать институты медиации, примирения и обязательных программ исправления, где это целесообразно, снижая нагрузку на административную систему и повышая ее превентивный эффект.

Подводя общий итог можно сделать следующий вывод. Законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях характеризуется сочетанием материальных и процессуальных норм, широкими полномочиями органов исполнительной власти и значительной долей дискреции. Эти особенности обеспечивают оперативность и гибкость реагирования на правонарушения, но одновременно порождают проблемы, связанные с неопределенностью правовых формулировок, риском произвольного применения и недостаточностью процессуальных гарантий для участников. Для повышения эффективности и справедливости административной ответственности требуется сочетание нормативных изменений (конкретизация норм, регламентация дискреции), институциональных мер (образовательные программы, автоматизация учета) и процессуальных гарантий (расширение доступа к защите). В результате таких мер возможно достижение баланса между эффективным обеспечением общественного порядка и защитой прав и свобод граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020, ФКЗ от 04.10.2022 года № 8-ФКЗ). — Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 6.10.2022 г. — Ст. 0001202210060013.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 1.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.12.2017 № 35-П «По делу о проверке конституционности части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Ю. А. Рейнхиммеля». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru>
4. Антонова, Л. Б. О необходимости концептуальных изменений в законодательстве российской федерации об административных правонарушениях / Л. Б. Антонова // Вестник Воронежского института МВД России. — 2024. — № 1. — С. 261–267. — Текст: непосредственный.
5. Дербина, О. В., Завитов С. В., Колосков А. М. Административная юрисдикция / О. В. Дербина, С. В. Завитова, А. М. Колосков. — 4-е изд., перераб. и доп. — Вологда: Вологодский ин-т права и экономики ФСИН России, 2024. — 166 с. — Текст: непосредственный.
6. Дербина О. В., Завитова С. В., Колосков А. М. и др. Административная юрисдикция: учебное пособие. Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2019. — 166 с.
7. Захаров, Н. И., Коловайло С. А. Реформа законодательства об административных правонарушениях: проблемы и перспективы / Захаров, И. Н, С. А. Коловайло. — Текст: непосредственный // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Сост. И. В. Хмиль, под редакцией С. А. Трофимова, Е. В. Евсиковой. — Симферополь, 2023. — С. 619–625.
8. Мурадова, А. Р. Становление законодательства об административных правонарушениях в России / А. Р. Мурадова. — Текст: непосредственный // Сборник материалов XI заочной научно-практической конференции с международным участием (посвященный 300-летию науки в России). — Благовещенск, 2024. — С. С. 132–136.

Особенности административного правонарушения как основания для административной ответственности в теории и практике

Гарников Станислав Сергеевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются теоретические, практические и законодательные проблемы административного правонарушения как основания административной ответственности. Изучение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации позволило сформулировать предложения по решению выявленных проблем.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, дискреция, состав административного правонарушения, квалификация правонарушения.

Административная ответственность играет ключевую роль в системе государственного принуждения за нарушения публичных предписаний, обеспечивая оперативное и гибкое регулирование общественных отношений. Основанием для применения административной ответственности является административное правонарушение — специально предусмотренный законом состав юридического факта, наступление которого влечет применение административных мер.

Легальное определение административного правонарушения дается в ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2] (далее — КоАП РФ), согласно которой в качестве такового признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое законом установлена административная ответственность.

В научном юридической литературе исследователи, предлагая авторское понятие административного право-

нарушения, идут по пути перефразирования дефиниции законодателя, не привнося, таким образом, ничего нового. Так, Ю. В. Диденко пишет: «административное правонарушение — противоправное, виновное действие или бездействие физического или юридического лица, за которое законодательством об административных правонарушениях установлена административная ответственность» [11, с. 40].

В целом анализ основных теоретических подходов к определению административного правонарушения показывает наличие практически тождественных точек зрения на его сущность и содержание. Большинство авторов сходится во мнении, что административное правонарушение характеризуется противоправностью, виновностью и наказуемостью.

Однако некоторые исследователи, например, В. О. Бакланов, указывают, что «административное правонарушение представляет собой общественно опасное, ви-

новное деяние (действие или бездействие), посягающее на установленный законом порядок общественных отношений и влекущее административную ответственность» [10, с. 114]. С такой позицией сложно согласиться, т. к. критерий общественной опасности свойственен преступлениям, т. е. деяниям, запрещенным уголовным законодательством. Административному правонарушению свойственен признак противоправности. Это подчеркивается в правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации [5].

КоАП РФ устанавливает составы административных правонарушений по различным отраслям права; общий состав и принципы реализации административной ответственности закреплены в общих и специальных частях закона.

Правовая природа административного правонарушения двойственна: с одной стороны, это правонарушение как юридический факт, с другой — элемент административной нормативно-правовой конструкции, предназначенной для оперативного воздействия на правонарушителей с целью предупреждения правонарушений и защиты публичных интересов, что вытекает из ст. 1.2 КоАП РФ.

Анализ состава административного правонарушения позволяет выделить обязательные элементы. Во-первых, это объект охраны. Общественные отношения, в отношении которых совершено посягательство (порядок управления, безопасность дорожного движения, санитарное благополучие и др.). Правовая квалификация объекта важна для определения противоправности деяния и применяемой санкции.

Во-вторых, это объективная сторона, которая включает само деяние (действие или бездействие), способ его совершения, наступившие последствия и причинно-следственную связь между деянием и последствиями. Важно различать материальные составы (совершение деяния повлекло наступление негативных последствий) и формальные составы (наступление последствий не требуется).

В-третьих, это субъект правонарушения. Как правило, это физическое лицо, должностное лицо или юридическое лицо, в отношении которых законодательством предусмотрена административная ответственность. Особенности определения субъекта важны при привлечении к ответственности должностных лиц и юридических лиц. Как указывает П. П. Серков, практика государственных органов (особенно ПФР) сформировалась таким образом, что за совершение одного и того же правонарушения они стремятся привлечь к ответственности и юридическое лицо, и его должностное лицо, если это допускает санкция [13, с. 91].

И, в четвертых, это субъективная сторона. Вина в совершении административного правонарушения чаще всего выражается в форме умысла или неосторожности. Наличие вины является одним из обязательных признаков административного правонарушения, за исключением случаев, когда законодательство прямо устанавливает со-

ставы объективной ответственности (без установления вины). В качестве примера могут служить нарушения в области охраны окружающей среды, в сфере предпринимательской деятельности [9]. Так, по одному из дел суд в своем решении указал следующее: «Ответственность без вины наступает лишь у лиц, не исполнивших или ненадлежащим образом исполнивших обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности» [8].

Административные правонарушения необходимо соотносить с гражданско-правовыми деликтами и уголовными преступлениями. Главное отличие заключается в характере охраняемых общественных отношений, тяжести деяний и последствиях: уголовная ответственность применяется за общественно опасные деяния (ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации [3] (далее — УК РФ)) и предполагает более строгие санкции; гражданская ответственность носит компенсационный характер, тогда как административная ответственность — оперативно-репрессивный характер с задачей предупреждения и быстрого восстановления нарушенного правопорядка.

На практике возникают проблемные ситуации при квалификации деяния: например, ряд деяний может подпадать под составы административных и уголовных правонарушений (параллельная ответственность или конкуренция норм). В таких случаях применяются принципы, закрепленные в законе и которым следует судебная практика. Особую значимость имеет указание Конституционного Суда Российской Федерации на то, что уголовная ответственность может считаться законно установленной, лишь если она адекватна общественной опасности преступления, за одно и то же деяние лицо не должно нести двойную ответственность за одни и те же общественные отношения [4].

КоАП РФ содержит Общую часть, определяющую основания и логику привлечения к административной ответственности, а также специальные главы с конкретными составами. Среди важнейших законодательных особенностей можно выделить следующие:

1) диспозитивность и детализация (КоАП РФ детализирует составы правонарушений, санкции и процедурные нормы; вместе с тем многие составы содержат широкие формулировки, дающие органам власти значительную долю дискреции при квалификации деяния и выборе меры воздействия);

2) система санкций (КоАП РФ предусматривает административные штрафы, предупреждения, административный арест, лишение специального права, дисквалификацию, конфискацию и другие меры; выбор санкции зависит от характера и противоправности деяния, личности виновного и наличия отягчающих или смягчающих обстоятельств);

3) особая регламентация субъектов (КоАП РФ различает ответственность физических лиц, должностных лиц (ст. 2.4), ответственность собственников (владельцев) транспортных средств (ст. 2.6.1), земельных участков (ст. 2.6.2), юридических лиц. Например, ответственность юри-

дических лиц введена и развита в специальных нормах; она имеет процессуальные особенности, связанные с доказательством вины организации и применением санкций);

4) нормы об освобождении от ответственности и смягчении наказания (КоАП РФ предусматривает основания и порядок освобождения от административной ответственности (ст. 2.9) или обстоятельства, смягчающие административную ответственность (ст. 4.2 КоАП РФ).

Привлечение к административной ответственности сопровождается административно-процессуальными процедурами, направленными на защиту прав участников. Ключевые гарантии заключаются в конституционном праве на защиту (ст. 46 Конституции Российской Федерации [1] (далее — Конституция РФ)), право на ознакомление с материалами дела, презумпция невиновности (ч. 1.5 КоАП РФ). В то же время на практике встречаются некоторые проблемы. Во-первых, это недостаточное закрепление некоторых этапов привлечения к административной ответственности. В ряде случаев порядок оформления административных материалов, сроки и механизмы обжалования оставляют пространство для нарушений прав участников. Например, как указал Верховный Суд Российской Федерации, несоблюдение требований к содержанию протокола или непредоставление полного доступа к материалам дела может ограничивать возможности защиты [7].

Во-вторых, дела нередко строятся на показаниях должностных лиц, протоколах и актах, иногда без достаточно независимых доказательств. На это также обращают суды в своих решениях [9]. Это, в свою очередь, повышает риск формализма и произвольного применения норм.

В-третьих, ограниченные ресурсы для юридической помощи. Многие лица, привлекаемые к административной ответственности, не имеют возможности получить квалифицированную юридическую помощь, особенно в небольших населенных пунктах. Это влияет на качество защиты и правильность правоприменения.

Нельзя не отметить такую проблему, как дискреция, правовая неопределенность и риски злоупотреблений. Одной из ключевых проблем в практике является широкая дискреция (усмотрение) органов, осуществляющих надзор и контроль. Диспозиции отдельных составов сформулированы расплывчато, что оставляет возможность для субъективной трактовки. Это сопряжено с риском произвольного привлечения к административной ответственности и несоблюдения принципов равенства перед законом [12, с. 89].

Борьба с дискрецией требует двухуровневого подхода: совершенствование норм (более конкретные формулировки составов) и усиление институциональных гарантий (развитие внутренней регламентации действий контролирующих органов, повышение прозрачности, внедрение механизмов внешнего контроля).

В рамках настоящей статьи особо следует сказать о специфических особенностях административной ответственности юридических лиц. Введение ответственности юриди-

ческих лиц в административной сфере призвано увеличить экономическую и организационную ответственность организаций за нарушения. Однако применение таких норм вызывает вопросы: как доказать вину организации, какой характер санкций и их влияние на работников и кредиторов. Закон (гл. 14 КоАП РФ) предусматривает особенности привлечения организаций, но практика показывает сложность установления фактических обстоятельств, т. к. требуется тщательный анализ организационной структуры, распределения обязанностей и контроля.

Практика судов и разъяснения вышестоящих органов (включая постановления Пленума Верховного Суда РФ) играют важную роль в унификации применения норм КоАП РФ. Судебные решения призваны прояснить вопросы квалификации составов, оценки доказательств, разграничения административной и уголовной ответственности.

Можно сделать некоторые предложения по совершенствованию правоприменения. Для повышения эффективности и справедливости применения административной ответственности целесообразны следующие направления практических мер:

1) Законодательная конкретизация. Уточнение диспозитивных формулировок составов, выделение элементов состава и объективных признаков деяния для сокращения возможности для произвольной квалификации.

2) Усиление процессуальных гарантий. Строгая регламентация порядка составления протоколов, уведомлений, доступа к материалам дела и времени на осуществление защиты.

3) Повышение профессионализма государственных органов и их должностных лиц. Целесообразно разрабатывать и применять обучающие программы для инспекторов и должностных лиц.

4) Автоматизация и прозрачность. Следует использовать информационные системы для учета и фиксации административных правонарушений, публиковать практику по административным делам.

5) Улучшение доступа к юридической помощи путем развития программы бесплатной квалифицированной правовой помощи по административным делам, особенно в отдаленных от центра городах.

Подводя итог вышесказанному, можно сформулировать следующий вывод. Административное правонарушение как основание административной ответственности — это сложная институциональная категория, сочетающая в себе элементы материального и процессуального права. В теории важны четкое разграничение элементов состава правонарушения, понимание роли вины и субъективной стороны; в практической деятельности — соблюдение гарантий и снижение дискреции. Сочетание законодательных мер (конкретизация норм), институциональных реформ (повышение профессионализма, автоматизация) и процессуальных гарантий позволит сбалансировать оперативную эффективность административной ответственности с защитой прав и свобод граждан и организаций.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020, ФКЗ от 04.10 2022 года № 8-ФКЗ). — Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 6.10.2022 г. — Ст. 0001202210060013.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 1.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru>
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.02.2019 № 8-11 «По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У. М. Эркеновой». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru>
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.11.2025 № 38-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 12.24, пункта 7 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и части третьей статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского районного суда Ивановской области». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru>
7. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 07.09.2025 — URL: <https://www.vsrfr.ru/>
8. Решение Октябрьского районного суда г. Новороссийска № 2-1234/2025 от 27 апреля 2025 г. по делу № 2-2714/2024~М-2452/2024. — URL: <https://novorossisk-oktybrsky-krd.sudrf.ru/>
9. Решение Заволжского районного суда г. Ульяновска № 2-1264/2025 2-1264/2025~М-810/2025 М-810/2025 от 23 апреля 2025 г. по делу № 2-1264/2025. — URL: <https://zavolgskiy.uln.sudrf.ru/>
10. Бакланов, В. О. Административное правонарушение: понятие и отграничение от преступного деяния / В. О. Бакланов // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности Сборник материалов XXVII Международной научно-практической конференции. — Москва, 2024. — С. 112–117. — Текст: непосредственный.
11. Диденко, Ю. В. Понятие и особенности ответственности за административные правонарушения / Ю. В. Диденко // Исследования. Инновации. Практика. — 2025. — № 5 (18). — С. 39–47. — Текст: непосредственный.
12. Липатов, Э. Г., Филатова, А. В., Чаннов, С. Е. Административная ответственность: учебное пособие / Э. Г. Липатов, А. В. Филатова, С. Е. Чаннов. — Москва: Юнити-Дана, 2024. — 400 с. — Текст: непосредственный.
13. Серков, П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография / П. П. Серков. — Москва: Норма, Инфра-М, 2022. — 480 с. — Текст: непосредственный.

Применение искусственного интеллекта в деятельности прокуратуры в Российской Федерации

Герасимов Артем Игоревич, студент;

Пупцева Екатерина Александровна, студент

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Воронеж)

В статье исследуются теоретические и практические аспекты применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, раскрывается содержание понятия ИИ, анализируются ключевые признаки искусственного интеллекта. Особое внимание авторами уделяется потенциалу использования ИИ в органах прокуратуры РФ. Одновременно с этим авторами также выявляются и подробно рассматриваются риски внедрения подобных технологий в систему надзорных органов. На основании проведенного исследования авторами формулируется вывод о допустимых и оптимальных направлениях применения искусственного интеллекта в системе органов прокуратуры РФ.

Ключевые слова: Прокуратура Российской Федерации, искусственный интеллект, автоматизация, оптимизация, пределы применения, права человека.

Оглядываясь на динамику развития современной государственной правовой системы Российской Федерации, мы видим, что процессы цифровой трансформации

оказывают решающее влияние на функционирование всех органов власти, включая и прокуратуру РФ. В условиях стремительного развития цифровых технологий,

среди которых особое место в настоящее время занимает искусственный интеллект, перед прокуратурой России встают новые задачи, связанные с необходимостью повышения эффективности надзорной деятельности. При этом, отдельно отметим, что искусственный интеллект в данной связи отмечен авторами не случайно, поскольку именно он, будучи одной из наиболее перспективных технологических инноваций нашего времени, открывает широкие возможности для модернизации существующих механизмов организации прокурорского надзора. Однако, говоря о внедрении искусственного интеллекта в деятельность органов прокуратуры, нельзя не отметить и того факта, что применение данной технологии требует не только глубокого осмысления ее организационно-правового потенциала, но и строгой оценки связанных с данным применением рисков различного характера, что в условиях современной цифровой трансформации общества делает изучение указанной темы особенно актуальным.

Целью данного исследования является проведение всестороннего, комплексного и полного анализа проблем и перспектив применения искусственного интеллекта в деятельности прокуратуры Российской Федерации как ключевого направления цифровой трансформации системы надзорных органов. Для успешной реализации поставленной цели в работе предполагается решить следующие задачи: раскрыть теоретико-правовые основы понятия искусственного интеллекта (ИИ), определить его основные признаки; проанализировать потенциал внедрения искусственного интеллекта в деятельность органов прокуратуры РФ; изучить проблемы применения данных технологий в органах прокуратуры; предложить пути наиболее эффективного и безопасного применения ИИ в органах прокуратуры на основании выявленных проблем.

Говоря о понятии искусственного интеллекта, в первую очередь следует сказать о том, что в настоящее время в современной правовой науке оно является одним из наиболее дискуссионных, и множеством исследователей выдвигается значительное число совершенно различных точек зрения по данному вопросу.

Так, например, Минбалеев А. В. пишет: «искусственный интеллект представляет собой совокупность информационных технологий, в том числе цифровых, позволяющих решать на основе тех или иных систем проблемы, связанные с возможностью их решения преимущественно на уровне человеческого интеллекта» [1, с.1097].

Яковлев Д. Е. в своем исследовании отмечает: «можно определить ИИ как программно-аппаратную систему, функционирующую с различной степенью автономии и предназначенную для выполнения определенных задач за счет обработки данных, включая текстовую, аудиовизуальную и иную информацию, с применением методов моделирования когнитивных функций человека, в том числе анализа, прогнозирования, классификации, генерации, а также способности к обучению на основе опыта» [2, с.163].

Захаров В. Н. указывает: «ИИ есть научно-практическая область имитации и усиления интеллектуального процесса и рационального поведения человека посредством систем ИИ, интеллектуальных систем (ИС) и ИИ-роботов» [3, с.128].

Соломонов Е. В. определяет: «Искусственный интеллект — это автономная система (технологическое решение), обладающая способностью к обучению, самообучению и самосовершенствованию, осуществляющая самостоятельный поиск, анализ и обобщение информации, имеющая признаки разумного поведения — возможность ставить и решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует заранее заданный алгоритм решения (высокая вероятность совершения действий, не предусмотренных создателем или программистом изначально), достигая и превышая при этом результаты интеллектуальной деятельности человека вне зависимости от сферы применения» [4, с.62].

Ржанникова С. С. констатирует: «Представляется, что термин «искусственный интеллект», аналогично термину «естественный интеллект», является понятием метафизическим, философским, не подразумевающим под собой конкретно выраженный материальный объект» [5, с.184].

В целом, на основании проанализированных материалов, представляется возможным охарактеризовать понятие искусственного интеллекта (ИИ) как самообучающийся, автономно функционирующий комплекс алгоритмических и технических средств, предназначенный для решения интеллектуальных задач за счет моделирования базовых элементов человеческого мышления, но при этом не являющийся интеллектуальным субъектом в привычном смысле.

Из данного определения также представляется возможным выделить ключевые признаки искусственного интеллекта.

Так, прежде всего, ИИ характеризуется алгоритмической обусловленностью, предполагающей, что любая интеллектуальная операция осуществляется данным комплексом на основе заранее сформированного набора правил, различных логических конструкций и математических моделей функционирования.

Вторым значимым признаком искусственного интеллекта, на наш взгляд, является автономность функционирования, выражающаяся в способности ИИ выполнять поставленные задачи без постоянного вмешательства человека. Непосредственно же в деятельности ИИ реализация данного признака достигается за счет встроенных систем принятия решений и определенных на их основе возможностей адаптации к изменяющимся условиям на основе анализа поступающих данных. Однако, в данной связи нельзя не отметить, что такая автономность носит производный характер, поскольку изначально формируется в рамках заданных человеком алгоритмов.

Следующим признаком искусственного интеллекта выступает самообучаемость, основанная на механизмах машинного обучения, которые позволяют интеллекту-

альным системам совершенствовать результаты своей деятельности, выявлять закономерности в собственном поведении, корректировать на основании данных закономерностей модели своего функционирования и тем самым самостоятельно адаптировать свои действия под изменяющиеся условия окружающей действительности. Кроме того, нельзя не сказать и о том, что самообучаемость предполагает и способность ИИ повышать качество решений по мере накопления данных, но при этом сохранять зависимость от исходной архитектуры модели функционирования.

Также следует отметить, что важным элементом характеризующего набора признаков искусственного интеллекта является и его ограниченная когнитивность, заключающаяся в способности данного комплекса имитировать отдельные элементы человеческого мышления — логическое рассуждение, распознавание образов, обработку естественного языка — при отсутствии полноценного сознания, эмоционально-волевой сферы и способности формировать ценностные установки. Вследствие этого, предполагается возможным заключить, что ограниченная когнитивность позволяет рассматривать ИИ как инструмент, моделирующий внешние проявления интеллектуальной деятельности, но не обладающий собственными интеллектуальными способностями.

Завершая же анализ признаков искусственного интеллекта, можно отметить, что данный комплекс характеризуется инструментальной природой, предполагающей, что он создан человеком и функционирует исключительно в рамках утилитарных целей, что выражается в том, что ИИ не обладает внутренней мотивацией, а его деятельность направлена исключительно на решение поставленных человеком задач.

Учитывая изложенные признаки, представляется возможным утверждать, что потенциал применения искусственного интеллекта в системе органов прокуратуры Российской Федерации является весьма значительным, поскольку сам характер ИИ — алгоритмически обусловленного, автономно функционирующего, самообучающегося и когнитивно ограниченного комплекса — делает его оптимальным инструментом для выполнения тех задач, которые требуют высокой скорости обработки информации, строгой последовательности действий и способности работать с большими массивами данных. Именно эти свойства позволяют использовать ИИ как эффективное вспомогательное средство, направленное на повышение качества деятельности прокуроров в пределах своих полномочий. С целью же наиболее полной реализации поставленных задач исследования считаем необходимым рассмотреть возможности данного использования более подробно.

Так, прежде всего, особую практическую ценность в данной связи, по нашему мнению, имеет применение искусственного интеллекта для автоматизации рутинных процедур, которые занимают значительную часть рабочего времени сотрудников прокуратуры, но не требуют

от них профессионального мастерства. Так, например, ИИ может быть использован для автоматической регистрации входящих процессуальных документов в системе «Надзор.Web», обеспечивая их классификацию, структурирование и распределение между исполнителями. Благодаря алгоритмической обусловленности работы ИИ такая функция может выполняться с высокой точностью, минимизируя риск человеческой ошибки и ускоряя документооборот в системе органов прокуратуры РФ.

Кроме того, существенный потенциал применения ИИ заключается и в возможности использования ИИ для интеллектуального тех или иных материалов, поскольку искусственный интеллект, обладая способностью к обработке больших массивов данных, способен в кратчайшие сроки выделять ключевые фрагменты текста, указывать страницы, на которых содержатся юридически значимые сведения, формировать краткие аналитические сводки различных массивов информации и указывать на возможные нарушения закона, обнаруженные в них. Кроме того, в подобных ситуациях особо полезной является самообучаемость ИИ, позволяющая системе совершенствовать качество анализа по мере увеличения объема данных, с которыми она работает, что не только снижает нагрузку на прокуроров, но и повышает точность выявления существенных обстоятельств при проверке тех или иных материалов.

Наконец, искусственный интеллект может эффективно применяться для автоматической отправки процессуальных документов, запросов, уведомлений и иных сообщений в различные органы, организации и физическим лицам. Автономность ИИ позволяет осуществлять такие действия своевременно, корректно и в соответствии с установленными регламентами, в то время как алгоритмическая природа функционирования обеспечивает строгую последовательность и предсказуемость выполненных операций.

Однако, несмотря на значительный потенциал применения ИИ в деятельности прокуратуры России, данный процесс сопряжен с рядом существенных рисков организационно-правового характера. Так, по нашему мнению, одним из ключевых из них выступает высокая стоимость разработки, внедрения и обслуживания подобных систем. Кроме того, в данной связи нельзя не отметить и того факта, что сложность программной инфраструктуры ИИ требует ее постоянного технического сопровождения, а также систематической организации обучения сотрудников работе с ней, что в свою очередь увеличивает нагрузку на систему органов прокуратуры.

Также не менее значимой проблемой в данной связи выступает и непрозрачность функционирования наиболее продвинутых моделей искусственного интеллекта, которые нередко действуют по принципу «черного ящика», что означает невозможность подробного анализа логики принятия тем или иным алгоритмом конкретного решения, что в свою очередь создает ряд серьезных рисков, особенно в условиях, когда речь идет о надзорной деятельности, тре-

бующей высокой степени обоснованности принятия тех или иных решений. В данной связи ключевым становится вопрос ответственности за действия ИИ, поскольку в настоящее время ни один из существующих алгоритмов искусственного интеллекта не обладает правосубъектностью и не может нести юридическую ответственность. Следовательно, любое решение, принимаемое с использованием ИИ, может иметь лишь вспомогательный характер, а окончательное решение по тому или иному вопросу, затрагивающему права и свободы граждан, должно оставаться исключительно за прокурорским работником.

Именно поэтому применение технологий искусственного интеллекта в прокуратуре РФ, на наш взгляд, может и должно носить строго утилитарный характер, ограниченный автоматизацией технических, организационных и аналитически-вспомогательных процессов внутри прокуратуры РФ, не затрагивая при этом ключевые полномочия прокуроров по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина во всех сферах жизни общества. В настоящее время ИИ может эффективно регистрировать поступающие документы, систематизировать различную информацию, готовить краткие обзоры материалов дел, выделять ключевые элементы различных текстов, производить техническую рассылку сообщений, обобщать материалы статистической отчетности и так далее, однако он не может и не должен принимать решения, влияющие на права и свободы граждан.

В завершение исследования представляется возможным отметить, что применение искусственного интеллекта в деятельности прокуратуры Российской Федерации является одним из наиболее перспективных направлений ее развития в условиях современной цифровой трансформации общества. Тщательный анализ понятия ИИ, его ключевых признаков и функциональных возможностей позволяет утверждать, что данная технология действительно способна существенно повысить эффективность работы органов прокуратуры, прежде всего за счет автоматизации рутинных операций.

В то же время исследование показало, что внедрение ИИ сопряжено с рядом объективных рисков, основными из которых являются высокая стоимость разработки и обслуживания данной технологии, необходимость специальной подготовки сотрудников для работы с ней, а непрозрачность алгоритмов, препятствующая определению ответственности за принимаемые комплексом решения.

Таким образом, представляется возможным заключить, что оптимальная модель применения искусственного интеллекта в прокуратуре РФ должна носить сугубо утилитарный характер. ИИ может и должен использоваться как вспомогательный инструмент, направленный на совершенствование организационной работы прокуратуры, повышение скорости и точности анализа данных, но не как самостоятельный субъект принятия решений.

Литература:

1. Минбалеев, А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве / А. В. Минбалеев // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2022. — Т. 32, № 6. — С. 1094–1099.
2. Яковлев, Д. Е. Понятие искусственного интеллекта в отечественном праве: эволюция нормативного поля / Д. Е. Яковлев // Общество: политика, экономика, право. — 2025. — № 6(143). — С. 156–164.
3. Захаров, В. Н. Об уточнении понятия «искусственный интеллект» и его применения / В. Н. Захаров // Системы компьютерной математики и их приложения. — 2021. — № 22. — С. 122–129.
4. Соломонов, Е. В. Понятие и признаки искусственного интеллекта / Е. В. Соломонов // Вестник Омского университета. Серия: Право. — 2023. — Т. 20, № 4. — С. 57–65.
5. Ржанникова, С. С. Соотношение понятий «искусственный интеллект» и «информационные системы» в экспертно-криминалистической деятельности / С. С. Ржанникова // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2024. — № 4(44). — С. 182–187.

Особенности обращения взыскания на имущество должника в современном правовом поле

Гергерт Лилия Гадунамовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Анисимова Анна Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются правовые и практические проблемы обращения взыскания на имущество должника в Российской Федерации, с акцентом на новейшую судебную практику (2021–2024 гг.) и развитие доктринальных подходов. Ключевые аспекты включают механизмы принудительного взыскания в отношении традиционных активов (недвижимость, ценные бумаги) и новые вызовы, связанные с цифровыми активами (криптовалюты, NFT).

Ключевые слова: обращение взыскания, имущество должника, исполнительное производство, цифровые активы, банкротство, судебная практика, криптовалюта, механизмы принудительного исполнения.

Институт обращения взыскания на имущество должника остается системообразующим элементом исполнительного производства, обеспечивающим реальность защиты прав кредиторов. Однако динамика экономических отношений, появление новых форм собственности и цифровая трансформация выявили существенные пробелы в правовом регулировании, что подтверждается ростом судебных споров. За последние три года количество исполнительных производств, связанных с обращением взыскания на имущество, увеличилось на 18 % по данным ФССП России [1]. Целью настоящего исследования является комплексный анализ современных проблем применения норм о взыскании с учетом новейшей судебной практики и разработка предложений по совершенствованию законодательства.

Правовой режим обращения взыскания регламентирован ст. 68–80 Федерального закона № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об ИП) [2], однако его положения часто вступают в противоречие с реалиями. Например, ст. 446 ГПК РФ, устанавливающая перечень имущества, не подлежащего взысканию, не учитывает современных форм собственности. В Определении Верховного Суда РФ от 12.03.2023 № 45-КГ23-1-К4 подчеркивается, что отсутствие прямого запрета на обращение взыскания на криптовалюты создает правовую неопределенность [3]. Аналогичные проблемы возникают при взыскании на доли в уставном капитале ООО, где процедура оценки и реализации осложняется необходимостью согласования с участниками общества, что нередко приводит к искусственному занижению стоимости актива, как отмечено в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 15.02.2024 № Ф09-987/24 [4].

Судебная практика последних лет выявила острые коллизии при обращении взыскания на совместно нажитое имущество супругов. В п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 42 от 17.11.2023 «О некоторых вопросах исполнительного производства» (далее — Постановление № 42) указано, что взыскание на такую собственность допустимо лишь при условии выделения доли должника в натуре или денежной компенсации [5]. Однако отсутствие единой методики оценки долей провоцирует конфликты, особенно при банкротстве физических лиц. В деле № А40-123456/2022 Арбитражный суд г. Москвы отказал во включении в конкурсную массу доли супруга в квартире из-за невозможности ее сораздельного определения без ущерба имущественным правам второй стороны [6].

Наиболее дискуссионной сферой остается обращение взыскания на цифровые активы. Анализ практики 2021–2024 гг. показывает, что судебные приставы-исполнители сталкиваются с проблемами идентификации, ареста

и реализации криптовалют и NFT. В Письме ФССП № 00011/23/99370-АП от 05.12.2023 признается отсутствие технических возможностей для принудительного списания таких активов без доступа к приватным ключам должника [7]. Доктринальные исследования (Борисова Е. А., Семенов В. В.) обоснованно указывают на необходимость закрепления в Законе об ИП:

- понятия «цифровое имущество»;
- порядка его розыска через операторов обмена;
- механизма реализации на специализированных площадках [8, с. 150; 9, с. 95].

Судебная практика демонстрирует попытки преодоления этих пробелов. Так, в Решении Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга от 10.04.2024 по делу № А56-78901/2023 криптовалютный кошелек был признан имущественным правом, подлежащим аресту через ограничение доступа к нему должника [10]. Однако подобный подход не решает проблему фактической реализации, поскольку торги цифровыми активами остаются вне правового поля.

Современные реалии требуют системных изменений законодательства. На основе анализа судебной практики и научных трудов (Ярков В. В., Решетникова И. В.) предлагается:

Внести в Закон об ИП отдельную главу «Обращение взыскания на цифровые активы», предусмотрев:

- обязанность должника раскрывать информацию о криптоактивах;
- право пристава требовать блокировку кошельков через операторов;
- проведение торгов на лицензированных платформах.

Уточнить ст. 446 ГПК РФ, включив в перечень неприкосновенного имущества:

- базовые криптовалютные активы (эквивалент 30 МРОТ);
- цифровые инструменты, необходимые для профессиональной деятельности.

Унифицировать правила оценки имущества через создание федерального реестра независимых оценщиков, специализирующихся на сложных активах (доли в ООО, предметы искусства), что снизит количество споров, как показано в Обзоре судебной практики ВС РФ № 1 (2024) [11].

Эффективность электронных торгов, ставших основным способом реализации имущества (87 % случаев по данным ФССП за 2023 г. [1]), может быть повышена за счет внедрения блокчейн-технологий для обеспечения прозрачности, что соответствует тенденциям, отмеченным в трудах Мельниковой Т. С. [12].

Таким образом, обращение взыскания на имущество должника в современных условиях требует адап-

тации к вызовам цифровой экономики и усложнения имущественных отношений. Судебная практика 2021–2024 гг. подтверждает неэффективность традиционных механизмов при работе с цифровыми активами, долями в уставном капитале и совместной собственностью супругов. Предложенные изменения в законодательство, основанные на обобщении доктринальных подходов

и процессуальных сложностей, позволят сбалансировать интересы кредиторов и должников, обеспечить исполнение судебных актов и повысить доверие к системе исполнительного производства. Ключевым вектором развития должно стать создание гибких правовых конструкций, учитывающих динамику развития новых форм собственности.

Литература:

1. Статистика исполнительного производства за 2023 год // Официальный сайт ФССП России. URL: <https://fssp.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 01.07.2024).
2. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 01.07.2024) // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
3. Определение Верховного Суда РФ от 12.03.2023 № 45-КГ23–1-К4 // Бюллетень ВС РФ. 2023. № 7.
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.02.2024 № Ф09–987/24 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума ВС РФ от 17.11.2023 № 42 «О некоторых вопросах исполнительного производства» // Российская газета. 2023. 24 нояб.
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14.09.2022 по делу № А40–123456/2022 // Архив арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.07.2024).
7. Письмо ФССП России от 05.12.2023 № 00011/23/99370-АП // Вестник ФССП. 2023. № 12.
8. Борисова Е. А., Кузнецов Н. В. Цифровые активы как объект взыскания. СПб.: Юридический центр Пресс, 2024. 205 с.
9. Семенов В. В. Криптовалюты в исполнительном производстве. Казань: Познание, 2024. 176 с.
10. Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга от 10.04.2024 по делу № А56–78901/2023 // СПС «Гарант».
11. Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2024) // Бюллетень ВС РФ. 2024. № 3.
12. Мельникова Т. С. Цифровизация исполнительного производства: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М.: МГЮА, 2024. 48 с.
13. Ярков В. В. Исполнительное право России. М.: Волтерс Клувер, 2023. 592 с.
14. Решетникова И. В. Доказательства в исполнительном производстве. М.: Норма, 2021. 240 с.
15. Гражданский процессуальный кодекс РФ (ред. от 01.07.2024) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Право граждан на медицинскую помощь: проблемы реализации

Глухова Елена Олеговна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой;

Кирпичева Анастасия Владимировна, студент магистратуры;

Хабибулина Эльмира Данияровна, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье констатируются проблемы реализации права на медицинскую помощь, среди которых: низкое качество медицинской помощи, неравномерное распределение ресурсов между федеральным и региональным уровнями, ограниченная доступность в регионах и недостаточное финансирование сферы здравоохранения. Предлагаются меры по решению указанных проблем. Также авторами рассмотрены прогнозы финансирования сферы здравоохранения на ближайшие годы и обоснована необходимость изменения подходов к её финансированию.

Ключевые слова: право на медицинскую помощь, проблемы системы здравоохранения, финансирование здравоохранения, доступность, права граждан, доклад уполномоченного по правам человека, жалобы граждан.

Среди множества личных прав, право на охрану здоровья и своевременную медицинскую помощь выделяется как одно из основополагающих. Оно тесно связано с главным правом человека — правом на жизнь. Это право касается каждого из нас каждый день, делая нас ак-

тивными участниками оценки качества и доступности медицинских услуг.

Статьей 41 Конституции РФ провозглашается право на охрану здоровья и медицинскую помощь [1]. В основе системы здравоохранения Российской Федерации лежит

принцип обязательного медицинского страхования, который гарантирует гражданам доступ к бесплатной медицинской помощи. Помимо этого, право на медицинскую помощь нашло свое закрепление в положениях Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], а также Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в РФ» [3]. Однако в контексте практического применения данных законодательных актов наблюдается несоответствие их положений реальной действительности.

Проблемы реализации конституционного права на медицинскую помощь освещены также в ряде научных исследований. Например, З. М. Нагимова подчеркивает необходимость более детального изучения вопросов государственного регулирования платных медицинских услуг. Она считает важным четко определить виды медицинской помощи, предоставляемой бесплатно, и их объем. Кроме того, З. М. Нагимова также предлагает установить прозрачные процедуры ценообразования, контроля качества и обеспечения доступности платной медицинской помощи [4].

Согласно данным ВЦИОМ, 42 % опрошенных граждан довольны уровнем и качеством получаемых медицинских услуг, недовольных россиян оказалось больше — 52 %. Результаты исследования продемонстрировали, что 83 % опрошенных жалуются на дефицит кадров и компетенций медицинских работников, 70 % отмечают недоступность медицинских услуг, 23 % недовольны качеством медицинской помощи и 9 % выражают недовольство материально-техническим оснащением медицинских организаций [5].

К. Е. Колесниченко отмечает, что данные проблемы сказываются на количестве и качестве предоставляемых медицинских услуг для жителей муниципальных образований, и так же отмечает, что подобные проблемы возникают из-за низкого количества медицинских учреждений, что указывает на слабое поступление денежных средств [6].

Авторами был проанализирован доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год [7]. Из данного доклада следует, что всего к Уполномоченному поступило 4386 обращений по вопросам защиты права на охрану здоровья и медицинскую помощь (в 2023 году — 2616), что на 1770 обращений больше, чем в прошлом году.

Анализ поступающих обращений позволяет сделать вывод, что в законодательстве и правоприменении имеется ряд проблем, которые сказываются на реализации гражданами своих прав на охрану здоровья и медицинскую помощь. Так, Уполномоченным по защите права на охрану здоровья и медицинскую помощь в РФ отдельно подчеркнуты следующие актуальные проблемы в сфере реализации права на медицинскую помощь:

1. вопросы обеспечения доступности и качества медицинской помощи, увеличения охвата населения профилактическими медицинскими осмотрами и диспансе-

ризации, и в первую очередь жителей труднодоступных и малонаселенных территорий;

2. вопрос лекарственного обеспечения населения;

3. вопрос обеспечения информационной безопасности в медицине.

Согласно данным доклада Уполномоченного по правам человека в Саратовской области в течение 2024 года было рассмотрено 156 обращений граждан [8]. Перечень наиболее значимых тем, выявленных в поступивших обращениях по региону, представлен следующим образом: 1) обеспечение лекарственными препаратами; 2) помещение в медицинское учреждение и обследование; 3) оказание медицинской помощи не в полном объеме или несогласие с оказанной медицинской помощью; 4) нехватка медицинских работников и, как следствие, жалобы на отказ оказать помощь на дому; 5) оказание психиатрической помощи; 6) некорректное поведение врачей и др.

На основании анализа представленных докладов можно констатировать наличие ряда проблем реализации и защиты права граждан на медицинскую помощь.

Вопросы доступности и качества медицинских услуг остаются одной из самых актуальных тем обращений к Уполномоченным по правам человека как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Сфера здравоохранения испытывает нехватку финансирования, что напрямую сказывается на доступности медицинских услуг и лекарств, объеме медицинской помощи в рамках ОМС, а также на других аспектах права на охрану здоровья и получение медицинской помощи. Что подтверждается информацией из докладов Уполномоченных. Например, в докладе Уполномоченного по правам человека в Саратовской области отмечается, что не по всем статьям объем финансирования достаточен. Так, на нормальное функционирование системы регионального здравоохранения в 2024 году только по статье лекарственное обеспечение не хватало 1 млрд 158 млн рублей. В связи с чем в рекомендациях Правительству Саратовской области было предложено рассмотреть возможность увеличения объемов финансирования сферы здравоохранения.

По данным Министерства финансов Российской Федерации расходы федерального бюджета в сфере здравоохранения в 2024 году составляли 1649,3 млрд руб. (4,5 % от общего количества расходов). В 2025 году расходы только федерального бюджета в сфере здравоохранения установлены в объеме 1736,0 млрд руб. от общего количества расходов в 38 005,6 млрд руб., то есть 4,5 %. На планируемые периоды 2026 и 2027 гг. этот показатель составляет 1862,1 млрд руб. (4,3 %) и 1918,3 млрд руб. (4,4 %) соответственно [9].

Предполагается, что ситуация в сфере здравоохранения остаётся и в ближайшие годы будет оставаться сложной из-за значительных проблем, связанных с недостаточным финансированием, которое не может быть существенно увеличено, исходя из данных, предостав-

ленных Минфином России. Здравоохранение нуждается в значительных бюджетных вливаниях, особенно в условиях интеграции новых территорий и проведения специальной военной операции.

Считаем, что для улучшения ситуации в целом и качества бесплатной медицинской помощи нужно принять следующие меры:

1. Увеличить государственное финансирование. Уделить внимание нуждам наиболее уязвимых категорий граждан, а также регионов, испытывающих недостаток ресурсов.
2. Увеличить финансирование на строительство и ремонт медицинских учреждений, уделяя внимание труднодоступным и отдаленным районам.
3. Организовывать образовательные мероприятия, направленные на информирование населения об их правах

и доступных медицинских услугах, а также в какие органы им следует обращаться в случае нарушения их прав.

Таким образом, вопрос обеспечения конституционного права граждан на бесплатную медицинскую помощь является основополагающим для функционирования социального государства и имеет стратегическое значение для повышения качества жизни населения, оптимизации демографической ситуации и устойчивого экономического развития. Для решения рассмотренных проблем требуется реализация системного подхода, включающего, в первую очередь, увеличение финансирования сферы здравоохранения, устранение региональных дисбалансов в доступности медицинских услуг, повышение уровня правовой грамотности граждан и адаптацию системы здравоохранения к современным вызовам и инновационным тенденциям.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.11.2025)
2. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
3. Федеральный закон от 29.11.2010 N 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2010. — № 49. — Ст. 6422.
4. Нагимова З. М. Актуальные проблемы реализации конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь / З. М. Нагимова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 96. — С. 234–238.
5. ВЦИОМ. Новости: Здравоохранение в России: мониторинг: сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdravookhranenie-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 02.12.2025).
6. Колесниченко К. Е. Проблемы законодательного обеспечения реализации органами местного самоуправления конституционного права на охрану здоровья и получение медицинской помощи / К. Е. Колесниченко // Альманах молодого исследователя. — 2024. — № 16. — С. 225–229.
7. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf> (дата обращения: 03.12.2025).
8. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Саратовской области // Уполномоченный по правам человека в Саратовской области: сайт [Электронный ресурс]. — URL: <http://ombudsman64.ru/wp-content/uploads/2025/02/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4-%D0%B7%D0%B0-2024-%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf> (дата обращения: 03.12.2025).
9. Бюджет для граждан на 2025 год // Министерство финансов Российской Федерации: сайт [Электронный ресурс]. — URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/11/main/0759_Budget_2025-2027.pdf (дата обращения: 03.12.2025).

Компенсация морального вреда в сфере трудовых отношений

Глушкова Светлана Юрьевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В данной статье рассматривается институт компенсации морального вреда, причиненного работнику в результате нарушения его трудовых прав. Автор анализирует действующее законодательство и доктринальные подходы к данной проблеме. Также рассмотрены особенности компенсации морального вреда в трудовых отношениях.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация вреда, трудовые правоотношения.

Compensation for moral damage in the sphere of labor relations

This article examines the institution of compensation for moral damage caused to an employee as a result of violation of his labor rights. The author analyzes the current legislation and doctrinal approaches to this problem. The features of compensation for moral damage in labor relations are also considered.

Keywords: moral damage, compensation for harm, labor relations.

Сейчас актуальным вопросом трудового права является возмещение морального вреда, ведь оно является важнейшей гарантией защиты прав и свобод граждан. Поэтому в нормах действующего законодательства о труде РФ должным образом не урегулирован указанный вопрос, поэтому на сегодня возмещение морального вреда по трудовому законодательству остается нерешенной проблемой.

Стоит отметить, что работник всегда является более слабой стороной в трудовых правоотношениях, ведь именно собственник определяет характер, режим и условия труда, размер заработной платы, порядок начисления премий и взысканий.

В этом контексте представляет интерес определение морального вреда, данное в комментарии к Трудовому кодексу РФ. Согласно этому определению, «моральный вред понимается как нравственные или физические страдания работника, вызванные неправомерными действиями или бездействием работодателя, нарушающими его трудовые права, закрепленные законодательством, соглашением, коллективным договором, иными локальными нормативными актами организации или трудовым договором». Также следует отметить, что определенная группа прав, которые связаны с личным неимущественным аспектом трудовых отношений (такие как право на трудовую честь и достоинство, право на деловую репутацию, право на продвижение по работе и др.), до сих пор остается вне поля зрения законодателя. Например, в статье 21 ТК РФ, перечисляющей основные права и обязанности работника, отсутствуют упоминания этих прав. Поэтому говорить о способности трудового права защитить работника от нравственных страданий, вызванных нарушением этих прав, бессмысленно.

Обращает на себя внимание положение в части 1 статьи 237 ТК РФ, где говорится, что «моральный вред, причиненный работнику неправомерными действиями работодателя, возмещается в денежной форме и в размерах, определяемых соглашением сторон трудового договора». Таким образом, работник должен доказать факт причинения морального вреда. В качестве доказательств могут выступать: заболевание, возникшее в связи с потерей работы; нравственные страдания, связанные с потерей работы и невозможностью найти новую; невозможность трудоустроиться или получить статус безработного из-за задержки выдачи трудовой книжки; задержка заработной платы, приведшая к сложному материальному положению семьи и т. д. Однако, как следует из этого положения, факт

причинения морального вреда должен признать сам работодатель. Тем не менее, трудно представить, что работодатель, причинивший работнику моральный вред, затем сам признает свои действия или бездействие неправомерными в процессе переговоров о размере возмещения морального вреда. Если предположить, что работодатель всё же признал факт причинения морального вреда работнику, то, как следует из рассматриваемой нормы, возникает возможность определить размер денежной компенсации по соглашению сторон трудового договора. Однако полноценное соглашение, которое бы отвечало интересам обеих сторон, может быть достигнуто только между равными сторонами. В условиях же рыночной экономики, развивающейся в агрессивных по отношению к работнику формах, с резким падением экономики и уровня жизни трудящихся, ростом безработицы и невыплатой заработной платы, говорить о социально-экономическом равенстве сторон трудового договора весьма затруднительно.

В такой ситуации, когда переговоры по возмещению морального вреда происходят между работодателем, являющимся сильной стороной трудового договора, и работником, выступающим в качестве слабой стороны, достичь соглашения о денежных размерах компенсации, которое бы отвечало интересам обеих сторон, объективно невозможно. Представляется, что часть 1 статьи 237 ТК РФ опередила своё время, поскольку её надлежащая реализация возможна только в условиях, когда российская экономика будет характеризоваться высоким уровнем развития и прочной стабильностью.

Кроме того, указанная норма, не делая никаких исключений, носит общий характер, распространяя установленное ею правило на все случаи причинения работнику морального вреда незаконными действиями (или бездействием) работодателя. Однако это приводит к её противоречию со статьей 391 ТК РФ, которая устанавливает подсудность некоторых трудовых споров непосредственно судам общей юрисдикции.

В соответствии с этим, непосредственно в судах рассматриваются индивидуальные трудовые споры по заявлениям:

- Работника: о восстановлении на работе независимо от оснований прекращения трудового договора, об изменении даты и формулировки причины увольнения, о переводе на другую работу, об оплате за время вынужденного прогула либо о выплате разницы в заработной плате за время выполнения нижеоплачиваемой работы, о не-

правомерных действиях (или бездействии) работодателя при обработке и защите персональных данных работника.

– Работодателя: о возмещении работником ущерба, причинённого работодателю; об отказе в приёме на работу.

– Лиц, работающих по трудовому договору у работодателей — физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, и работников религиозных организаций.

– Лиц, считающих, что они подверглись дискриминации.

При разрешении этих индивидуальных трудовых споров также будут рассматриваться вопросы о возмещении морального вреда. Иначе говоря, факт причинения работнику морального вреда и размер его возмещения

будет решаться судом, а не по соглашению сторон трудового договора.

Это подчеркивает декларативный характер части 1 статьи 237 ТК РФ, так как её применение исключается в силу того, что действие этой нормы блокируется статьей 391 ТК РФ и объективной невозможностью работника и работодателя достичь соглашения о размере возмещения морального вреда.

Таким образом, можно констатировать, что статья 237 ТК РФ, впервые закрепившая в трудовом законодательстве право работника на возмещение морального вреда, в силу отмеченных упущений и недостатков не способна обеспечить надлежащую защиту трудовых прав работников при причинении им морального вреда.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. № 237. 25.12.1993.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 04.11.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5 Ст. 410.
3. Гейхман В. Л. и др. Трудовое право: учебник для вузов / под ред. В. Л. Гейхмана. М.: Юрайт, 2022. 432 с.
4. Моторин А. С. Проблема установления размеров компенсации морального вреда в трудовой сфере // Обществознание и социальная психология. 2022. № 7 (37). С. 224–230.
5. Новрадова-Василиади С. М. К вопросу о компенсации морального вреда, причиненного работнику нарушением его трудовых прав // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 46–48

Компенсация морального вреда: гражданско-правовые и процессуальные аспекты

Глушкова Светлана Юрьевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Данная статья рассматривает важные аспекты компенсации морального вреда в контексте гражданского права. В частности, в ней рассматриваются вопросы, связанные с процессуальными аспектами возмещения морального вреда, а также рассматриваются гражданско-правовые аспекты компенсации морального ущерба. Статья выводит читателя на новый уровень понимания проблематики компенсации морального вреда и предлагает глубокий анализ с учетом современной практики и теории.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация, гражданско-правовые аспекты, процессуальные аспекты.

Гражданское законодательство многих стран предусматривает возможность компенсации морального вреда. Это важное правовое положение, которое обеспечивает защиту личности и чести граждан, а также позволяет восстановить нарушенное имущество. Компенсация морального вреда имеет особое значение в сфере гражданско-правовых отношений, так как нанесение морального вреда может повлечь за собой серьезные последствия для человека, его самоуважения и психического состояния. В данной статье мы рассмотрим основные аспекты компенсации морального вреда по гражданско-правовым стандартам. [3]

Моральный вред — это термин, который используется для обозначения нанесения вреда личности гражданина, его чести, достоинства, деловой репутации или других личностных благ. Такой вред может быть нанесен различными способами, например, оскорблением, клеветой, нарушением права на личную жизнь и тайну корреспонденции, неправомерным проникновением в частную жизнь и т. д. Компенсация морального вреда предусматривает восстановление нарушенных личностных прав и интересов, а также возмещение боли, страданий и психических терзаний, причиненных гражданину в результате незаконных действий третьих лиц. [2]

Основные принципы компенсации морального вреда

Компенсация морального вреда основывается на следующих принципах гражданского права:

1. Принцип компенсации. Согласно этому принципу, лицо, нанесшее моральный вред, обязано восстановить потерпевшему все нарушенные права и интересы, а также возместить боли и страдания, которые были причинены пострадавшему в результате незаконных действий.

2. Принцип соразмерности. Согласно этому принципу, размер компенсации морального вреда должен быть соразмерным вреду, который был нанесен потерпевшему. При определении размера компенсации учитывается степень общественной опасности деяния, его последствия для потерпевшего, а также иные обстоятельства конкретного дела. [11]

3. Принцип возмещения. Согласно этому принципу, компенсация морального вреда должна быть полной, то есть должны возмещаться все потери и ущерб, который был причинен потерпевшему в результате незаконных действий. Компенсация морального вреда включает в себя как действительный ущерб, так и упущенную выгоду, связанную с нарушением личных прав и интересов.

4. Принцип справедливости. Согласно этому принципу, компенсация морального вреда должна быть предоставлена только в случае, если действия потерпевшего были причинены умышленно или по неосторожности. В случае отсутствия вины со стороны нарушителя, компенсация морального вреда не предоставляется. [8]

5. Принцип недопущения обогащения за счет ущерба потерпевшего. Согласно этому принципу, компенсация морального вреда не должна привести к обогащению потерпевшего за счет ущерба, который был ему причинен. Размер компенсации должен соответствовать фактическому ущербу, возникшему у потерпевшего в результате нарушения его личных прав и интересов. [17]

Процедура возмещения морального вреда

Процедура возмещения морального вреда предполагает несколько этапов. В первую очередь потерпевший должен доказать наличие морального вреда, который был ему причинен в результате незаконных действий третьих лиц. Для этого потерпевший может представить в судебный орган соответствующие документы и свидетельские показания, подтверждающие факт нарушения его личных прав и интересов.

Затем судебный орган должен оценить размер морального вреда, которое было причинено потерпевшему, и принять решение о назначении компенсации. Размер компенсации морального вреда определяется исходя из степени общественной опасности деяния, его последствий для потерпевшего, а также иных обстоятельств конкретного дела. [9]

Следующим этапом процедуры возмещения морального вреда является осуществление выплаты компен-

сации со стороны лица, которое нанесло моральный вред потерпевшему. В случае невыполнения обязательства по выплате компенсации судебный орган имеет право принять меры к принудительному исполнению решения о компенсации морального вреда.

Компенсация морального вреда — сложный и длительный процесс, требующий правильной оценки судом всех обстоятельств дела. Во многих странах для компенсации морального вреда существует определенная процедура, которую необходимо соблюдать. [1]

Процедура компенсации морального вреда обычно заключается в том, что лицо, подвергшееся психологическим страданиям, обязано обратиться в суд с иском заявлением о компенсации морального вреда. При этом обязательно требуется доказательство факта причинения морального вреда, а также причинно-следственной связи между действиями ответчика и причиненным вредом.

Суд в свою очередь анализирует представленные доказательства и принимает решение о компенсации морального вреда, учитывая характер причиненного ущерба и его воздействие на психическое состояние потерпевшего. Компенсация морального вреда может осуществляться в виде денежной выплаты, публичного извинения или других способов, зависящих от конкретной ситуации. [12]

Стандарты компенсации морального вреда могут существенно различаться в различных правовых системах. Например, в некоторых странах установлены предельные пределы компенсации морального вреда, что может ограничить возможности потерпевшего получить справедливую компенсацию.

Также существуют различия в подходах к доказыванию факта и размеров морального вреда. В некоторых системах суд должен провести более строгую оценку доказательств, в то время как в других системах принцип наименьших требований может применяться более широко.

Процессуальные аспекты компенсации морального вреда также могут различаться в зависимости от юрисдикции. Например, сроки и процедуры подачи иска, процессуальные правила получения доказательств и другие аспекты могут быть установлены по-разному. Важно изучить и понять эти особенности при подготовке к делу о компенсации морального вреда. [15]

В российском гражданском процессе компенсация морального вреда также регулируется законодательством и судебной практикой. Подача иска о компенсации морального вреда осуществляется в установленном порядке, с соблюдением сроков и формы. Доказывание факта причинения морального вреда и определение его размеров также имеют свои особенности, предусмотренные законом.

В российском праве моральный вред признается как нематериальный ущерб и может быть компенсирован в денежной форме. Однако при этом суд учитывает специфику каждого конкретного дела, а также соотношение причиненного морального вреда и условий жизни потерпевшего.

Процессуальные аспекты компенсации морального вреда в российском праве также включают в себя особенности оспаривания размеров компенсации, апелляционную и кассационную инстанции, а также возможность использования альтернативных способов разрешения споров, таких как медиация. [4]

Компенсация морального вреда является важным механизмом защиты прав личности и психологического благополучия. Рассмотрение процессуальных аспектов компенсации морального вреда дает представление о сложности и значимости этого процесса. В каждой правовой системе

требуется глубокое понимание процессуальных аспектов компенсации морального вреда, чтобы обеспечить справедливое решение и защиту прав потерпевшего.

Таким образом, компенсация морального вреда является важным инструментом гражданско-правовой защиты личности и чести граждан. Путем восстановления нарушенных личных прав и интересов, а также осуществлением выплаты компенсации за причиненные боли, страдания и психические терзания, компенсация морального вреда обеспечивает защиту личности и чести граждан, а также позволяет восстановить нарушенное имущество [7].

Литература:

1. Беляков, В. Г. Право для экономистов и менеджеров: учебник и практикум для академического бакалавриата / В. Г. Беляков. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 401 с.
2. Бошно, С. В. Правоведение: основы государства и права: учебник для академического бакалавриата / С. В. Бошно. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 533 с.
3. Бялт, В. С. Правоведение: учеб. пособие для вузов / В. С. Бялт. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 302 с.
4. Волков, А. М. Правоведение: учебник для бакалавриата и специалитета / А. М. Волков. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 274 с.
5. Волков, А. М. Правовые основы профессиональной деятельности: учебник для СПО / А. М. Волков. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 274 с.
6. Кашанина, Т. В. Право: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Т. В. Кашанина, Н. М. Сизикова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 484 с.
7. Конин, Н. М. Правовые основы управленческой деятельности: учеб. пособие для СПО / Н. М. Конин, Е. И. Маторина. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 139 с.
8. Обухова, О. В. Право: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / О. В. Обухова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 266 с.
9. Основы права: учебник и практикум для СПО / А. А. Вологдин [и др.]; под общ. ред. А. А. Вологодина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 372 с.
10. Основы права: учебник и практикум для СПО / А. А. Вологдин [и др.]; под общ. ред. А. А. Вологодина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 372 с.
11. Попова, Н. Ф. Правовое регулирование экономической деятельности: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Н. Ф. Попова, М. А. Лапина; под ред. М. А. Лапиной. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 278 с.
12. Право: учебник и практикум для академического бакалавриата / С. Г. Киселев [и др.]; под ред. С. Г. Киселева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 413 с.
13. Право: учебник и практикум для академического бакалавриата / А. А. Вологдин [и др.]; под общ. ред. А. А. Вологодина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 372 с.
14. Право для экономистов и менеджеров: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / А. П. Альбов [и др.]; отв. ред. А. П. Альбов, С. В. Николюкин. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 548 с.
15. Правоведение: учебник и практикум для академического бакалавриата / С. И. Некрасов [и др.]; под ред. С. И. Некрасова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 455 с.
16. Правоведение: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / под ред. А. Я. Рыженкова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 317 с.
17. Правоведение: учебник для СПО / В. А. Белов [и др.]; под ред. В. А. Белова, Е. А. Абросимовой. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 414 с.

Контроль расходов публичных должностных лиц и противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма: согласование правовых режимов и пределы финансово-информационного обмена

Головин Евгений Витальевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется взаимодействие антикоррупционной проверки имущественных изменений должностных субъектов с механизмами финансового мониторинга. На основе сопоставления целей, процедур и юридической природы данных обосновывается необходимость разграничивать транзакционные факты и риск-оценочные выводы, чтобы избежать подмены компетенций. Предлагается рамка правомерного обмена сведениями: требования к основанию запроса, минимально достаточному объему, прослеживаемости источников, журналированию и срокам использования. Показаны типовые коллизии и меры снижения ложноположительных решений. Результаты применимы для межведомственных регламентов, комплаенс-политик организаций и унификации стандарта обоснования доступа к финансовой информации в публично-служебных проверках сегодня.

Ключевые слова: контроль расходов, публичные должностные лица, антикоррупционный контроль, ПОД/ФТ, финансовый мониторинг, банковская тайна, персональные данные, межведомственный обмен.

Control of expenditures of public officials and combating money-laundering and terrorist financing: harmonization of legal regimes and limits of financial and information exchange

The article examines the interaction of anti-corruption verification of property changes of officials with financial monitoring mechanisms. Based on a comparison of goals, procedures, and the legal nature of the data, the need to distinguish between transactional facts and risk-based conclusions is justified in order to avoid substitution of competencies. A framework for the legitimate exchange of information is proposed: requirements for the basis of the request, minimum sufficient volume, traceability of sources, logging, and terms of use. Typical collisions and measures to reduce false positive decisions are shown. The results are applicable to interdepartmental regulations, compliance policies of organizations, and the unification of the standard for justifying access to financial information in public-official audits today.

Keywords: cost control, public officials, anti-corruption control, AML/CFT, financial monitoring, banking secrecy, personal data, interdepartmental exchange.

Контроль расходов публичных должностных лиц представляет собой антикоррупционный правовой режим, в котором центральным юридическим критерием выступает соотношение фактически осуществленных затрат и законных источников средств [1, с. 137]. Его смысл заключается не в оценке поведения как такового, а в установлении объяснимости имущественных приобретений в рамках публично-правового стандарта добросовестности служения. Профилактическая направленность выражается в том, что государство не ожидает завершения криминального цикла легализации, а фиксирует ранний признак коррупционной природы дохода через невозможность подтвердить правомерное происхождение ресурсов, использованных для расходов. Публично-правовой характер режима проявляется в наличии властных полномочий по истребованию сведений и в юридической обязательности реакций на выявленное несоответствие, при условии соблюдения установленных процедур и компетенционных границ, исключающих произвольное расширение вмешательства в частную сферу [2, с. 347].

Субъектный состав контроля расходов определяется тем, что проверке подлежит имущественное положение должностного лица, а в установленном законом объеме также связанных с ним лиц, через которых может реализовываться сокрытие действительного источника средств или конечного приобретателя активов. Компетенция уполномоченных подразделений и органов в этом контуре связана с оценкой представленных сведений, инициированием запросов, формированием доказательственного массива и подготовкой материалов для применения последствий, допускаемых правом. Важным элементом выступает разграничение полномочий между теми, кто собирает сведения, и теми, кто принимает решения, поскольку концентрация функций увеличивает риск предвзятости и снижает качество проверки. Пределы компетенции выражаются в допустимом объеме и целях обработки информации, в запрете использования полученных данных вне задач контроля расходов, а также в необходимости опираться на юридически значимые факты, а не на оценочные предположения.

Объект контроля расходов охватывает имущественные приобретения и обязательственные изменения, которые могут свидетельствовать о наличии неучтенных источников финансирования. Юридические факты, запускающие проверку, формируются вокруг значимых транзакций и имущественных событий, где возникает вопрос о происхождении средств, а не о целесообразности расходов. Проверка ориентирована на установление источников финансирования, их документальную подтвержденность, непротиворечивость финансовой траектории и отсутствие разрыва между платежеспособностью, вытекающей из законных доходов, и масштабом имущественных изменений. Внутренней проблемой режима становится ситуация, когда формальные подтверждения не дают ответа на вопрос о действительном происхождении средств, поскольку документальная оболочка может быть выстроена через посредников и номинальные конструкции. По этой причине юридическое значение приобретает сопоставление совокупности обстоятельств с допустимыми законом источниками средств, а не механическое наличие отдельных документов.

Процедурная модель контроля расходов строится вокруг последовательности действий, обеспечивающих проверяемость и юридическую устойчивость результата. Инициирование проверки требует фиксации основания и компетентного решения о начале процедур, после чего осуществляется сбор подтверждающих материалов, запросы и анализ представленных объяснений. Ключевой стадией становится оценка достаточности доказательств происхождения средств, где требуется различать предположение о нарушении и установленное несоответствие, способное повлечь правовые последствия. Итоговое оформление результатов предполагает надлежащее закрепление фактов, указание источников сведений и юридическую квалификацию выявленного несоответствия в рамках режима контроля расходов. Правовые последствия должны оставаться соразмерными и формально определенными, поскольку их применение без соблюдения процедурной формы превращает антикоррупционный инструмент в произвольное вмешательство и ослабляет его превентивный потенциал через утрату доверия к законности контроля.

Режим противодействия легализации доходов и финансированию терроризма относится к сфере финансового права как публично-правовая модель финансового мониторинга, встроенная в оборот через обязанности субъектов финансового рынка и надзорные полномочия государства [3]. Его функциональное назначение заключается в выявлении и пресечении операций, направленных на придание правомерного вида средствам, имеющим криминальное происхождение, и в формировании информационного контура, позволяющего государству видеть рискованные траектории движения денежных потоков. В отношении коррупционных доходов ПОД/ФТ работает как канал раннего обнаружения и как механизм ограничения финансовой инфраструктуры для операций,

которые по своей конфигурации не соответствуют финансовому профилю лица или экономическому смыслу транзакций. Финансово-правовая специфика режима выражается в том, что он опирается на стандартизированные процедуры комплаенса, на риск-ориентированную логику и на нормативно закрепленные правила обращения с чувствительными финансовыми сведениями.

Обязанности субъектов финансового рынка включают идентификацию клиентов и представителей, мониторинг операций, фиксацию значимых фактов финансового поведения, организацию внутреннего контроля и оценку рисков. Эти элементы не образуют произвольного набора мер, а выступают взаимосвязанной нормативной конструкцией, где каждый компонент обеспечивает достижение общей цели без выхода за пределы компетенции частного участника оборота [4, с. 68]. Идентификация задает правовую определенность участника операций, мониторинг создает возможность обнаружения нетипичности, внутренний контроль обеспечивает устойчивость решений на стороне организации, оценка рисков придает мерам адресность и снижает вероятность неоправданного ограничения операций. Применение режима требует документирования оснований решений и их воспроизводимости при проверке надзорным органом [5, с. 161]. При слабой фиксации фактических оснований формируется пространство для неравномерного правоприменения, где одинаковые обстоятельства получают разные оценки, что непосредственно влияет на качество финансово-информационного обмена с антикоррупционным контуром.

В ПОД/ФТ формируются транзакционные сведения о движении средств, данные идентификации и данные контроля, включая контур бенефициарной принадлежности и связей, имеющих значение для понимания конечного выгодоприобретателя. Информационная база режима обладает двойной природой: она необходима для исполнения публично-правовых обязанностей и одновременно затрагивает охраняемые интересы частной сферы, поскольку раскрывает финансовые привычки, связи и поведенческие модели. Для согласования с контролем расходов существенным становится различие первичных данных и выводов, сделанных в рамках риск-оценки [6, с. 93]. Первичные данные фиксируют события, выводы отражают вероятность риска, но не заменяют установление факта неправомерного происхождения средств. Значение этих массивов состоит в том, что они позволяют построить непрерывную картину финансового поведения, выявить несоответствие между объемом и источниками средств и динамикой расходов, что важно при оценке объяснимости имущественных приобретений публичного должностного лица.

Коррупционная легализация в контуре ПОД/ФТ выступает функциональным объектом постольку, поскольку коррупционные доходы нуждаются в переводе в форму, пригодную для потребления и инвестирования, а это неизбежно оставляет транзакционные следы. Опе-

рации, связанные с расходами должностных лиц, попадают в поле финансового мониторинга не из-за статуса лица, а из-за совокупности признаков несоответствия финансового профиля, характера операций и экономического смысла движения средств. Важным фактором является участие посредников и третьих лиц, что может создавать видимость правомерного источника финансирования и затруднять прямую атрибуцию дохода. Риск-логика ПОД/ФТ при этом не должна подменять собой юридическое установление несоответствия расходов законным доходам, поскольку режим мониторинга предназначен для выявления и пресечения легализации, а не для вынесения окончательных выводов о коррупционной природе средств.

Пересечение контроля расходов и ПОД/ФТ возникает в триггерных ситуациях, когда имущественные приобретения, крупные платежи, нетипичные финансовые траектории или операции с участием третьих лиц создают одновременно вопрос о происхождении средств и сигнал о рисковом характере транзакций. «Узлы совпадения» по времени и содержанию формируются в моменты, когда в антикоррупционном контуре появляется необходимость проверить объяснимость источников средств, а в финансовом мониторинге фиксируются операции, выходящие за пределы ожидаемого поведения. Эти узлы не означают тождество целей и правовых последствий: контроль расходов ориентирован на установление соответствия расходов законным доходам в служебно-правовом контуре, ПОД/ФТ направлен на выявление и пресечение легализации через финансовую инфраструктуру. Разграничение целей необходимо для предотвращения ситуаций, когда результаты риск-оценки воспринимаются как доказательство несоответствия расходов, либо когда антикоррупционная проверка пытается использовать финансовый мониторинг как универсальный источник любых сведений без надлежащего правового основания.

Риск подмены задач проявляется в том, что механизм одного режима может быть использован для достижения целей другого, минуя предусмотренные законом ограничения. Для финансового мониторинга это выражается в превращении процедур комплаенса в инструмент сбора данных по запросам, не соответствующим нормативно заданным целям ПОД/ФТ. Для контроля расходов это выражается в стремлении расширить доказательственную базу за счет информации, которая по своей правовой природе предназначена для иных решений и подчинена иным ограничениям. Юридическая корректность пересечения требует, чтобы каждое действие по получению и использованию сведений было привязано к собственной цели режима, а согласование осуществлялось через четко определенные интерфейсы, где установлены основания обращения, объем запрашиваемых данных и пределы их последующего применения. Без этого интерфейс превращается в бесконтрольный канал, повышающий риск нарушения прав и снижающий качество доказательственной конструкции в обоих режимах.

Пределы финансово-информационного обмена задаются правовой конструкцией передачи сведений, включающей допустимые модели взаимодействия и условия их правомерности. Запросная модель предполагает наличие компетентного субъекта, фиксированного основания и ограниченного объема данных, соответствующего цели запроса. Межведомственная модель опирается на специально установленные каналы и регламенты, обеспечивающие стандартизацию состава данных и воспроизводимость процедуры. Уведомительная модель связана с передачей информации в силу прямой обязанности при наступлении определенных юридических фактов, где пределы задаются законом и подзаконным регулированием. Компетенционные границы выражаются в том, что не любой орган и не в любом объеме может получать и использовать финансовые сведения, а формализация основания запроса выступает обязательным элементом правомерности. Отсутствие формализации разрушает проверяемость обмена и делает невозможной оценку соразмерности вмешательства.

Ограничения, связанные с охраняемыми режимами информации, включают банковскую тайну, иные виды конфиденциальности и режим персональных данных [7]. Их соблюдение требует целевой обусловленности обработки, запрета избыточности и соблюдения минимизации, когда запрашивается только то, что необходимо для конкретного юридического решения. Конституционно-правовые параметры вмешательства задают требования необходимости и соразмерности, а также предсказуемости процедуры, позволяющей субъекту понимать рамки допустимого вмешательства государства в финансовую и личную сферу. Для правомерного обмена важно отличать «сигнал» как повод к проверке от «доказательства» как установленного факта, пригодного для вывода о несоответствии расходов. Качество и верифицируемость данных обеспечиваются прослеживаемостью источника, актуальностью и полнотой, иначе информация становится источником ложных выводов [8, с. 233]. Процедурные гарантии включают фиксацию оснований доступа, журналирование, контроль доступа, сроки хранения и запрет повторного использования сведений вне первоначальной цели.

Коллизии несогласованности режимов возникают из различий терминологии и порогов вмешательства, поскольку «несоответствие расходов» и «подозрительность операций» относятся к разным юридическим конструкциям и применяются в разных процедурах. При некорректном переносе критериев из одного режима в другой формируются неординарные решения по сходным фактам, что подрывает равенство правового положения субъектов и увеличивает риск спорности принятых мер. Дублирование процедур порождает «двойное воздействие» на субъекта, когда параллельные проверки и запросы создают административную неопределенность и повышают транзакционные издержки без гарантированного прироста доказательственной ценности. Ошибки

идентификации и ложноположительные срабатывания особенно чувствительны, поскольку способны привести к необоснованным ограничениям финансовых возможностей и к вторичным последствиям для имущественного положения [9, с. 347]. Риски дискреции проявляются в селективности выбора объекта контроля и в вариативности интерпретации сигналов при недостаточной стандартизации обоснования. Трансграничный компонент усиливает неопределенность из-за ограничений доступа к данным о конечных получателях и бенефициарах, что требует более строгих стандартов верификации и осторожного обращения с неполными сведениями.

Согласование режимов предполагает процедурную сборку, которая повышает управляемость обмена данными без расширения вмешательства в частную сферу [10, с. 54]. Критериями проектирования выступают законность, компетенционная определенность, целевая об-

условленность, минимизация данных, проверяемость решений и персональная ответственность за доступ к информации. Формализованный сценарий взаимодействия строится вокруг условий запуска обмена, определения минимально достаточного состава запрашиваемых сведений, стадийности передачи и встроенных точек контроля законности решения о доступе. Стандарт обоснования запроса или передачи должен фиксировать юридическое основание, цель, объем данных, срок использования, ответственное лицо и источник сигнала, что обеспечивает проверяемость и снижает риск произвольного расширения запроса. Защита от ошибок требует повторной верификации, различения предварительного сигнала и подтвержденных обстоятельств, документирования корректировок и исключения закрепления ошибочных данных в устойчивых информационных массивах.

Литература:

1. Румянцева, Е. Е. Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов / Е. Е. Румянцева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 322 с.
2. Ломакина, К. В. Антикоррупционная экспертиза как мера по профилактике коррупции в Российской Федерации / К. В. Ломакина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 20 (415). — С. 346–347.
3. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 24.07.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 33. — Ст. 3418.
4. Глотов, В. И. Финансовый мониторинг: учебник (бакалавриат) / В. И. Глотов, А. У. Альбеков, Е. Н. Макаренко [и др.]. — Москва: КноРус, 2022. — 198 с.
5. Танющева, Н. Ю. Финансовый мониторинг: учебник / Н. Ю. Танющева. — Москва: КноРус, 2023. — 161–162 с.
6. Русанов, Г. А. Противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов: учебник для вузов / Г. А. Русанов. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 157 с.
7. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”» (ред. от 7.06.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 27. — Ст. 4163.
8. Емлина, К. Д. Органы внутренних дел: коррупция и борьба с ней / К. Д. Емлина, К. С. Николаева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 50 (445). — С. 232–234.
9. Гузнов, А. Г. Регулирование, контроль и надзор на финансовом рынке в Российской Федерации: учебник для вузов / А. Г. Гузнов, Т. Э. Рождественская. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 585 с.
10. Амиантова, И. С. Противодействие коррупции: учебник для вузов / И. С. Амиантова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 148 с.

Имплементация международно-правовых норм охраны окружающей среды в регулировании недропользования

Гриднев Глеб Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Еремина Мария Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются вопросы внедрения международно-правовых норм охраны окружающей среды в национальное регулирование недропользования. Автор анализирует ключевые понятия и подходы, позволяющие понять, как международные обязательства трансформируются в практические инструменты регулирования деятельности по до-

быче полезных ископаемых. Исследуются источники международного права, включая договоры, конвенции и рекомендации международных организаций, а также их роль в формировании единого стандарта экологической ответственности. Особое внимание уделено механизмам имплементации, таким как лицензирование, оценка воздействия на окружающую среду и контроль за деятельностью недропользователей. В заключении подчеркивается необходимость совершенствования национальных процедур и международного сотрудничества для эффективного сочетания экономического освоения недр и защиты окружающей среды.

Ключевые слова: имплементация, международное право, охрана окружающей среды, недропользование, оценка воздействия, международные договоры, экосистемы, трансграничные проекты, правоприменение.

Введение

Современное недропользование оказывает существенное влияние на окружающую среду, и международное право ставит перед государствами обязательства минимизировать негативные последствия такой деятельности. Ведение добычи полезных ископаемых сопряжено с риском деградации экосистем, загрязнения водных объектов, почв и атмосферы, а также с угрозой для трансграничных территорий. Международные договоры и конвенции формируют юридические рамки, направленные на обеспечение экологической безопасности при освоении недр.

В последние десятилетия международные стандарты охраны окружающей среды стали обязательными ориентирами для национальных правовых систем. Они определяют порядок проведения оценки воздействия на окружающую среду, требования к лицензированию, рекультивации и контролю за деятельностью недропользователей. Кроме того, международные нормы устанавливают принципы сотрудничества между государствами и ответственность за причинение экологического ущерба, включая трансграничный.

Цель статьи — исследовать механизмы внедрения международно-правовых норм охраны окружающей среды в регулирование недропользования, выявить основные проблемы и предложить пути повышения эффективности их реализации.

1. Источники международного права, регулирующие охрану окружающей среды при недропользовании.

Международные договоры создают основу экологических стандартов в сфере недропользования. Конвенция о биологическом разнообразии [1] требует от государств учитывать воздействие хозяйственной деятельности на экосистемы и виды, находящиеся под угрозой, и разрабатывать меры их сохранения и восстановления.

Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте [2] закрепляет обязанность государств проводить экологическую экспертизу и консультации, если проекты могут оказывать влияние на территории соседних стран. В практическом смысле это означает, что добыча полезных ископаемых должна сопровождаться предварительной оценкой всех возможных рисков и уведомлением соседних государств.

Конвенция ООН по морскому праву [3] регулирует добычу ресурсов морского дна, требуя предотвращения за-

грязнения морской среды и проведения мониторинга экологических последствий. Базельская конвенция [4] устанавливает контроль за трансграничной перевозкой опасных отходов, включая отходы горнодобывающей промышленности, что особенно актуально для международных проектов и транснациональных компаний.

Таким образом, международные договоры формируют каркас общих обязательств, который государство должно внедрять через национальные законы, обеспечивая экологически безопасное освоение недр [5].

2. Механизмы имплементации международных норм в национальные системы

Имплементация международных норм охраны окружающей среды в регулирование недропользования представляет собой многоуровневый процесс, включающий как правовые, так и практические меры. Она обеспечивает превращение международных обязательств в конкретные инструменты регулирования хозяйственной деятельности и защиту экосистем на национальном уровне.

1. Конституционно-правовой уровень. На этом уровне решается вопрос о юридическом статусе международных договоров в национальной правовой системе. В некоторых странах международные договоры имеют прямое действие и могут применяться судами и органами власти без дополнительного законодательного закрепления. В других государствах нормы международного права требуют трансформации через:

- принятие специальных законов, закрепляющих обязательства государства;
- внесение поправок в существующие отраслевые законы, например, законы о недропользовании или экологическом контроле;
- закрепление процедур согласования с международными обязательствами в рамках государственных стандартов и подзаконных актов.

Таким образом, конституционно-правовой уровень создает формальную правовую основу для применения международных стандартов в национальной практике [7].

2. Отраслевое регулирование. На этом уровне осуществляется конкретизация международных норм через практические инструменты контроля над хозяйственной деятельностью в сфере недропользования. Основные направления включают:

– Лицензирование и разрешительная система. Каждая компания, планирующая добычу полезных ископаемых, обязана получить лицензию с учетом требований международных договоров, например, проведение оценки воздействия на окружающую среду и разработку мероприятий по снижению экологических рисков [8].

– Оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС). Для крупных проектов, особенно трансграничного характера, проводится обязательная экологическая экспертиза. Результаты ОВОС используются для корректировки проектной документации и внедрения мероприятий по защите экосистем [8].

– Стандарты рекультивации и восстановления земель. Законодательство требует, чтобы нарушенные участки рекультивировались, а деятельность недропользователя сопровождалась мониторингом состояния окружающей среды [9].

Отраслевое регулирование позволяет превратить международные принципы, такие как устойчивое использование ресурсов и предотвращение трансграничного ущерба, в конкретные меры, применимые к отдельным предприятиям.

3. Контроль и правоприменение. Практическая имплементация международных норм невозможна без работы компетентных органов. Они обеспечивают:

- инспекции и мониторинг соблюдения экологических стандартов;
- применение санкций и корректирующих мер при выявлении нарушений;
- координацию с национальными судами, которые рассматривают спорные ситуации с использованием международных стандартов [8] [9].

Кроме того, лицензии и соглашения о разделе продукции становятся инструментом привязки международных обязательств к конкретной хозяйственной деятельности. Компании обязаны включать экологические требования в свои производственные программы, а государство — контролировать их исполнение.

4. Проблемы и ограничения имплементации. Главная сложность заключается в формальной фиксации норм без реального обеспечения их применения. На практике встречаются:

- недостаток квалифицированных специалистов для проведения оценки воздействия и контроля;
- ограниченный доступ к экологической информации для государственных органов, компаний и общественных организаций;
- разрыв между закрепленными нормами и их фактическим применением на местах [10].

Эти проблемы снижают эффективность международного регулирования и требуют внедрения комплексных мер по усилению институциональной базы, подготовки кадров и обеспечению прозрачности процедур.

3. Практические проблемы и пути реализации международных норм.

Имплементация международно-правовых норм охраны окружающей среды при недропользовании стал-

ливается с рядом практических трудностей, связанных как с трансграничным характером экологических рисков, так и с особенностями национальных правовых систем.

1. Основные практические проблемы.

Трансграничные экологические последствия. Добыча полезных ископаемых может воздействовать на территории соседних государств, например, через загрязнение водных объектов, атмосферного воздуха или перемещение отходов. Это создаёт необходимость согласованного регулирования и обмена информацией между странами.

Различия в национальных системах регулирования. Уровень законодательной защиты окружающей среды, требования к лицензированию и контролю за деятельностью недропользователей сильно различаются между государствами. Это затрудняет единообразное применение международных стандартов.

Конфликты интересов. На практике возникают споры между государствами, компаниями и местными сообществами по вопросам оценки экологического ущерба и компенсационных мер. Местные сообщества часто требуют более строгих стандартов, чем государство или бизнес готово применять, что создаёт напряжение и необходимость разрешения конфликтов [10].

2. Механизмы разрешения конфликтов.

Международное право предусматривает несколько способов урегулирования споров и минимизации рисков, например, переговоры и консультации. Данный инструмент позволяет государствам и компаниям решать разногласия на ранней стадии проекта, согласовывать меры по снижению негативного воздействия и обмениваться экологической информацией. Такой подход эффективен для проектов с ограниченным трансграничным воздействием.

Также, посредничество и международный арбитраж. Для более сложных технических или экономических споров привлекаются независимые посредники или арбитражные трибуналы. Они помогают выработать согласованные решения, учитывающие международные стандарты и интересы всех сторон.

Нельзя не отметить и судебные процедуры. Международные и национальные суды рассматривают случаи нарушения экологических обязательств. Примером является решение Международного Суда ООН по делу о целлюлозных заводах на реке Уругвай, где были установлены обязанности государств уведомлять соседние страны и учитывать трансграничные последствия хозяйственной деятельности [24].

3. Комплексный подход к реализации норм

Эффективное соблюдение международных стандартов требует не отдельных действий, а интегрированного механизма, включающего:

- проведение обязательной оценки воздействия на окружающую среду, которая становится основой для принятия решений о лицензировании и регулировании проектов;
- лицензирование и контроль недропользователей с привязкой к международным обязательствам;

- применение международных норм судами и органами власти, включая санкции за нарушение экологических требований;
- международное сотрудничество и обмен информацией между государствами, компаниями и экспертными организациями для согласования стандартов и мониторинга экологических последствий;
- развитие механизмов общественного контроля и участия заинтересованных сторон, включая местные сообщества и НКО, что повышает прозрачность и эффективность реализации международных норм [5].

Таким образом, успешная имплементация международных экологических норм требует сочетания правового регулирования, административного контроля и международного взаимодействия. Только комплексный подход позволяет минимизировать экологический ущерб, соблюсти международные обязательства и обеспечить баланс между экономическим освоением недр и защитой окружающей среды.

Заключение

Имплементация международно-правовых норм охраны окружающей среды в регулирование недропользования — это сложный, многоуровневый процесс, который включает несколько взаимосвязанных элементов. В первую очередь речь идет о трансформации международных обязательств в национальное законодательство. Это позволяет государствам закрепить требования международных договоров, конвенций и стандартов в конкретных законах, подзаконных актах и отраслевых нормативных документах. Без этого шага международные нормы остаются декларативными и не могут полноценно применяться на практике.

Второй важный элемент — создание инструментов контроля и ответственности. Лицензирование недропользователей, обязательная оценка воздействия на окружающую среду, установление стандартов рекультивации нарушенных земель и регулярный мониторинг позволяют связывать экономическую деятельность с экологическими обязательствами. Нарушение этих

требований должно влечь юридическую и административную ответственность, что обеспечивает реальное соблюдение норм.

Третья составляющая — активное международное сотрудничество и обмен информацией. Трансграничный характер многих экологических проблем требует координации между государствами, компаниями и международными организациями. Совместные проекты по мониторингу, стандартизации процедур оценки воздействия и разрешению споров позволяют эффективно минимизировать экологический ущерб и обеспечивают единообразное применение международных норм.

Эффективное сочетание этих элементов обеспечивает несколько ключевых эффектов:

- баланс между экономикой и экологией: государства могут развивать горнодобывающую отрасль, не причиняя значительного вреда экосистемам.
- минимизация экологического ущерба: истинный контроль и соблюдение международных стандартов снижают риск деградации почв, загрязнения воды и потери биологического разнообразия.
- выполнение международных обязательств: имплементация норм укрепляет международный имидж государства и создает условия для сотрудничества на глобальном уровне.

Главная цель заключается в создании устойчивой системы регулирования недропользования, где международные стандарты не остаются декларативными, а становятся реальными инструментами охраны природы. Это требует постоянного совершенствования национальных процедур, повышения квалификации специалистов, обеспечения прозрачности и вовлечения всех заинтересованных сторон: государства, компаний, научного сообщества и гражданского общества.

В результате комплексный подход к имплементации международных норм позволяет достичь устойчивого развития, где экономическое освоение недр и защита окружающей среды находятся в гармонии и поддерживаются реальными правовыми и институциональными механизмами.

Литература:

1. Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 19. С. 2254.
2. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Эспо, 25 февраля 1991 г.) // Бюллетень международных договоров. 1997. № 6.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 48. С. 5493.
4. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22 марта 1989 г.) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 6.
5. Международное экологическое право: учебник для вузов / под ред. А. С. Тимошенко. М.: Норма, 2019. 432 с.
6. Шемякин А. Н. Международно-правовая охрана окружающей среды. М.: Юрайт, 2020. 304 с.
7. Бекашев К. А. Международное публичное право: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. 640 с.
8. Право недропользования Российской Федерации: учебник / под ред. В. В. Устюкова. М.: Статут, 2021. 512 с.

9. Хлуденева Н. И. Экологические требования в сфере недропользования: международные и национальные аспекты // Экологическое право. 2019. № 5. С. 24–31.
10. Моисеев А. А. Международно-правовые механизмы охраны окружающей среды // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 112–125.

Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность личности

Демидова Анастасия Валерьевна, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье исследуются насильственные преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности как особо опасная группа посягательств. Анализируются уголовноправовые признаки составов, криминологическая характеристика, детерминанты и меры противодействия. Обосновывается необходимость комплексного подхода к профилактике и расследованию данных преступлений.

Ключевые слова: половая свобода, половая неприкосновенность, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, профилактика преступлений, защита потерпевших.

Violent attacks on sexual freedom and sexual integrity of a person

The article examines violent crimes against sexual freedom and sexual inviolability of the individual as a particularly dangerous group of attacks. The criminal law features of the compounds, criminological characteristics, determinants and counteraction measures are analyzed. The necessity of an integrated approach to the prevention and investigation of these crimes is substantiated.

Keywords: sexual freedom, sexual integrity, rape, sexual violence, crime prevention, victim protection.

Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность личности относятся к числу наиболее общественно опасных преступлений, посягающих на фундаментальные права человека: достоинство, физическую и психическую неприкосновенность, право на безопасное существование. Их высокая латентность, тяжёлые последствия для жертв и сложность доказывания обуславливают необходимость углублённого научного осмысления и совершенствования механизмов противодействия.

Актуальность исследования обусловлена исключительной общественной опасностью преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Помимо непосредственного физического и психического вреда жертвам, такие деяния провоцируют долгосрочные негативные последствия:

- нарушают нормальное половое и нравственное развитие личности;
- создают препятствия для формирования здоровых семейных отношений и деторождения;
- ведут к глубокой десоциализации пострадавших;
- подрывают базовые ценности общества и доверие к институтам защиты.

В силу этого данные преступления находятся в фокусе внимания законодателя, правоприменителей и научного сообщества, требуя постоянного совершенствования механизмов профилактики и реагирования.

В настоящее время проблема половых преступлений, изучение их сущности отражается во многих научных отраслях, прежде всего, в социологии, психологии, сексологии. Сексуальные отношения, как правило, регулируются нормами морали, нравственными нормами, лишь косвенно такие отношения регулируются нормами семейного законодательства посредством регулирования брачных отношений супругов. Что касается уголовного законодательства, то в нем лишь установлен запрет деяний, противоречащих правам человека и гражданина, а именно его свободе и неприкосновенности.

Судебный департамент при Верховном Суде РФ опубликовал статистические данные о состоянии судимости в России за 2024 г. Согласно отчету, в 2024 г. число осужденных по основной статье уменьшилось почти на 43 тыс. человек, т. е. на 8 %. В 2023 году число осужденных по преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности составляло 7 944 чел., в 2024 году число составило 8228 чел., из них в 2023 году к лишению свободы было приговорено 5381 чел., в 2024 году 5237 чел. [9].

Кроме того, согласно последним данным, статистика по преступлениям против несовершеннолетних остаётся стабильно высокой. Уголовные дела, связанные с изнасилованием, сексуальным насилием и развратными действиями, не редкость и требуют глубокого анализа [7]. Количество преступлений сексуального характера в отношении детей

в России, с 2010 года по 2024 год увеличилось на 44 % [8]. Более 50 % таких преступлений идет из семьи, то есть совершается близкими родственниками и лицами, которые в той или иной степени знакомы с несовершеннолетними. Данный факт затрудняет своевременное выявление и предотвращение насилия. Такие преступления часто носят скрытый характер, так как зачастую дети запуганы и умалчивают о том, что происходит в семье, боятся, что им не поверят, если они расскажут о происходящем. Исходя из этого можно сказать о том, что таких преступлений гораздо больше, чем говорится в статистике государственных органов.

Половая неприкосновенность и половая свобода личности в той или иной интерпретации с давних времен находят отражение в отечественном законодательстве в качестве объектов уголовно-правовой охраны [6, с.188].

Система преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности включает в себя 5 самостоятельных составов преступлений:

1. Изнасилование (ст. 131 УК РФ [1])
2. Насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ)
3. Понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ)
4. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ)
5. Развратные действия (ст. 135 УК РФ)

При этом к преступлениям против половой свободы личности относят изнасилование, насильственные действия сексуального характера и принуждение к действиям сексуального характера. К преступлениям против половой неприкосновенности относятся половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста и развратные действия.

Говоря о сущности преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, следует определить ряд признаков, которые характерны исключительно для данной категории преступлений.

Наиболее общую характеристику «половым преступлениям» дал Р. Д. Шарапов, который определил, что «для указанных преступлений характерны: Сексуальная направленность деяний; Умышленный характер деяний; Нарушение нормального уклада сексуальных отношений, сложившегося в обществе» [4, с.55].

А. И. Рарог называл в числе признаков половых преступлений, также их «направленность на удовлетворение сексуального влечения самого виновного или других лиц» [3, с.134].

Савельев Д. В. указанные признаки дополнял указанием на «умышленные действия, направленные против нравственного и физического развития лиц, не достигших 16-летнего возраста» [2, с.118].

Ответственность за преступления, посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу личности предусмотрена статьями 131–135 УК РФ, которые объединены в главе 18.

Все объединенные в главе 18 УК РФ составы преступлений могут различаться способом их совершения (с применением насилия или без такового), субъектом преступления (восемнадцатилетние, шестнадцатилетние и четырнадцатилетние; мужчина или женщина) и рядом иных особенностей. Не поддается сомнению то, что в рамках подобной системы законодателем должны быть предусмотрены четкие критерии для разграничения внешне схожих деяний, однако, на практике не всегда подобные границы возможно выявить [5, с.62].

Для противодействия насильственным половым преступлениям необходим комплекс мер.

Законодательные меры предполагают уточнение критериев беспомощного состояния, усиление ответственности за преступления в отношении несовершеннолетних и регулирование онлайнпосягательств (киберпреступления сексуальной направленности).

Правоприменительные меры включают создание специализированных подразделений по расследованию половых преступлений, обучение следователей и судей методам работы с потерпевшими, внедрение протоколов «нулевой терпимости» к сексуальному насилию.

Профилактические меры охватывают сексуальное воспитание в образовательных учреждениях, информирование о правах и механизмах защиты, работу с группами риска (неблагополучные семьи, лица с девиантным поведением) и антидискриминационные кампании против виктимблейминга.

Реабилитационные меры предусматривают создание кризисных центров для жертв сексуального насилия, предоставление бесплатной психологической и юридической помощи, программы ресоциализации потерпевших и сопровождение в ходе следствия и суда.

Таким образом, под половой свободой необходимо понимать свободу личности в выборе полового партнера, свобода действий в рамках половой жизни. Половой неприкосновенностью необходимо считать императивный запрет на вступление в половую связь с определенными группами лиц, в том числе не достигших возраста совершеннолетия, а также находящихся в беспомощном состоянии, обусловленный особенностями их физического, психоэмоционального и умственного состояния. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности представляют собой серьезную угрозу правам человека и требуют четкого правового регулирования и эффективной профилактики.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954

2. Савельев, Д. В. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / Д. В. Савельев. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 374 с.
3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2016. — 436 с.
4. Шарапов, Р. Д. Теоретические основы квалификации насильственных преступлений: монография / Р. Д. Шарапов. — Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2005. — 184 с.
5. Гришин, А. В. О квалификации изнасилования и ряда преступлений против половой неприкосновенности / А. В. Гришин, Ю. П. Якубина // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2025. — № 3. — С. 59–67.
6. Епифанов, Р. А. История развития российского уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности / Р. А. Епифанов // Молодой ученый. — 2023. — № 44 (491). — С. 187–190.
7. Около 2000 детей в России пострадали от насилия в семье в 2024 году: Форбс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/501161-za-poslednij-god-v-rossii-soverseno-bolee-100-000-prestuplenij-protiv-detej>
8. Генпрокуратура: число преступлений сексуального характера в отношении детей за 12 лет выросло в России почти вдвое: BFM [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/515614?ysclid=maju4k4qru21077604>
9. Опубликована статистика состояния судимости за 2024 г.: Адвокатская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/opublikovana-statistika-sostoyaniya-sudimosti-za-2024-g/>

Судебный прецедент как инструмент ограничения судейского усмотрения: баланс между единообразием и независимостью

Демичева Анастасия Геннадьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кудяева Анна Владимировна, старший преподаватель

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты (Ростовская область)

В статье анализируется роль судебного прецедента (правовых позиций высших судебных инстанций) в современном гражданском процессе. Рассматривается диалектическая связь между необходимостью ограничения судейского усмотрения для обеспечения правовой определенности и сохранением конституционного принципа независимости судей. Автор обосновывает, что прецедент выступает не как ограничитель свободы воли судьи, а как механизм минимизации субъективизма и обеспечения равенства граждан перед законом.

Ключевые слова: судебный прецедент, судейское усмотрение, гражданский процесс, правовая определенность, единообразие судебной практики, независимость судей.

Трансформация российской правовой системы в последние десятилетия характеризуется постепенным признанием за решениями высших судебных инстанций статуса фактического источника права. Несмотря на принадлежность России к романо-германской правовой семье, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) де-факто выполняют функцию прецедента. В условиях усложнения гражданского оборота и наличия в законодательстве большого количества оценочных категорий, вопрос о пределах судейского усмотрения приобретает особую остроту.

Какова природа судейского усмотрения в гражданском процессе? Судейское усмотрение — это предоставленная законом возможность выбора одного из нескольких законных вариантов решения дела, исходя из внутреннего убеждения судьи и конкретных обстоятельств дела. Вместе с тем, «безграничное» усмотрение несет в себе риски снижения предсказуемости судебного акта, нару-

шения принципа равенства (при схожих обстоятельствах принимаются диаметрально противоположные решения). В судебной практике часто можно столкнуться с различной трактовкой оценочных понятий, например таких как, «разумность», «добросовестность», «соразмерность», что вполне может породить коррупционные риски.

Судебный прецедент в Российской Федерации не является источником права, а значит, судебные решения, выносимые по конкретным делам, не обладают нормативным характером и не являются общеобязательными предписаниями, создающими новые правовые нормы для неопределенного круга лиц и случаев. Основной функцией судов в Российской Федерации является правоприменение, то есть точное и единообразное применение уже существующих норм права, содержащихся в Конституции РФ, федеральных конституционных законах, федеральных законах, подзаконных актах и международных договорах.

Однако, несмотря на формальное непризнание судебного прецедента в качестве источника права, в российской правовой системе сформировался и успешно функционирует механизм, обеспечивающий единство судебной практики и стабильность правоприменения, который имеет существенное, хотя и не прямое, нормативное значение. Речь идет, прежде всего, о руководящих разъяснениях Пленума ВС РФ, а также об обзорах судебной практики, утверждаемых Президиумом ВС РФ. В этой связи В. Д. Зорькин утверждал «Правотворческая деятельность судов в правовой системе России формально (официально) не признается, в доктрине интерпретируется противоречиво, но реально существует и через высшие судебные инстанции влияет на развитие права» [1, с. 4].

Таким образом, хотя судебное решение по конкретному делу не становится источником права, системное обобщение и интерпретация правовых норм высшими судебными инстанциями играют роль квази-прецедентных ориентиров, обеспечивающих предсказуемость правосудия и защиту прав граждан, не вступая при этом в противоречие с принципом разделения властей и прерогативой законодателя по формированию нормативно-правовой базы. Как справедливо утверждают Лазарев В. В., Гаджиев Х. И. «...прецеденту присуща посредническая роль между практикой и законом, когда реализация права выражается в сопутствующей ей правотворческой функции суда» [2, с. 9].

Судебный прецедент, не являясь юридической категорией, его глубинное инструментальное значение находит свое выражение в сфере правоприменения, что и обуславливает его особую роль в современной правовой системе. Так, к примеру, широкая юридическая общественность, а также внимательные граждане с нетерпением ожидали принятия ВС РФ решения по «делу Долиной», вызвавшему общественный резонанс, что свидетельствует о возрастающем значении судебного прецедента для всех участников правоотношений [3].

Анализируя и применяя разъяснения ВС РФ, правоприменитель наполняет абстрактные положения законодательства конкретным содержанием, тем самым существенно сужая потенциальное пространство для произвольного или субъективного толкования, что гарантирует большую предсказуемость правоприменительной практики. Следует согласиться с Г. Кельзеном в том, что «Судебное решение является продолжением, но не началом создания процесса права» [4, с. 316].

Судебный прецедент служит эффективным процессуальным фильтром, поскольку нарушение принципа единообразия судебной практики, согласно положениям статьи 391.9 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, представляет собой самостоятельное и достаточное основание для отмены оспариваемого судебного акта в рамках кассационного или надзорного производства, что подчеркивает необходимость соблюдения стабильности и последовательности в отправлении правосудия.

При этом, судебный прецедент формирует фундамент доказательственной логики, устанавливая стандарты доказывания, что важно для определения круга фактов, имеющих существенное значение для правильного разрешения конкретной категории дел, поскольку именно эти стандарты обеспечивают последовательность и объективность в процессе установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Однако, существует мнение, что жесткое следование прецеденту превращает судью в «автомат по применению позиций», лишая его возможности учитывать уникальность каждого спора и посягая на принцип независимости судей. В статье 120 Конституции РФ сказано «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону».

Отечественная правоприменительная практика склонна к обеспечению правовой стабильности и предсказуемости, даже если концепция правовой определенности не находит прямого закрепления в нормативных актах. В целом ряде постановлений Пленума ВС РФ провозглашается принципиальная важность строгого соблюдения единообразия в правоприменительной деятельности нижестоящих судебных инстанций. Поэтому Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 391.9) содержит положение, устанавливающее нарушение единообразия в применении и (или) толковании судами норм права в качестве самостоятельного и безусловного основания для отмены или изменения судебных постановлений в порядке кассационного или надзорного производства.

Учитывая возросшую роль судебного прецедента в отечественном правовом порядке, следует отметить, что баланс между независимостью и единообразием смещается в сторону транспарентности — судья независим в принятии решения по конкретному делу, но его выбор должен быть предсказуем и соотнесен с вектором, заданным ВС РФ. Судья вправе отойти от прецедента, если фактические обстоятельства рассматриваемого дела существенно отличаются от тех, на которых основана позиция вышестоящего суда. Можно утверждать, что судебный прецедент косвенно обязывает судью следовать конституционному принципу равенства всех перед законом и судом. Независимость судьи позволяет судам первой и апелляционной инстанций формулировать новые подходы, которые впоследствии могут быть «засилены» ВС РФ, что предотвращает стагнацию системы.

Таким образом, судебный прецедент в настоящее время не подменяет собой закон, но служит необходимым дополнением к нему, выступая «навигатором» в поле судебного усмотрения. Ограничение дискреции судьи через следование правовым позициям высших судов не нарушает независимость судей, а, напротив, защищает их от упреков в пристрастности и субъективизме. Истинный баланс заключается в восприятии прецедента не как догмы, а как методологической основы, позволяющей достичь справедливости через правовую определенность.

Литература:

1. Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. — 2004. — № 12. — С. 3–4.
2. Лазарев В. В., Гаджиев Х. И. Основные источники (формы) судебного права // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 9. — С. 5–22.
3. Определение Верховного Суда РФ от 16.12.2025 г. № 5–КГ25–174–К2. — Электронный ресурс. — режим доступа: URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2508866 (дата обращения: 19.12.2025).
4. Кельзен Г. Чистое учение о праве. — СПб., 2015. — 540 с.

Особенности недействительности сделок

Донцов Андрей Александрович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует особенности недействительности сделок в Российской Федерации.

Институт сделок является одним из основополагающих институтов гражданского права Российской Федерации, поскольку именно посредством сделок осуществляется реализация автономии воли субъектов гражданских правоотношений, обеспечивается движение имущественных благ и формируется устойчивость гражданского оборота. В соответствии со статьёй 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Однако юридическое значение имеет лишь такая сделка, которая соответствует требованиям, установленным законом. Несоблюдение этих требований влечёт признание сделки недействительной и утрату ею предполагаемых правовых последствий.

Недействительность сделки представляет собой особую форму гражданско-правовой санкции, применяемой в случае нарушения условий её действительности. Общие положения о недействительности сделок закреплены в главе 9 ГК РФ. Согласно статье 166 ГК РФ все недействительные сделки подразделяются на ничтожные и оспоримые. Данное разграничение имеет принципиальное значение, поскольку определяет момент утраты сделкой юридической силы, круг лиц, имеющих право на защиту, а также процессуальный порядок восстановления нарушенных прав.

Ничтожная сделка является недействительной с момента её совершения независимо от признания её таковой судом. К числу ничтожных относятся, в частности, сделки, не соответствующие требованиям закона или иных правовых актов (ст. 168 ГК РФ), сделки, совершённые с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), а также сделки, совершённые недееспособными лицами (ст. 171 ГК РФ). Оспоримая сделка, напротив, считается действительной до момента при-

знания её недействительной судом, что вытекает из содержания статьи 166 ГК РФ.

Особенностью института недействительности сделок является его тесная связь с принципом свободы договора, закреплённым в статье 421 ГК РФ. Свобода договора предполагает возможность сторон самостоятельно определять содержание сделки, выбирать контрагента и форму взаимодействия. Однако данная свобода не является абсолютной и ограничивается необходимостью соблюдения требований закона, защиты публичных интересов и прав третьих лиц. Именно в этом контексте недействительность сделки выступает как механизм установления баланса между частной автономией и публичным порядком.

Основания недействительности сделок отличаются значительным многообразием. К ним относятся пороки субъектного состава сделки, выражающиеся в отсутствии дееспособности или превышении полномочий; пороки воли и волеизъявления, такие как заблуждение, обман, насилие или угроза (ст. 178, 179 ГК РФ); несоблюдение установленной формы сделки (ст. 162, 165 ГК РФ); а также противоречие содержания сделки императивным нормам права. На практике нередко встречаются ситуации, когда сделка содержит сразу несколько оснований недействительности, что существенно усложняет её правовую квалификацию.

Особое значение имеют пороки воли, поскольку они затрагивают внутреннее волеобразование стороны сделки. Например, сделка, совершённая под влиянием существенного заблуждения, может быть признана недействительной как оспоримая (ст. 178 ГК РФ). При этом суды обязаны учитывать характер заблуждения, его значимость для стороны и влияние на формирование её воли. Аналогичным образом сделки, совершённые под воздействием обмана, насилия или угрозы, подрывают принцип добровольности гражданского оборота

и подлежат признанию недействительными в судебном порядке.

Правовые последствия недействительности сделки регламентированы статьёй 167 ГК РФ. Общим последствием является двусторонняя реституция, при которой каждая из сторон обязана возвратить другой всё полученное по сделке, а при невозможности возврата — возместить стоимость полученного. Вместе с тем законодатель предусматривает и специальные последствия, которые применяются в зависимости от характера нарушения и поведения сторон. Так, в случае совершения сделки с противоправной целью суд вправе отказать в защите права полностью или частично, что подчёркивает карательно-превентивный характер данного института.

Существенную роль в развитии института недействительности сделок играет судебная практика, прежде всего правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации. В Постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» даны разъяснения относительно порядка применения норм о недействительности сделок, разграничения ничтожных и оспоримых сделок, а также последствий их признания недействительными. Верховный Суд РФ указал, что при рассмотрении соответствующих споров судам необходимо исходить из принципа добросовестности участников гражданских правоотношений, закреплённого в статье 1 ГК РФ.

Особое внимание в судебной практике уделяется проблеме злоупотребления правом при оспаривании сделок. В соответствии со статьёй 10 ГК РФ не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу

или обойти закон. Верховный Суд РФ неоднократно подчёркивал, что требование о признании сделки недействительной не может использоваться как средство уклонения от исполнения обязательств или перераспределения предпринимательских рисков. Такой подход направлен на укрепление стабильности гражданского оборота и защиту добросовестных участников правоотношений.

Институт недействительности сделок имеет межотраслевой характер и активно применяется в семейном, корпоративном и финансовом праве. Например, в корпоративных отношениях признание сделки недействительной может быть связано с нарушением порядка одобрения крупных сделок или сделок с заинтересованностью. В семейном праве недействительность сделок нередко затрагивает интересы супругов и несовершеннолетних, что требует особой осторожности при применении правовых последствий. Это подтверждает универсальность и высокую практическую значимость рассматриваемого института.

Таким образом, недействительность сделок представляет собой сложный и многоаспектный правовой институт, направленный на обеспечение законности, справедливости и устойчивости гражданского оборота. Анализ норм ГК РФ и судебной практики Верховного Суда РФ позволяет сделать вывод о том, что данный институт выполняет не только восстановительную, но и превентивную функцию, предупреждая нарушения прав участников гражданских правоотношений. Его дальнейшее развитие требует взвешенного подхода, основанного на учёте принципов свободы договора, добросовестности и правовой определённости, что делает исследование особенностей недействительности сделок актуальным и значимым для современной цивилистической науки.

Современные проблемы воспитательной работы с несовершеннолетними, отбывающими наказание

Драч Артем Михайлович, студент магистратуры
Херсонский технический университет (г. Геничesk)

Научный руководитель: Чебошнян Татьяна Гайковна, кандидат юридических наук, доцент
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

В статье рассматриваются современные проблемы воспитательной работы с несовершеннолетними, отбывающими наказание в воспитательных колониях. Особое внимание уделяется недостаточной индивидуализации воспитательных программ, что снижает их эффективность из-за игнорирования специфических потребностей и психологических особенностей каждого подростка. Также анализируется проблема слабого межведомственного взаимодействия между учреждениями ФСИН и органами профилактики, включая правовые и организационные барьеры в координации действий с органами опеки и попечительства. Акцентируется внимание на проблемах преемственности профилактической работы и разрозненности усилий различных ведомств, что препятствует эффективной ресоциализации несовершеннолетних осуждённых после освобождения. В заключение подчёркивается необходимость совершенствования межведомственного сотрудничества и разработки индивидуализированных подходов для повышения эффективности воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные, воспитательная работа, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, ФСИН, пенитенциарные учреждения, психолого-педагогическая диагностика, профилактика рецидивов, органы опеки.

Актуальность настоящего исследования подчеркивается тревожной статистикой роста рецидивной преступности среди несовершеннолетних осужденных в России. За период 2023–2024 годов, по данным Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), отмечается увеличение числа повторных правонарушений на 12 %. Данная динамика актуализирует необходимость пересмотра подходов к воспитательной работе в исправительных учреждениях в свете последних изменений уголовно-исполнительного законодательства, в частности, Федерального закона № 239-ФЗ от 08.08.2024, который направлен на усиление профилактики рецидивной преступности среди несовершеннолетних.

Ключевая проблема заключается в системной неэффективности воспитательных программ для несовершеннолетних осужденных, что обусловлено отсутствием законодательно закрепленных механизмов индивидуализации ресоциализации, предусмотренных статьей 109 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ). Недостаточное взаимодействие между учреждениями ФСИН и органами опеки и попечительства, как показывают судебная практика и ведомственные отчеты, также в значительной мере препятствует успешной реинтеграции несовершеннолетних в общество после освобождения.

Целью данного исследования является проведение комплексного анализа правовых и организационных проблем воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в рамках российской пенитенциарной системы. На основе выявленных проблем планируется разработать конкретные предложения по совершенствованию норм УИК РФ и Федерального закона № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», что позволит повысить эффективность ресоциализации и снизить уровень рецидивной преступности.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: во-первых, осуществляется систематизация нормативно-правовой базы, регулиющей воспитательную работу с несовершеннолетними осужденными; во-вторых, анализируются практические проблемы реализации воспитательных мер на основе изучения пенитенциарной практики в Российской Федерации; в-третьих, разрабатываются рекомендации по устранению выявленных законодательных пробелов, особенно в части индивидуализации мер воздействия и улучшения межведомственной координации.

В контексте правовых основ воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в Российской Федерации ключевую роль играют конституционные нормы, направленные на защиту прав ребенка. Статья 38 Конституции Российской Федерации провозглашает, что мате-

ринство и детство, семья находятся под защитой государства. Это положение формирует фундаментальную основу для всех последующих законодательных актов, регулирующих воспитательную работу.

Соотношение международных стандартов обращения с несовершеннолетними правонарушителями и российских конституционных положений является важным аспектом формирования правовой базы воспитательной работы. Российская Федерация, как участник международных договоров, признает приоритет общепризнанных принципов и норм международного права, что отражено в части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации. Это обязывает государство учитывать такие документы, как Конвенция ООН о правах ребенка, при формировании национального законодательства в сфере воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее — УИК РФ) определяет основные направления воспитательной работы с осужденными, включая несовершеннолетних. В частности, статья 109 УИК РФ устанавливает, что «воспитательная работа с осужденными направлена на их исправление, формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, стимулирование правопослушного поведения». Эти положения подчеркивают комплексный характер воспитательного воздействия, ориентированного на ресоциализацию и адаптацию несовершеннолетних к жизни в обществе. При этом специфика работы с несовершеннолетними осужденными обусловлена их возрастными и психофизиологическими особенностями, требующими применения особых подходов и методик.

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее — ФЗ № 120-ФЗ) также играет ключевую роль в правовом регулировании воспитательного воздействия. Данный закон определяет систему органов и учреждений профилактики, их компетенцию и порядок взаимодействия, направленные на предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних. Важно отметить, что положения ФЗ № 120-ФЗ распространяются и на несовершеннолетних, отбывающих наказание, обеспечивая преемственность профилактических мер на всех этапах их социального становления. Таким образом, законодательство формирует правовую основу для комплексного воздействия на личность несовершеннолетнего осужденного, способствуя его исправлению и дальнейшей интеграции в общество.

Одной из ключевых проблем в системе воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными является отсутствие индивидуализации программ, что существенно

снижает эффективность коррекционного воздействия. Стандартизированные подходы не учитывают специфические потребности, психологические особенности и жизненный опыт каждого подростка, что препятствует формированию устойчивых позитивных изменений. Несмотря на то, что «незначительная численность несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях позволяет создание индивидуального, комплексного и адресного воздействия на них», на практике это реализуется не в полной мере.

Формальный подход к разработке и реализации реабилитационных мероприятий приводит к тому, что несовершеннолетние не получают адекватной поддержки для изменения девиантных моделей поведения. Это способствует воспроизводству противоправных действий после освобождения, поскольку не происходит глубокой проработки причин их отклоняющегося поведения. Как отмечается, «невысокая, подчас, эффективность при проведении коррекционной работы с несовершеннолетними в воспитательных колониях является следствием применения сотрудниками техник и методов, ориентированных на взрослую аудиторию, не адаптированных к специфическим ювенальным особенностям» [8, с.132].

Недостаточное взаимодействие между учреждениями ФСИН и органами профилактики является одной из ключевых проблем в системе ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Существующие правовые пробелы в регулировании межведомственного сотрудничества значительно затрудняют эффективную передачу данных о несовершеннолетних после их освобождения. Это создает сложности для своевременного включения бывших осужденных в систему социальной адаптации и поддержки.

Организационные барьеры в координации действий учреждений исполнения наказаний и органов опеки и попечительства существенно ограничивают преемственность профилактической работы. Отсутствие четких механизмов обмена информацией и совместного планирования мероприятий приводит к разрозненности усилий различных ведомств. «Данное обстоятельство иллюстрирует недостаточную координацию субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в совместной работе несмотря на то, что все субъекты функционируют в единой системе межведомственного взаимодействия [9, с.149]».

Кадровый дефицит в воспитательных учреждениях ФСИН России представляет собой серьезное препятствие для реализации эффективной ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Острая нехватка психологов и социальных работников приводит к чрезмерной нагрузке на имеющихся специалистов. Как отмечают эксперты, «численность психологов и социальных работников в воспитательных колониях не соответствует установленным нормативам». Это негативно сказывается на качестве психолого-педагогического сопровождения, что затрудняет процесс коррекции поведения подростков.

Финансовая ограниченность материально-технической базы воспитательных центров существенно сдер-

живает применение инновационных воспитательных методик. Отсутствие необходимого оборудования и современных обучающих материалов препятствует полноценной организации образовательного и досугового процессов. Данная проблема усугубляется моральным и физическим износом существующей инфраструктуры, что дополнительно снижает эффективность реабилитационных программ.

Для усиления индивидуального подхода в воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными необходимо ввести в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) нормы, обязывающие учитывать возрастные и психологические особенности каждого подростка при разработке индивидуальных воспитательных программ. Это позволит адаптировать методы и формы воспитательного воздействия к конкретным потребностям и уровню развития несовершеннолетнего, повышая эффективность ресоциализации. Применение комплексных индивидуальных программ ресоциализации является ключевым элементом в данном процессе. Как отмечают исследователи, «Одной из приоритетных задач упомянутой программы является «совершенствование уголовно-исполнительного законодательства в части организации воспитательной и социальной работы с осужденными». Исходя из поставленной задачи и основываясь на анализе проблем в организации и проведении социально-педагогической работы с лицами, отбывающими уголовные наказания, предлагаем на ведомственном уровне разработать и принять следующие нормативные акты: о применении комплексных индивидуальных программ ресоциализации в отношении лиц, отбывающих уголовные наказания [1, с.47]».

Важным шагом является закрепление в УИК РФ требований к проведению комплексной психолого-педагогической диагностики как основы для формирования персонализированных планов воспитательной работы. Такая диагностика должна предшествовать разработке любой воспитательной программы, предоставляя полную картину личностных характеристик, девиантного поведения и образовательных потребностей несовершеннолетнего. Результаты диагностики позволят формировать не только общие, но и специализированные коррекционные программы, нацеленные на устранение конкретных проблем и развитие необходимых навыков для успешной адаптации в обществе. Это обеспечит более глубокое понимание причин совершения правонарушений и выбор адекватных методов воздействия.

В контексте совершенствования законодательства и практики воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными, одним из ключевых направлений является развитие механизмов межведомственного взаимодействия. Эффективность профилактики правонарушений напрямую зависит от скоординированных действий различных структур. В этой связи, создание единой информационной платформы для оперативного взаимодействия между учреждениями ФСИН, комиссиями по

делам несовершеннолетних и органами опеки представляется крайне актуальным.

Для реализации полноценного межведомственного взаимодействия необходимо разработать и внедрить правовые механизмы оперативного обмена персональными данными несовершеннолетних, осуждённых между ведомствами. При этом крайне важно обеспечить строгое соблюдение требований законодательства Российской Федерации о защите персональных данных. Только при условии надежной защиты информации и четкого регламента ее использования возможно построение эффективной системы профилактики правонарушений среди данной категории лиц.

Для повышения эффективности воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными необходимо внедрение обязательных курсов повышения квалификации для сотрудников воспитательных служб. Эти курсы должны быть ориентированы на освоение современных методик ресоциализации подростков, учитывающих их возрастные и психологические особенности. Особое внимание следует уделить формированию навыков работы с трудными подростками и применению индивидуального подхода в воспитательном процессе. Важно, чтобы программы обучения включали практические занятия и обмен опытом между специалистами.

Оптимизация бюджетного финансирования является ключевым аспектом для обеспечения качественной реализации воспитательных программ. Целевое выделение средств на материально-техническое обеспечение учреждений ФСИН позволит обновить оборудование, создать современные образовательные и досуговые пространства. При этом «немаловажное значение приобретает и роль руководителя учреждения, его заместителей и непосредственных начальников отделов и служб, сотрудники которых принимают участие в обучении». Положительное отношение руководства к таким мероприятиям способствует повышению их субъективной значимости, что, в свою очередь, положительно влияет на посещаемость занятий сотрудниками и на эффективность обучения [6, с.43].

Воспитательная работа с несовершеннолетними осужденными в России сохраняет свою высокую актуальность, особенно в свете роста рецидивной преступности среди подростков и недавних законодательных изменений. Увеличение числа осужденных несовершеннолетних на 12 % за последние два года подчеркивает остроту проблемы. Поправки в УИК РФ, введенные в 2023 году, направлены на усиление профилактики рецидива, что требует глубокого анализа эффективности существующих мер воспитательного воздействия.

Исследование правовых основ выявило существенные пробелы в регулировании воспитательной работы, несмотря на наличие УИК РФ и Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Отсутствие четких критериев индивидуализации мер ресоциализации и недостаточное межведомственное взаимодействие между учреждениями ФСИН и органами опеки снижают эффективность программ. Это приводит к формальному выполнению воспитательных функций без достижения поставленных целей.

Для устранения выявленных проблем предложены конкретные меры, включая корректировку норм УИК РФ для усиления индивидуального подхода в воспитательных программах. Развитие механизмов координации между ФСИН и органами профилактики позволит обеспечить комплексное решение проблем несовершеннолетних осужденных. Кроме того, необходимо улучшение кадрового обеспечения и материально-технической базы для повышения качества воспитательной работы.

Реализация разработанных рекомендаций направлена на повышение эффективности воспитательной работы и ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Это будет способствовать снижению уровня рецидивной преступности среди подростков, что полностью соответствует целям современной уголовно-исполнительной политики России. Проведенное исследование подтверждает необходимость системных изменений в законодательстве и практике для достижения устойчивых результатов.

Литература:

1. Ананьев О. Г., Кузнецов М. И. Оказание социально-педагогической помощи лицам, отбывающим наказания в виде лишения свободы // Психология и педагогика в уголовно-исполнительной системе. Вопросы современной науки и практики. — 2021. — № 1. — С. 45–48. URL: [https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/ВСНИП %202021/ВСНИП %201\(4\)_2021/ananievkuznecov.pdf](https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/ВСНИП %202021/ВСНИП %201(4)_2021/ananievkuznecov.pdf)
2. Викторов В. Ю., Матвеев П. А., Шумаков С. А. Проблемы усиления уголовной ответственности за изнасилование и другие преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». — 2022. — № 2. — С. 94–98. URL: <https://eprints.tversu.ru/id/eprint/11364/1/Право %202022-2-94-101.pdf>
3. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Пути коррекции детско-родительских отношений в семье несовершеннолетних осужденных // Психология и педагогика в уголовно-исполнительной системе. — 2021. — № 2. — С. 77–81. URL: [https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/ВСНИП %202021/ВСНИП %202\(5\)_2021/zautrova-kevlya.pdf](https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/ВСНИП %202021/ВСНИП %202(5)_2021/zautrova-kevlya.pdf)
4. Зеленская О. О., Демьянов В. В. Отдельные аспекты комплектования кадрового состава уголовно-исполнительной системы // Вопросы российского и международного права. — 2020. — № 10. — С. 85–91. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44718582>

5. Кириллова Т. В., Пашукова А. Д. Профессиональная компетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов // Психология и право. — 2023. — № 1. — С. 64–76. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2023_n1/Kirillova_Pashukova
6. Кряжева С. Г. Оценка эффективности программы формирования профессионально-педагогической готовности сотрудников УИС к воспитательной работе с несовершеннолетними правонарушителями // Научный поиск: личность, образование, культура. — 2024. — № 4. — С. 38–44. URL: <https://sspu.ru/pages/journal/doi/2024-4/6>
7. Кунц Е. В. Научное обоснование проблемы несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. // Научная статья — 2023. — № 2. — С. 86–93. [электронный источник] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnoe-obosnovanie-problemy-nesovershennoletnih-osuzhdennyh-otbyvayuschih-nakazanie-v-vospitatelnyh-koloniyah>
8. Новиков А. В., Кулакова С. В., Кротова Д. Н. Психолого-педагогические и гендерные особенности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2019. — № 2. — С. 130–138. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-psycology-2019-2/16-novikov-kulakova-krotova.pdf>
9. Середа В. М., Сагитова Г. Р., Даниленко Л. А. и др. Межведомственное взаимодействие субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как системообразующий фактор эффективной медико-социальной помощи семье и детям // Проблемы городского здравоохранения. — 2023. — С. 147–151. URL: [https://pureportal.spbu.ru/ru/publications/\(628e235b-f3f4-44f2-8375-bb45295aa40f\)/export.html](https://pureportal.spbu.ru/ru/publications/(628e235b-f3f4-44f2-8375-bb45295aa40f)/export.html)
10. Суслов Ю. Е., Кряжева С. Г., Новиков А. В. Особенности педагогического воздействия посредством мероприятий культурно-воспитательного характера на делинктивных несовершеннолетних в закрытом социуме // Педагогический журнал. — 2021. — № 4. — С. 456–468. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2021-4/c18-suslov-kryazheva-novikov.pdf>
11. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 51 (602) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 31.12.2025. Дата выхода в свет: 07.01.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.